

РОБИН ГУД

Вадили
Эрлихман

ЖЗЛ — МАЛАЯ СЕРИЯ

В. Эрлихман

РОБИН ГУД

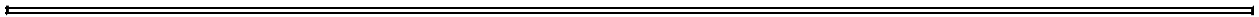
Annotation

Знаменитый предводитель «вольных стрелков» Робин Гуд воспет как в средневековых балладах, так и в современных романах, фильмах и телесериалах. Образ благородного разбойника, защищающего бедняков и смело бросающего вызов власть имущим, по-прежнему остается популярным, порождая не только поклонников, но и подражателей. При этом большинство ученых уверены, что Робин Гуд — фольклорный герой, никогда не существовавший в реальности. Но так ли это? Какие исторические события и личности могли повлиять на возникновение колоритного образа хозяина Шервудского леса? И как этот образ в течение веков преломлялся в фантазии сначала англичан, а потом и жителей других стран, включая Россию? Обо всем этом пишет в своей биографии Робин Гуда — человека и персонажа — историк Вадим Эрлихман.

- - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [ПРИЛОЖЕНИЕ](#)
 - [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ, СВЯЗАННЫЕ С ИМЕНЕМ РОБИН ГУДА](#)
 - [КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ](#)
 - [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)

- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)

- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

МАЛАЯ СЕРИЯ
ВЫПУСК
32

Вадим Эрлихман

РОБИН ГУД

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2012

Вадим Эрлихман

РОБИН ГУД

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Благородный разбойник» — что за странное сочетание слов? Какой резон простым людям, добывающим свой хлеб в поте лица, восхищаться тем, кто силой отбирает чужое добро, нарушая и Божий закон, и человеческий? Почему во всех концах света от Мексики до Австралии о разбойниках (и не только благородных) сочиняют легенды, поют песни, снимают фильмы?

Объяснений этому немало. Во-первых, обычный человек, погруженный в рутинную, опутанную массой правил и условностей жизнь, всегда хотя бы немного завидует тем, кто живет иначе, свободно и весело, пусть даже рискуя каждый день головой. Слово «разбойник» сразу вызывает ассоциации с грудями золота, лихими погонями, роковыми красавицами — всегдашними приметами уголовной романтики от Вийона до шансона. Тем, о чем другие только мечтают, разбойник пользуется по праву сильного — как же им не восхищаться? Во-вторых, упомянутый обычный человек, как правило, небогат и богачей не любит; то, что разбойники их грабят, кажется ему вполне справедливым. В-третьих, он недолюбливает и власть с ее налогами, тюрьмами и полицейскими. И если в столкновении стражей порядка с обычным воришкой или насильником обыватель всегда встает на сторону закона, то в конфликте с героическим разбойником его симпатии часто оказываются на другой стороне.

Максим Горький когда-то писал в предисловии к сборнику баллад о Робин Гуде: «Кроме лести слабого и зависти раба в отношении к разбойнику народ, бесправный и угнетенный, влагает свою страстную жажду справедливости. Он всегда ожидает, что справедливость снизойдет к нему или с небес, от Бога, или явится на земле, рожденная доброй волей сильных и властных людей... Людям забитым казалось, что смельчак, который вышел из их же среды, из их деревни, а теперь живет в лесу легкой и свободной жизнью, грабя прохожих и проезжих бедняков и богатых, бражничая с товарищами, деля поровну с ними всякую добычу... казалось, что этот человек воистину справедлив, ибо он ко всем одинаково безжалостен»^[1]. К этим словам пролетарского классика можно добавить лишь то, что предания о разбойниках утоляли не только народную тягу к справедливости, но и жажду чуда — ведь их неперменной частью являются поиски сокровищ, волшебное спасение от беды, встречи с таинственными существами, живущими в лесной чаще... или в бездне моря, если речь идет

о пиратах, «сводных братьях» разбойников.

Всякого «благородного» бандита фольклор наделяет стандартным набором положительных черт. Он храбр, дерзок, силен, красив. Он никогда не обижает женщин, детей и стариков. Он великодушен и не бросает товарищей в беде. И самое главное — он помогает бедным, защищает обиженных и карает зло, каким бы сильным оно ни казалось. Каждый ребенок знает имя человека, полнее всех воплощающего в себе эти качества, — Робин Гуд. Одни видели его на экране, другие читали о нем в романах, третьи даже добрались до первоисточника — английских баллад, повествующих о его подвигах. И почти все убеждены, что самый знаменитый разбойник в истории действительно жил в доброй старой Англии в одном из «средних веков».

Но в каком именно? Тут уже начинаются сложности. Время жизни Робин Гуда^[2] предания и исторические труды размещают в широком диапазоне от XII века, когда он будто бы клялся в верности королю Ричарду Львиное Сердце, до века XIV, когда с его именем шли в бой участники крестьянских восстаний. Не все ясно и с местом действия. Все знают, что разбойник жил в Шервудском лесу в английском графстве Ноттингемшир. Но на право называться его родиной претендует и соседнее графство Сауз-Йоркшир — именно там расположено местечко Локсли, где Робин будто бы появился на свет, а неподалеку, на развалинах аббатства Кирклис, находится его могила. Другие области Великобритании тоже предъявляют свои права на героя, демонстрируя названные в его честь скалы, ручьи и пещеры, а также пожелтевшие хартии с именами местных Робин Гудов — оказывается, за столетия это имя или прозвище носило множество людей. Кстати, что оно означает? Робин — обычная не только в старину, но и сегодня форма имени Роберт, а вот Гуд происходит вовсе не от слова «добрый» (*good*), а от английского названия капюшона — *hood*. Этот головной убор в средние века носили многие, от монахов до палачей, но почему в его честь назвали именно прославленного разбойника?

Гипотезы, связанные с именем Робин Гуда, мы подробно обсудим ниже, а пока перейдем к главному. Образ хозяина Шервудского леса ярок и обаятелен, память о нем пережила века, но говорит ли это о его историчности? В веках остались и другие герои старинных легенд — король Артур и его рыцари, Илья Муромец, Зигфрид, Роланд. Если у них и были исторические прототипы, то фантазия сказителей изменила их до неузнаваемости. Наверняка то же самое случилось с Робин Гудом, хотя он ближе к другим легендарным персонажам — смельчаку Уленшпигелю, заступнику бедняков Ходже Насреддину или даже хитрому лису Ренару

(недаром в диснеевском мультфильме Робина изобразили именно в виде лиса). В британском фольклоре Робин Гуд не только «параллелен» Артуру, но и «перпендикулярен» ему. С одной стороны, он тоже совершает богатырские подвиги, тоже защищает слабых, тоже окружен верной свитой «вольных удалцов». С другой — действует не на эпических просторах Великой Британии, а в сельском хоббитском мирке, общаясь не с великанами и драконами, а с мясниками и кожевниками. Его оружие — не рыцарский меч, а плебейский лук. Да и сам колорит робингудовских баллад не трагичен, а пасторален — их «веселые» и «славные» герои постоянно поют и танцуют на зеленом лугу, чего даже под страхом смерти не сделал бы ни один рыцарь Круглого Стола.

Таким образом, Робин Гуд — классический герой «третьего сословия», чье имя может затесаться в официальные хроники и документы разве что случайно. И все же это имя присутствует там на протяжении столетий — причем в таком контексте, будто Робин жив-здоров и прячется где-нибудь за ближайшим кустом. Этот «эффект присутствия» — самая большая тайна нашего героя, хотя есть и загадки поменьше. Кто похоронен в его могиле в Кирклисе и откуда взялись три разные даты его смерти? Почему одни источники называют Робина крестьянином, другие — графом, а третьи — даже приближенным короля? Был ли он женат и почему его возлюбленную Мэриан легенды настойчиво именуют «девой»? Все эти вопросы — не досужее упражнение для ума. Они помогают разобраться в том, какое место занимал реальный или воображаемый Робин Гуд в жизни средневековой Англии и какое место он занимает в нашей сегодняшней жизни, в которой все еще хватает зла, бедности и несправедливости — а значит, хватает дел для благородных разбойников.

Глава первая

РОЖДЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ

Легендарная биография Робин Гуда известна многим. Российские читатели знают ее по стихотворению, включенному в учебники истории как «старинная английская баллада»:

Еще он бороду не брил,
А был уже стрелок,
И самый дюжий бородач
Тягаться с ним не мог.

Но дом его сожгли враги,
И Робин Гуд исчез:
С ватагой доблестных стрелков
Ушел в Шервудский лес.

На самом деле эти строки принадлежат перу известного переводчика Игнатия Ивановского и представляют собой пересказ начальных строф самой длинной и самой поздней баллады о благородном разбойнике — «Подлинной истории Робин Гуда» (*A True Tale of Robin Hood*), написанной в 1632 году лондонским стихотворцем Мартином Паркером. Читателей, желающих больше узнать о жизни героя, они оставляют в недоумении — какие враги, почему сожгли? Заглянув в оригинал баллады, можно узнать гораздо больше — там говорится, что Робин «некогда был благородным графом Хантингдонским по имени Роберт Гуд». На весь север Англии он славился не только меткостью в стрельбе, но и щедростью, с какой угощал и одаривал в своем замке и приближенных, и случайных гостей. В итоге молодой граф растратил все свое состояние и влез в долги, одолжив крупную сумму у аббата обители Святой Марии в городе Йорк.

Богатый и влиятельный аббат, державший в долговом рабстве всю округу, пожаловался на злостного неплательщика королю, и Роберт был объявлен *outlaw*. Это слово (буквально «вне закона») означало тогда не только разбойника, как в более поздние времена, но и просто человека, исключенного из сферы действия закона, — его можно было безнаказанно

убить, ограбить, бросить в тюрьму. Спасаясь от подобной судьбы, Роберт с тремя сотнями своих «стрелков» (*bowmen*) бежал в ближайший лес и занялся разбоем. Помня о своем обидчике, он питал особую нелюбовь к монахам:

Попам не верил Робин Гуд
И не щадил попов:
Кто рясой брюхо прикрывал,
К тому он был суров.

Но если кто обижен был
Шерифом, королем,
Тот находил в глухом лесу
Совсем другой прием.

Совсем иным выглядит начало истории Робина в более ранней (XVI век) балладе «Путь Робин Гуда в Ноттингем», известной также под названием «Робин Гуд и лесники». Там герой — никакой не граф, а йомен, как в средневековой Англии называли особое сословие свободных землевладельцев, включавшее как крестьян побогаче, так и дворян победнее. В 15 лет, научившись мастерски стрелять из лука, Робин решил отправиться на состязание стрелков в Ноттингем. По дороге он встретил королевских лесников, расположившихся в лесу на пикник, и поспорил с ними, что уложит стрелой оленя на расстоянии ста саженьей^[3]. Робин выиграл, но лесники, не желая отдавать ему обещанные 20 марок серебра, пригрозили предать его суду, как браконьера. Рассердившись, юноша схватил лук и, не дав обманщикам опомниться, перестрелял их всех — 15 человек. Так же он поступил с отрядом из Ноттингема, явившимся на подмогу лесникам:

Один остался без руки,
И без ноги другой,
А Робин, взяв свой лук, ушел
В зеленый лес густой^[4].

Естественно, после этого смертоубийства юноше оставалось только укрыться в лесу, где к нему присоединились другие изгнанники — те, у

кого были нелады с законом. Законы тогда были суровыми — особенно так называемый «лесной закон», принятый после завоевания Англии в 1066 году нормандским герцогом Вильгельмом. По нему самые богатые дичью леса были объявлены королевской собственностью и охотиться в них строжайше запрещалось. Тот, кого лесники ловили с добытой мелкой дичью, мог лишиться глаза или правой руки, а убившего оленя или кабана ждала виселица. В то время густые лиственные леса покрывали почти половину страны, и для многих ее жителей охота была главным источником пропитания. Немудрено, что суровые меры захватчиков-нормандцев вызывали массовое недовольство местного англосаксонского населения, особенно на севере Англии, где, согласно преданиям, и орудовал легендарный разбойник.

Большинство авторов, пишущих об этой эпохе, сочувствуют угнетенным англосаксам, забывая, что до этого, в V–VII веках, они сами жестоко расправились с аборигенами-бриттами, частью истребив их, частью загнав в труднодоступные горы и болотистые пустоши. Создатели романов и фильмов о Робин Гуде почти единогласно считают своего героя борцом за права коренных англичан, мстящим нормандцам за обиды, нанесенные ему и его народу. В английском телесериале «Робин из Шервуда» завоеватели сжигают дом Робина (любопытная перекличка с пересказом Ивановского) и убивают его родителей, саксонских танов, чтобы захватить их земли.

А что говорят о происхождении Робина предания? Практически ничего — только баллада XVI века «Рождение Робин Гуда» сообщает, что он был сыном графского слуги Вилли и соблазненной им дочери графа Ричарда (по всей видимости, нормандца). Страхась мести отца, девушка бежала в лес и там родила красавца-сына, после чего граф отыскал их:

Спящего мальчика поднял старик
И ласково стал целовать.
— Я рад бы повесить отца твоего,
Но жаль твою бедную мать.

Из чащи домой я тебя принесу,
И пусть тебя люди зовут
По имени птицы, живущей в лесу,
Пусть так и зовут: Робин Гуд!^[5]

Robin — малиновка, красногрудая птичка, игравшая важную роль в суевериях жителей Британии. О связи ее с образом Робин Гуда мы поговорим позже, а пока запомним — герой рожден в лесу и с той поры неразрывно соединен с ним. Судя по балладе, граф забрал его на воспитание в свой замок, но годы, проведенные там, ни строчкой не отразились в легендарной биографии Робина. Впрочем, в классическом собрании английских баллад Фрэнсиса Чайлда «Рождение Робин Гуда» носит другое название — «Вилли и дочь графа Ричарда», и о Робине там не сказано ни слова. Похоже, здесь, как часто бывает в фольклоре, знаменитому герою приписаны приключения, случившиеся с героями менее известными или вовсе безымянными. Если это так, то о происхождении Робина мы не знаем ровно ничего.

В поисках истины стоит обратиться к самым ранним сочинениям, сохранившим имя разбойника. Вторая половина XIV века — важный рубеж, на котором завершается перемещение Робин Гуда из «реальной» истории в народную словесность, а потом и в литературу. Первое свидетельство этого — поэма Уильяма Ленгленда «Видение о Петре Пахаре», написанная около 1377 года. Автор, нищий лондонский причетник из крестьян, наполнил свое сочинение обвинениями в адрес жадных богачей, нерадивых церковников и продавцов индульгенций. Один из антигероев поэмы, тупой и праздный монах Слот («Лень»), признается: «Я не знаю „Отче наш“, как его поет священник, зато знаю стихи о Робин Гуде и Рэндольфе, эрле Честерском». Ленгленд здесь выступает не против самого Робина, а против «суетной» светской поэзии, которой духовные лица, по его мнению, интересоваться не должны. Примерно тогда же поэт-моралист Джон Гауэр в «Зерцале человеческого» с осуждением писал о монахах, которые «более правила блаженного Августина блюдут правило Робина, что, подобно вороне, заботится лишь о насыщении своего брюха». Возможно, тут речь идет не о разбойнике, а о плеее-крестьянине, которого английские писатели той эпохи порой иносказательно называли Робинот, как французские — Жаком.

Друг Гауэра, «отец английской поэзии» Джеффри Чосер, не разделял отрицательного отношения к Робин Гуду — в аллегорической поэме «Троил и Хрисеида» (1380) он вполне одобрительно отзывается о «веселом Робине». Похоже, читатели поэмы прекрасно знали, о ком идет речь, и это значит, что к тому времени Робин Гуд уже имел не местную, а общеанглийскую известность. Об этом говорит и записанная около 1410 года народная песня «Женщина» (*Woman*), где говорилось о герое, что «был известен на севере и юге, почти как Роберт Гуд» (*somewhat kyne to Robert*

Hoad). Неизвестный автор сочиненной тогда же религиозной поэмы «Богачи и бедняк» сетует, что люди слушают песни о Робин Гуде куда охотнее, чем проповеди в церкви.

Чуть позже, в 1429 году, был зафиксирован на бумаге первый дошедший до нас отрывок баллады о Робине — четыре строчки на североанглийском наречии, начинающиеся словами: *Robyn hod in scherewod stod* («Стоял Робин Гуд среди Шервуда»). В последующие годы появились как минимум четыре десятка баллад о Робин Гуде, хотя записаны они были гораздо позже, в XVII, а то и в XVIII столетиях. Впрочем, об истинном времени возникновения этих народных шедевров остается только гадать — как водится в фольклоре, их рассказчики из века в век модернизировали сюжет и язык баллад, заменяя непонятные слушателям слова новыми. Но суть баллад не менялась: большинство их посвящены вольной и веселой жизни Робина и его «удальцов» в Шервудском лесу. Дни их неотличимы один от другого: охота, пиры, тренировки в стрельбе и бое на палках. Эти молодецкие забавы перемежаются разбойничьим промыслом, притом обставленным довольно изящно — пойманных на лесной дороге разбойники уводили в свой лагерь, угощали до отвала, а в уплату забирали все, что находили у них в кошельках. Правда, не у всех: беднякам деньги оставляли, а иногда даже приплачивали. В том же стихотворении Игн. Ивановского, на сей раз точно передающем английский оригинал, говорится:

Голодным Робин помогал
В неурожайный год,
Он заступался за вдову,
И защищал сирот.

И тех, кто сеял и пахал,
Не трогал Робин Гуд —
Кто знает долю бедняка —
Не грабит бедный люд.

Общеизвестно рыцарское отношение Робина ко всем женщинам, богатым и бедным. Он строго запрещал своим людям не только обижать дам, но даже грубо выражаться при них — просто ангел, а не разбойник! Враждуя с церковниками, Робин Гуд в то же время проявлял искреннюю набожность: ни разу, даже под угрозой пленения и смерти, он не пропустил

храмового праздника Девы Марии в Ноттингеме. Поймав однажды своего обидчика, аббата обители Святой Марии, он не убивает его, а лишь заставляет совершить в лесу мессу, благословляя самого Робина и его молодцов, кротко опустившихся на колени. Правда, благочестивые элементы в ранних балладах порой выглядят чужеродными; колорит их (как и русских богатырских былин) чисто языческий, а сам Робин напоминает древнего лесного бога, такого Мороза Ивановича, который щедро награждает тех, кто ему угодил, но сурово карает ослушников.

Знарок английской литературы Михаил Морозов писал: «Можно сказать, что балладный Шервудский лес не только географическое понятие. „Веселый“ Шервуд — это прежде всего царство свободы, братства и отваги, в чем-то напоминающее Телемское аббатство Франсуа Рабле. Короче говоря, это народная мечта о вольной жизни, о таком положении вещей, при котором простого человека нельзя безнаказанно обижать»^[6]. Правда, всерьез стрелков никто не обижает: их враги во главе с достопамятным шерифом Ноттингемским так глупы и трусливы, что их вечное противостояние больше напоминает игру в поддавки. Игру, в которой шериф, впрочем, постоянно пытается извести Робина и его соратников, а те не менее трех раз убивают его разными способами. Имя шерифа — а ведь это весьма важный королевский чиновник — ни разу не названо, да и вообще исторических имен в балладах немного. Там упоминаются только король Эдуард (один из трех, носивших это имя в XIII–XIV веках, но какой именно — неясно), королева Кэтрин — Екатерина Арагонская, жена Генриха VIII, жившая уже в XVI веке, и орудовавший веком раньше на юге Англии разбойник Джек Кэд. Поискам «исторического» Робин Гуда всё это мало помогает.

«Встроить» Робина в историю пытались не авторы баллад, а хронисты, не делавшие при этом особой разницы между историей и легендой. При этом имя шервудского изгнанника чаще появлялось не в английских, а в шотландских хрониках — к тому времени жители «низинной» Шотландии переняли язык, а во многом и фольклор своих соседей-англичан. Около 1420 года о разбойнике упоминает рифмованная хроника монаха Андру из Уинтона:

Там Маленький Джон и сам Робин Гуд
Лихое устроили братство,
В чащобе Барнсдейл, в лесу Инглвуд
Свое умножали богатство^[7].

По мнению шотландского хрониста, Робин жил во времена Эдуарда I, около 1283 года. Примерно к тому же времени (1297 год) его относит неизвестный английский монах, дополнивший упоминанием о знаменитом разбойнике переписанную в середине XV века копию «Полихроникона» Ранульфа Хигдена — эту рукопись обнаружил историк Джулиан Лаксфорд в 2009 году.

Еще один шотландец, Уолтер Боуэр, около 1440 года сделал Робина участником восстания Симона де Монфора, графа Лестерского, выступившего в 1264 году в защиту феодальных вольностей. В своей «Шотландской хронике» (*Scotichronicon*), представляющей собой продолжение и дополнение написанной около 1380 года хроники Джона Фордуна, Боуэр пишет: «Тогда восстал знаменитый разбойник Робин Гуд, вместе с Маленьким Джоном и другими его сообщниками из числа людей, лишенных собственности. Глупая чернь до сих пор прославляет его в своих трагедиях и комедиях и любит песни о нем, исполняемые странствующими певцами и менестрелями, более всех других баллад»^[8]. Хронист относится к Робину не слишком одобрительно, называя его латинским словом *sicarius* (убийца), но не может скрыть восхищения его храбростью — например, в эпизоде, где разбойник, застигнутый людьми шерифа во время молитвы Пресвятой Деве, не убежал, а смело вступил в бой и одержал победу в награду за свое благочестие.

Если Боуэр еще помнил об английском происхождении Робина, то позже многие считали его чисто шотландским героем. К ним примкнула и Марина Цветаева, которая в своих переводах баллад упорно называла героя шотландцем:

Хоть ни фута у нас — всей шотландской земли,
Ни кирпичика — кроме тюрьмы,
Мы как сквайры едим и как лорды глядим.
Кто владельцы Шотландии? — Мы!

Самым известным шотландским историком, упоминавшим Робина в своих трудах, был Джон Мейджор (Мейр), автор завершенной в 1521 году латинской «Истории Великой Британии». В этом объемистом сочинении сказано: «В то время, как я полагаю, жили знаменитые разбойники, англичанин Роберт Гуд (*Robertus Hudus*) и Маленький Джон, которые подстерегали в лесной чаще путников, но отбирали добро только у тех, кто

был богат. Они не лишали жизни никого, кроме тех, кто нападал на них или чересчур упорствовал в защите своей собственности. За Роберта стояла сотня его стрелков, все могучие бойцы, с которыми в бою не могли справиться четыре сотни опытных воинов. Деяния этого Роберта прославлены во всей Британии. Он не позволял творить несправедливости в отношении женщин или грабить бедняков, а, напротив, оделял их тем, что отбирал у аббатов. Разбойные дела этого человека достойны осуждения, но из всех разбойников он был самым гуманным и благородным»^[9]. Историк первым упомянул о всем известной привычке Робин Гуда раздавать бедным добро богачей. Он же впервые отнес деятельность Робина к временам короля Ричарда Львиное Сердце, вдохновив своего земляка Вальтера Скотта сделать то же в романе «Айвенго». Но и во времена Мейджора, и позже большинство англичан считали благородного разбойника современником трех Эдуардов, жившим в XIII или XIV веке.

В Англии между тем баллады о Робин Гуде становились все популярнее, тесня романы о рыцарях Круглого Стола. В позднем средневековье их пели на ярмарках, в тавернах и дворянских усадьбах странствующие артисты — менестрели (*minstrels*), шуты (*histriones*) и жонглеры (*jesters*). Пели под аккомпанемент лиры или крута, примитивного подобия скрипки; при этом музыка, а иногда и слова могли сильно меняться. Чтобы угодить слушателям, певцы могли добавлять в балладу забористые народные выражения или не вполне приличные остроты; уже знакомый нам Джон Ленгленд осуждал «Робина-сквернословия с его грубой речью». Правда, этим чаще грешили не профессиональные артисты, а сельские самоучки, которые запоминали несколько баллад и исполняли их на свадьбах и других праздниках.

Итак, исполнители песен о Робин Гуде известны, но кто их сочинял? Ученые спорят об этом до сих пор, причем каждый из немногочисленных робиноведов имеет свою точку зрения. Джеймс Холт считал, что сочинителями — а соответственно и первыми слушателями — баллад были дворяне, а Томас Олгрэн приписывал эту роль представителям среднего класса, особенно купцам. Морис Кин в своей книге «Разбойники средневековых легенд» (1977) предположил, что баллады сочиняли профессиональные менестрели, знакомые с рыцарскими романами и даже античными мифами. Самый известный из современных экспертов по Робин Гуду, профессор Кардиффского университета Стивен Найт, напротив, утверждал, что баллады сочинялись и слушались йоменами — теми самыми состоятельными крестьянами, что считали Робина за своего. И эта версия на сегодняшний день выглядит самой убедительной. Ведь Робин в

балладах не только зовется «славным йоменом», но и выражает вкусы, идеи, представления именно этого сословия.

Чтобы понять, когда и в какой среде возникли баллады о Робин Гуде, нужно знать, какой в то время была Англия, и прежде всего Англия Северная, во многом отличавшаяся от Южной. В XIII веке четыре графства древней Нортумбрии — Йоркшир, Ланкашир, Камберленд и Нортумберленд — занимали треть Английского королевства, но там жила лишь десятая часть населения страны, и все вместе они платили меньше налогов, чем маленький, но богатый Норфолк. Север, к которому часто причислялись и лежавшие южнее Ноттингемшир и Дербишир, был сплошь покрыт дикими лесами, горами и пустошами. Местные жители, привыкшие к нелегкой борьбе с природой, отличались упрямым вольнолюбием. Если на юге большинство крестьян уже в англосаксонскую эпоху оказались закрепощенными, то на севере они сохраняли свободу — во многом благодаря скандинавским викингам, владевшим этой областью в X–XI веках и одарившим местное население изрядной примесью рослых блондинов. Именно северяне дольше всех сопротивлялись нормандскому завоеванию, что заставило короля Вильгельма в 1068 году дотла разорить Йоркшир. Нормандцы поделили северные земли между собой, построили здесь свои замки, но так и не смогли привить аборигенам дух покорности.

В романах и фильмах о Робин Гуде жизнь английских крестьян того времени часто видится совершенно беспросветной. Михаил Гершензон в повести «Робин Гуд» приводит документ, перечисляющий обязанности Робинова товарища Маленького Джона в бытность его вилланом, то есть крепостным: «Джон Литтль держит одну виргату земли от Рамзейского монастыря. Он платит за это в три срока. И еще на подмогу шерифу — четыре с половиной пенни; при объезде шерифа — два пенни сельдяных денег. И еще вилланскую подать, плату за выпас свиней, сбор на починку мостов, погайдовый сбор, меркет, герьет и герзум... Каждую неделю, от праздника святого Михаила до первого августа, Джон Литтль должен работать в течение трех дней ту работу, какая будет ему приказана»^[10]. Автор лишь слегка изменил подлинный документ XIII века, но он написан на юге Англии, где большая часть крестьян была вилланами и отрабатывала барщину. На севере же большинство крестьян составляли фригольдеры, свободные держатели земли. Они платили владельцу манора, феодального поместья, относительно небольшой оброк, а государству — налоги, включая упомянутую «подмогу» шерифу. Фригольдеры не подчинялись суду феодала, и им, в отличие от вилланов, разрешалось ношение оружия.

Сыновья фригольдеров часто служили в поместье сеньора или в его дружине. Их называли «слугами» (*servant*) или «юношами» (*youngman*), откуда и произошло слово *yeoman*. В XII веке йомены, получавшие за свою службу надел земли, выросли в целое сословие, привыкшее как к сельскому труду, так и к военному делу. Обычно их участки находились не в деревнях, где земля была давно поделена, а на отшибе, на осушенных болотах или раскорчеванных участках леса. Поэтому йомены, особенно на севере, были не крестьянами, а скорее фермерами. Но не только — некоторые владели кузницами, мельницами, мастерскими. В XIV веке, когда Англия стала главной овцеводческой державой Европы, многие йомены, разбогатев на торговле шерстью, выкупили у сеньоров возложенные на них повинности и стали полными хозяевами своей земли. Именно они составили ядро английского народа, осознавшего свою национальную идентичность гораздо раньше, чем его континентальные соседи. Эта идентичность окрепла на полях сражений при Креси и Пуатье, где йомены, вооруженные луками, одолели непобедимую прежде рыцарскую конницу.

«Третье сословие» вторглось и в литературу, где прежде безраздельно царили куртуазные романы и церковные проповеди. Одним из проявлений этого стали «песни» о Робин Гуде, появившиеся почти одновременно с произведениями Чосера и Ленгленда. Не исключено, что их сочинили те же йомены — в ту эпоху некоторые из них уже были грамотными, к тому же баллады долго бытовали в устной форме, прежде чем запечатлеться на бумаге. Об их происхождении говорит как сходство с другими памятниками народной поэзии, так и традиционное обращение к публике:

Почтеннейшие господа,
Я расскажу сейчас,
Как был Джон Маленький слугой,
И весел мой рассказ^[11].

Эти песни явно пелись в какой-нибудь деревенской таверне, под гомон посетителей, которых время от времени приходилось усмирять: «А если вы сейчас не замолчите, то не узнаете...» Привлечению внимания способствовали и повторы отдельных фраз, и ритмичный припев *deny, deny, down* после каждого куплета. Но если баллады и сочинялись в сельской местности, то их обработкой занимались уже профессиональные литераторы, жившие в городах или монастырях. Плодом их творчества

стала одна из первых печатных книг на английском языке, «Малая жеста о Робин Гуде», изданная около 1510 года в Лондоне фламандцем Винкеном де Вардом. Жеста (*geste*) или «деяния» — особый вид средневековой литературы, повествующий о боевых и куртуазных подвигах идеальных героев. Первое применение этого слова не к благородным рыцарям, а к каким-то там разбойникам, выходцам из простонародья, стало не только велением времени, но и свидетельством громадной популярности Робина и его товарищей.

«Малая жеста», состоящая из восьми «песней» (*fytte*), стала этапной в развитии робингудовской легенды. Здесь впервые соединились все канонические черты благородного разбойника. Его помощь угнетенным и обиженным проиллюстрирована историей сэра Ричарда Ли, бедного рыцаря, которому Робин помог спасти его имение, уплатив за него долг монастырю (песни 1–2). Его борьба с жадным и несправедливым шерифом — повестью о том, как главный помощник Робина Маленький Джон нанялся к шерифу на службу и не только ограбил его, но и привел обманом в логово вольных стрелков (песнь 3). Его неприязнь к церковникам — ловким изъятием у монахов денег, отданных им сэром Ричардом (песнь 4). Его верность дружбе — волнующим рассказом о том, как он спас того же сэра Ричарда, приговоренного шерифом к смерти за помощь разбойникам (песни 5–6).

Апофеоз жесты — встреча Робина с проезжающим через лес королем Эдуардом, который прощает его и берет к себе на службу (песни 7–8). Проведя в королевском дворце год и три месяца, разбойник заскучал и попросился обратно в родные края, где прожил 22 года до самой смерти. Кстати, эти края в тексте, что интересно — не Шервуд, а Барнсдейл, обширный лес в графстве Сауз-Йоркшир. Ныне он почти полностью вырублен и застроен пригородами промышленного Донкастера, да и Шервуд фактически поглощен разросшимся Ноттингемом. Однако два леса и два графства продолжают отчаянно спорить за звание родины Робин Гуда — и за доходы от туризма, обеспеченные этим званием. В пользу йоркширцев говорит то, что в «Малой жесте» и других ранних балладах местом действия однозначно называется Барнсдейл. В пользу ноттингемцев — то, что в самом раннем отрывке 1429 года все-таки упоминается Шервуд, а герою везде противостоит шериф не Йорка, а именно Ноттингема.

О времени возникновения «Малой жесты», как и других ранних баллад о Робин Гуде, до сих пор идут споры. Некоторые ученые считают, что она была сложена на севере Англии около 1370 года. Историк Джон

Беллами в своей книге^[12] доказывал, что ее автором был стюард, то есть управляющий одного из королевских замков Джон Ли — потомок того самого сэра Ричарда, который в 1320-е годы помогал Робин Гуду. Есть и сторонники еще более раннего происхождения поэмы, указывающие на то, что в ней упоминаются юридические и военные термины XIII века. С другой стороны, некоторые названные в ней места и понятия возникли только в XV столетии. Большинство специалистов считают, что памятник появился около 1490 года, когда некий неизвестный автор скомпилировал его из нескольких баллад и отдал в печать; с этого не дошедшего до нас издания и было скопировано произведение де Варда. Возможно, скопировано не целиком — если книга названа «Малой жестой», то ей могла предшествовать «Большая». Не исключено, что это название носила дошедшая до нас только частично книга, отпечатанная, как предполагают ученые, за несколько лет до 1510 года в Антверпене неким Яном ван Десборхом. Иногда самым ранним считается лондонское издание Ричарда Пинсона, появившееся между 1495 и 1500 годами. На протяжении XVI века в Англии вышло еще шесть изданий поэмы, которая стала первым крупным произведением о Робин Гуде и впервые ввела разбойничью тему в круг чтения образованных англичан.

Вся «Малая жеста», кроме последней песни, повествующей о гибели Робина, была переведена на русский язык Всеволодом Рождественским для сборника «Баллады о Робин Гуде», изданного в 1919 году в Петрограде. Те, кто сможет прочесть это чрезвычайно редкое издание, узнают интересные подробности о происхождении разбойника:

Отец его охотой жил
И был стрелок такой,
Что за две мили мог на дюйм
Он попадать стрелой.

<...>

Был матери его сродни
Сэр Гай, который сам
Повесил шкуру кабана
К Варвикским воротам.

А брат ее звался Гамвелл
Из рода Гамвелл-Холл.

Он первым в графстве Ноттингам
Свое поместье вел^[13].

Однако в оригинале ничего подобного не говорится — все эти детали переводчик взял не из «Малой жести», а из весьма поздней баллады «О рождении, воспитании, доблести и женитьбе Робин Гуда», написанной около 1600 года. В этом сочинении, которое М. Морозов назвал «фальшивой стилизацией под народное творчество», Робин — никакой не разбойник, а законный владелец Шервудского леса, пажом которого становится «милый юноша» Маленький Джон, а женой — «королева пастушек» прекрасная Клоринда. По каким-то соображениям Вс. Рождественский заменил этой балладой первую песнь «Малой жести», где говорится о встрече Робина в лесу с сэром Ричардом Ли и его решении выплатить за рыцаря долг монастырю Святой Марии. В этом раннем источнике Робин Гуд уже соединяет искреннюю набожность (он любит Святую Деву «больше всех на свете») с ненавистью к церковникам. Отвечая на вопрос Маленького Джона, кого могут грабить разбойники, Робин говорит то, что можно считать его «социальной программой»:

«Нам многие, — сказал Робин, —
Заплатят в свой черед,
Но только пахаря не тронь,
За плугом кто идет.

Не тронь и йомена, коль он
Придет в зеленый дол,
И рыцаря, и сквайра,
С кем дружбу ты завел.

Епископов с аббатами
Ты должен бить и гнуть
И про шерифа гордого
Смотри не позабудь».

Весь дальнейший сюжет «Малой жести» служит иллюстрацией этого правила. Сначала Робин Гуд одолжил Ричарду Ли 400 фунтов, чтобы тот уплатил долг аббату монастыря Святой Марии, уже готовящемуся отобрать

его земли. Указанная сумма в XV веке была весьма солидной, составляя годовой доход большого поместья или монастыря; это показывает, что Робин зарабатывал очень неплохо. Впрочем, благодарный рыцарь уже через год вернул разбойнику деньги — точнее, купил на них оружие и амуницию для стрелков. С помощью этого арсенала и своей хитрости Робин заманил в плен шерифа и заставил его дать клятву не причинять вреда разбойникам, а во всем помогать им. В скором времени он подстерег в лесу монастырского эконома и отнял у него восемь сотен золотых, по-братски разделив их с тем же сэром Ричардом. После этого Робин принял участие в состязании в стрельбе из лука, затеянном шерифом в Ноттингеме, и выиграл главный приз — серебряную стрелу. Когда стражники шерифа попытались схватить его, разбойник укрылся в замке того же сэра Ричарда. За это шериф бросил рыцаря в тюрьму, но Робин освободил его, взяв штурмом Ноттингемский замок и убив (в очередной раз) самого шерифа:

И прежде, чем подняться мог
Шериф на бой с врагом,
Его ударил в темя Гуд
Сверкающим мечом.

И Гуд воскликнул: «Поделом!
Лежи, гордец-шериф,
Ты слова не умел держать,
Пока еще был жив»^[14].

Седьмая песнь описывает встречу Робин Гуда с королем Эдуардом, который шесть месяцев провел в Ноттингеме, пытаясь поймать разбойника, но так и не смог этого сделать — никто из местных жителей не выдал Робина то ли из любви, то ли из страха. Королю пришлось по совету местного лесничего переодеться в монашеское платье и явиться к Робину в лес. Баллада нелицеприятно описывает испуг короля при виде дюжих стрелков, вооруженных луками, но в итоге воздает ему должное — когда Эдуард в шутку отвесил Робину тумака, тот по силе удара сразу узнал монарха, пал на колени и попросил прощения. Король согласился простить разбойников при условии, что все они во главе с атаманом — 143 человека — поступят к нему на службу. Ответив согласием, Робин в то же время не изменяет своему вольнолюбию:

Но даже если по душе
Придется мне твой двор,
Вернусь охотиться в леса,
Как делал до сих пор^[15].

Восьмая песнь начинается с того, как король и Робин вместе вернулись в Ноттингем, встретивший их общим ликованием. После этого разбойник отправился в Лондон, где прослужил при дворе «двенадцать месяцев и три». Увидев как-то молодых людей, стреляющих из лука в цель, он вдруг понял, что уже стар и утратил былую силу, и решил вернуться в Барнсдейл, к построенной им там часовне Марии Магдалины. Король отпустил его, но из стрелков с ним отправились только двое самых верных — Маленький Джон и Уилл Скарлет. Похоже, поклонение святыне было лишь предлогом: оказавшись в родных лесах, Робин оперативно собрал семь дюжин приверженцев и снова занялся разбоем. За любимым занятием он провел еще 22 года, после чего был погублен своей родственницей, приорессой Кирккиса. Повествование завершается прочувствованной эпитафией:

Помилуй Христос его душу,
Которую смерть взяла,
Ведь он был хороший разбойник
И сделал много добра.

За пределами «Малой жесты» остались три важные баллады о Робине, сложенные на протяжении XV века, но хранящие следы более ранних исторических реалий. Первая, «Робин Гуд и Гай Гисборн» (*Robin Hood and the Guy of Gisborne*), известна у нас по замечательному переводу Николая Гумилева. В ней злой шериф коварством взял в плен Маленького Джона, одновременно натравив на самого Робина убийцу — Гая Гисборна. Этот зловещий персонаж жил в лесу, подобно зверю, и вместо лат носил конскую шкуру с гривой и хвостом. Неузнанный, он сперва вступил с Робинсом в состязание по стрельбе, а потом сразился с ним на мечах. Упорный двухчасовой бой едва не принес ему победу, но Робин в решающий момент воззвал к Пресвятой Деве и сразил врага, проявив после этого нетипичную для него жестокость:

Схватил он голову врага,

Воткнул на длинный лук:
«Ты был изменником всю жизнь
И кончил быть им вдруг».

Еще он до неузнаваемости изрезал лицо Гая ножом, но не из мести: накинув на себя шкуру убитого, он в его обличье принес шерифу обещанный трофей — голову «Робин Гуда». Это позволило ему освободить из плена Маленького Джона, а потом и расправиться с самим шерифом:

Но как он быстро ни бежал
И как ни прыгал он,
Стрелой в спину угодил
Ему веселый Джон.

В буквальном переводе — «расщепил стрелой его сердце надвое». Обилие кровавых деталей скорее всего говорит о большей древности этой баллады в сравнении с другими. Стоит обратить внимание на то, что ее действие тоже происходит в Барнсдейле. Кстати, к северо-западу от этого леса, в графстве Норз-Йоркшир, находится деревушка Гисборн, чье название на англосаксонском означает «быстрый ручей» (*gisel burna*) — быть может, именно там жил когда-то сэр Гай. Обычно его считают рыцарем, но баллада называет их с Робинем «йоменами». Стало быть, о классовой вражде речь не идет — почему же эти двое сражаются так упорно? Разгадкой может быть слово «изменник», обращенное к Гисборну. Не исключено, что он прежде был членом шайки Робин Гуда, но изменил ему, перейдя в стан шерифа. Такого даже самые благородные разбойники не прощают.

Есть и другой вариант — уже упомянутая баллада «О рождении Робин Гуда» именует Робина потомком Гая из Уорика (Варвика), полулегендарного героя средневековых романов. Быть может, Гай Гисборн тоже происходил от него и был, таким образом, родственником атамана? Возможно и другое — легенда свела Робина с самим Гаем из Уорика, который после своих подвигов ушел в отшельники и жил в лесу, одетый в шкуру, хоть и не лошадиную, а коровью. Если это так, то победа разбойника над паладином знаменует характерное для конца средневековья торжество идеологии «третьего сословия» над отжившей традицией рыцарских романов. Конечно, не исключено, что в основу баллады лег

реальный поединок одного из прототипов Робин Гуда с неким сильным и коварным врагом, но и в этом случае можно не сомневаться, что легенда до неузнаваемости преобразила его.

Вторая баллада, «Робин Гуд спасает трех стрелков» (*Robin Hood rescues Three Young Men*), записана довольно поздно, в XVI веке, но, скорее всего, копирует более ранний вариант. Она тоже хорошо известна у нас в переводе Марины Цветаевой — блистательном, но весьма вольном, в отличие от менее популярного перевода Самуила Маршака. Здесь герой спасает трех своих соратников, сыновей бедной вдовы, от виселицы за убийство оленя в королевском лесу. Со свойственной ему хитростью он сам нанимается в палачи к осужденным, а в решающий момент трубит в рог, призывая на помощь своих стрелков:

Был рога первый зов, как гром!
И — молнией к нему —
Сто Робингудовых людей
Предстало на холму.

Был следующий зов — то рать
Сзывает Робин Гуд.
Со всех сторон, во весь опор
Мчит Робингудов люд.

<...>

На виселице злой шериф
Висит. Пенька крепка.
Под виселицей, на лужку,
Танцуют три стрелка.

В упомянутом переводе Маршака ни о каких танцах речи не идет — разбойники быстро, по-деловому, освободили узников, прикончили шерифа и скрылись, избегая разборок с многочисленной городской стражей.

В ту ночь отворились ворота тюрьмы,
На волю троих отпустив,
И вместо охотников трех молодых
Повешен один был шериф.

Людам Робин Гуда помогло то, что в средневековом Ноттингеме казни совершались за пределами замка, проникнуть в который было, конечно, куда труднее. Правда, тюрьма находилась как раз в замке, и в оригинале разбойники даже не думали ее штурмовать — ведь осужденных на смерть юношей уже вывели оттуда. Они просто перенесли одну из установленных виселиц в соседнюю долину (или соорудили новую, что было нетрудно) и вздернули на ней злополучного служителя закона.

В этой балладе Робин особенно ярко проявляет присущее ему чувство юмора. Меняясь одеждой с нищим стариком, чтобы попасть в Ноттингем и записаться в палачи, он одну за другой отпускает шуточные реплики:

Влез в стариковы он штаны.
— Ну, дед, шутить здоров!
Клянусь душой, что не штаны
На мне, а тень штанов!

<...>

Два башмака надел: один —
Чуть жив, другой — дыряв.
— «Одежда делает господ».
Готов. Неплох я — граф!^[16]

Встретив шерифа, разбойник играет с ним, как кошка с глупой мышкой, — выпрашивает о плате для палача, прыгает с камня на камень, загадывает загадки. В этой балладе Робин, обычно немногословный, непривычно разговорчив и речь его по богатству образов и фольклорных цитат не уступает монологам шекспировских героев. Можно вспомнить, что и сам Робин Гуд оставил заметный след в английском фольклоре. Известны поговорки «перестрелять Робин Гуда» (*to overshoot Robin Hood*), «согнутый, как Робин Гудов лук» (*crooked as Robin Hood's bow*), «ходить вокруг Робин Гудова амбара» (*to go round by Robin Hood's barn*, аналог нашего «ходить вокруг да около») и т. д. А уж упоминаний его в стихах, народных анекдотах, детских считалках от Чосера до наших дней просто не счесть.

То, что юные соратники Робина названы в балладе сыновьями вдовы, породило в околומистических кругах версию о принадлежности атамана и

его людей к тайному братству — ведь прозвище «сыны вдовы» носили масоны, а до них еретики из всевозможных сект манихейского толка. Члены таких сект зачастую оставляли свои семьи и жили квазимонашескими мужскими общинами, очень похожими на разбойничье братство Шервудского леса. Однако ни в балладах, ни в хрониках сектантство Робин Гуда никак не отражается, к тому же оно явно противоречит его любви к Святой Деве и связанным с ней церковным обрядам. Легче поверить, что вдова введена в балладу не для мистической символики, а лишь затем, чтобы вызвать сочувствие к ней и ее сыновьям и оправдать тем самым поступок Робина — нападение на служителей закона и их убийство.

В этой балладе Робин Гуд — уже не простой главарь шайки, а предводитель настоящего восстания против власти, подобный Уоту Тайлеру, чей мятеж в 1381 году потряс всю Англию (кстати, он прежде тоже был разбойником). В оригинале содержится намек, что Робина поддержала и часть горожан Ноттингема, что не так уж странно: там тоже были те, кто ненавидел богачей и желал поживиться их добром. А сельские жители, которым Робин не раз помогал, и вовсе стояли за него горой. Сложилась до боли знакомая нам ситуация, когда население целой области жило не по законам, а по воле уголовного (пусть и благородного) авторитета и упорно не желало менять это положение. Можно вспомнить, что баллада родилась во времена жестоких войн Алой и Белой розы, когда сменявшие друг друга власти утратили в глазах народа всякую легитимность и в отдаленных местностях их роль нередко брали на себя местные лидеры.

Третья баллада, «Робин Гуд и монах» (*Robin Hood and the Monk*), относится к числу самых старых — она дошла до нас в манускрипте Ff.5.48 из Кембриджа, записанном около 1450 года, но сложилась гораздо раньше, еще в XIV столетии. В ней Робин Гуд снова общается — пусть заочно — с королем Англии. В начале баллады Робин по своему обычаю отправляется на воскресную мессу в храм Богородицы в Ноттингеме, взяв с собой, вопреки просьбам разбойников, одного лишь Маленького Джона. По пути они, как истинные англичане, держат пари, Робин проигрывает, но отказывается платить (любопытный штрих к личности благородного героя), и обиженный Джон покидает его. В храме некий монах узнает Робина и выдает его шерифу, который отправляет монаха с радостной вестью к королю. По пути разбойники во главе с Маленьким Джоном перехватывают предателя и убивают его, а потом проникают в тюрьму и освобождают своего предводителя, прикончив заодно тюремщика и прихватив с собой

шерифскую казну. Узнав об этом, король сперва гневается, но потом признает Джона самым преданным человеком в Англии и милостиво прощает разбойников — это завершение баллады, славящее доброту монарха, по понятным причинам отсутствует в русском переводе Игнатия Ивановского.

Второй по древности считается баллада «Робин Гуд и гончар», записанная около 1500 года и не слишком интересная в плане сюжета. В ней рассказано о том, как Робин и его стрелки подстерегли гончара, который три года отказывался платить им «налог» за проезд через лес. Потерпев поражение в схватке с гончаром на палках, атаман купил у него весь товар и отправился в Ноттингем, где за бесценок распродал горшки, а лучшие из них подарил шерифовой жене; баллада намекает, что между ними возникли нежные чувства и дама подарила ему золотое кольцо. Отужинав у шерифа, Робин на другой день одержал победу в объявленном тем состязанием в стрельбе, а потом обманом заманил чиновника в лес, отнял у него все деньги и украшения, но подарил красивого коня для жены:

Этот белый конь, что как ветер мчит —
Достойный жене твоей дар.
Скажи, что ты не пришел бы назад,
Если б женщин не чтит гончар.

Эта баллада, долго пребывавшая в забвении (ее рукопись обнаружили только в XIX веке), стала моделью для целой группы историй, в которых Робин Гуд мерился силой с представителями разных профессий и неизменно терпел поражение. В ней Робин проявляет необычные для него качества обольстителя и обычную непрактичность в делах. В балладе «Робин Гуд и мясники» он так же за полцены распродал на рынке мясо, а в «Малой жесте» Маленький Джон наотрез отказался отмерять сукно, «словно какой-то торгаш». Здесь проявились не глупость разбойников, а характерные для людей средневековья — как крестьян, так и аристократов — недоверие и презрение к торговцам. Авторы книги «Стихи о Робин Гуде» Барри Добсон и Джон Тейлор сделали вывод, что Робин в народном воображении противостоял не столько феодалам, сколько первым «капиталистам» — купцам и ростовщикам^[17]. Доля истины в этом есть: его главные враги, епископы и монастырское начальство, в XIV веке были крупнейшими в Англии заимодавцами, и Робин, если верить легенде, сам пострадал от их алчности. Но верно и другое — феодалы, особенно

мелкопоместные рыцари и сквайры, в то время быстро беднели, и вполне естественно, что разбойники грабили не их, а богатых купцов и служителей церкви.

Против тех же «мироедов» было направлено восстание Уота Тайлера, и не случайно первые баллады о Робин Гуде появились почти одновременно с ним. Точнее сказать трудно: среднеанглийский язык (*Middle English*), на котором они написаны, был распространен в XII–XV веках, имея множество местных вариантов, в том числе северный, в Йоркшире и Ланкашире. Специалисты-филологи установили, что баллада «Робин Гуд и монах» сочинена в промежутке между 1370 и 1400 годами, «Робин Гуд и гончар» — между 1400 и 1440-м. Однако не следует считать, что сочинители-крестьяне оперативно откликнулись на подавление восстания: ведь Ленгленд слышал какие-то «стихи о Робин Гуде» еще до 1377 года.

К ранним балладам относятся еще три произведения, которые не упоминают Робин Гуда, но по праву вписываются в круг его традиции. Одно из них — баллада «Адам Белл, Клим из Клу и Уильям из Клоудсли» (в переводе Игн. Ивановского «Три лесных стрелка»). Она повествует о том, как трое друзей, обвиненных в браконьерстве, бежали в лес и стали разбойничать — «мстить господам». Когда шериф схватил Уильяма, явившегося в Карлайл навестить семью, товарищи вызволили его из тюрьмы вместе с женой и детьми, убив при этом шерифа и многих других чиновников. Похоже, в свое время трое этих героев были популярны в Ланкашире так же, как Робин — в Йоркшире и Ноттингемшире. Их имена встречаются в уже упомянутой балладе «О рождении Робин Гуда» — там сказано, что отец Робина, лесничий, меткостью в стрельбе превзошел Адама Белла, Клима из Клу и Уильяма из Клоудсли, первых стрелков своего времени. В 1432 году некий писец из Уилтшира, составляя список членов местного парламента, шутки ради вписал в него Робин Гуда, Маленького Джона, Уилла Скарлета, а также Адама Белла и его друзей. Это значит, что в то время эти герои были почти равны по своей известности и лишь потом Робин оставил менее колоритного Адама далеко позади.

Другая баллада, «Джонни Кок» (в переводе Игн. Ивановского — «Джонни из Кокерсли»), посвящена гибели героя-разбойника в неравном бою с лесниками. В третьей, довольно старой (XV век) балладе, «Робин и Ганделин», некий Реннок Донн убил Робина (не названного здесь Гудом), когда тот охотился в лесу, но сам был убит Ганделином — другом или слугой покойного. Обращает на себя внимание сходство имени «Ганделин» как с Гамелином — героем известной в средние века эпической поэмы и

«Кентерберийских рассказов» Чосера, — так и с дядей Робина Гамвеллом. Кстати, в поэме «Гамелин», написанной около 1350 года, тоже упоминается друг героя Робин, названный «добрым» (*good*) и метко стреляющий из лука. Это заставляет ученых связать и этот текст с робингудовской легендой, притом что сюжет «Гамелина» — противоборство подлого шерифа и его благородного младшего брата, лишённого наследства и ставшего разбойником. Скорее всего, все эти баллады — лишь часть обширного «разбойничьего» фольклора, впоследствии утраченного или привязанного к личности Шервудского атамана, к которому он первоначально не имел никакого отношения.

В противовес ранним балладам о Робин Гуде, имеющим сложный, иногда многоплановый сюжет, более поздние, записанные в XVI–XVII веках, меньше по объёму (50–100 строк вместо 200–300 в ранних) и сложены в основном по одному немудреному образцу. В них Робин встречается то с лудильщиком, то с кожевником, то с пастухом, дерется с ними на палках и неизменно терпит поражение, после чего великодушно приглашает своего победителя влиться в ряды «вольных стрелков». Самая известная из этих баллад, «Робин Гуд и Маленький Джон», создана в начале XVII века и переведена на русский Мариной Цветаевой:

— Человек этот мертв! — грозно крикнула рать,
Скопом двинувшись на одного.
— Человек этот — мой! — грозно крикнул Робин. —
И мизинцем не троньте его!

Познакомься, земляк! Эти парни-стрелки
Робингудовой братья лесной.
Было счетом их семьдесят без одного,
Ровно семьдесят будет с тобой.

Ну, уступить богатырю Джону куда ни шло, а вот поддаться какому-то гончару или дурно пахнущему кожевнику... Создается впечатление, что героический образ Робин Гуда в этот период начинает тускнеть — теперь он уже не народный заступник, а «свойский парень», с которым можно и подраться, и выпить, и сплясать. Иногда у разбойника появляются и довольно неприглядные черты, особенно в длинной балладе «Робин Гуд и нищий», где он захотел ограбить простого попрошайку, но тот геройски отколотил его своим тяжелым посохом до полусмерти. Трое удальцов

Робина нашли его в кустах вблизи харчевни, и он, охая от боли, поведал им:

Прекрасный лук мой этот лес
Лет двадцать сторожит,
Но я никем и никогда
Так не бывал избит.

Какой-то нищий проходил,
Он на меня напал,
И ребра посохом своим
Он мне переломал^[18].

Оставив одного человека с избитым атаманом, двое стрелков пустились догонять нищего, решив вздернуть его на суку — хотя Робин просил всего лишь отстегать обидчика плетью. Однако нищий обхитрил их: пообещав отдать накопленные им «сто фунтов серебра», он развязал мешок и швырнул им в лицо лежавшую там еду. Пока разбойники протирали глаза, нищий схватил палку и лупил их до тех пор, пока они не пустились бежать. Узнав о случившемся, Робин только посмеялся ловкости бродяги и позору своих подчиненных.

Больше повезло Джону в похожей по сюжету балладе «Маленький Джон просит милостыню». По непонятной причине атаман послал его нищенствовать — то ли у разбойников долго не было добычи, то ли, как в «Робин Гуде и нищем», он подозревал, что попрошайки не так бедны, как кажется, и отправил своего подручного проверить это. Он оказался прав: когда встреченные Джоном нищие попытались прогнать конкурента, силач отколотил их и обратил в бегство, найдя в их котомках «шесть сотен и еще шесть» фунтов золотом и серебром. В ходе драки выяснилось, что «слепой» нищий прекрасно видит, а «безногий» бегаёт лучше здорового. Обе баллады говорят о неприязни англичан XVI века к нищим, которую разделяли и власти, — достаточно вспомнить «кровавые законы» Генриха VIII, по которым десятки тысяч нищих были отправлены на виселицу.

Жена того же Генриха Екатерина Арагонская стала героиней баллады «Робин Гуд и королева Кэтрин». Сюжет ее прост: королева Англии, узнав об искусстве Робин Гуда в стрельбе из лука, уговорила мужа устроить в Лондоне большое состязание стрелков и тайком пригласила туда Робина и его соратников. На состязании она выставила Робина против королевского чемпиона Темпеста и выиграла главный приз, милостиво уступив его

разбойнику. В этом произведении, написанном во второй половине XVI века, Робин выглядит галантным кавалером, настоящим рыцарем Круглого Стола, который сражается за честь прекрасной дамы. В продолжении баллады, носящем название «Погоня Робин Гуда», король, узнав, что его стрелка победил знаменитый разбойник, в гневе гоняется за Робинсом по всей Англии, но тот находит убежище во дворце королевы, которая выпрашивает у мужа прощение для своего верного паладина. Почему героиней баллады стала именно Екатерина, сказать трудно, но известно, что в 1516 году она вместе со своим мужем-королем участвовала в «Робиновом празднике» в Гринвиче, пируя под сенью леса вместе с лучниками в зеленых кафтанах.

К рыцарским временам отсылает и довольно необычная баллада «Робин Гуд и принц Арагона», в которой Робин, Уилл и Маленький Джон пришли на помощь королю Англии, который сражался против злого колдуна-магометанина, названного принцем Арагона (далее в тексте это Акарон — похоже, искаженное «Аль-Коран»), и двух его слуг-великанов. Чародей осадил короля в Лондоне, требуя себе в жены его красавицу-дочь, но Робин со своими друзьями Маленьким Джоном и Уиллом Скарлетом сразил злодеев в поединке, после чего благодарный король решил выдать дочь за Уилла. Эта поздняя баллада выглядит попыткой соединить приключения Робин Гуда и короля Артура, которые во времена Тюдоров уже казались одинаково мифическими фигурами.

Но чаще Робин по-прежнему действовал в привычном ландшафте Средней Англии и сражался не с великанами, а с обычными людьми. Причем сражался чаще всего неудачно. В балладе «Робин Гуд и торговцы» Робин и те же Джон и Уилл встретили на дороге в Ноттингем трех бродячих торговцев. Те попытались убежать, но Робин остановил их, угрожая застрелить из лука, и заставил драться — это говорит о том, что на людей небогатых он нападал не для грабежа, а чтобы развлечься и помериться силой. Торговцы оказались неожиданно умелыми бойцами, и скоро посох одного из них, Кита из Тирске, уложил атамана наповал. Оставшиеся разбойники начали угрожать его обидчику смертью, но Кит пообещал вылечить Робина, намазав его раны неким чудесным бальзамом. Когда торговцы убрались восвояси, Джон с Уиллом тоже намазались зельем, и тут их вместе с Робинсом начало неудержимо тошнить. Этот рассказ тоже рисует вольных стрелков довольно непривлекательно, напоминая эпизод из «Дон Кихота», написанного в ту же эпоху. Что немудрено: именно тогда героические предания прошлых веков подверглись снижению и осмеянию в разных странах Европы.

В балладе «Робин Гуд и кожевник» герой встречает в лесу ноттингемского кожевника Артура Бланда, который охотится на оленя. Робин притворяется лесником и угрожает арестовать Артура, но тот бросается на него с палкой. Долгое сражение заканчивается примирением, появляется Маленький Джон, который оказывается кузеном кожевника, и все трое клянутся друг другу в вечной дружбе. Немного иначе разворачивается сюжет баллады «Робин Гуд и лудильщик»: явившись в Ноттингем, Робин встречает лудильщика, который почему-то ловит его по приказу короля — прежде этим занимался сэр Гай Гисборн, а тут его заменяет какой-то простолюдин! Первым делом Робин ведет его в трактир, поит допьяна и исчезает, заставив беднягу оплачивать угощение. Узнав, что его собутыльник — Робин Гуд, неугомонный лудильщик отправляется в лес, находит атамана и вступает с ним в драку. Как обычно, Робин проигрывает и предлагает своему противнику примкнуть к лесному братству.

В этой балладе мы окончательно понимаем, что Робин на самом деле поддавался тем, с кем вступал в схватку, — ведь он с мечом сражается против палки лудильщика и легко может одолеть его. Лежащий на поверхности смысл этой притворной слабости в том, чтобы лестью завлечь в ряды разбойников молодого и крепкого новобранца. Но есть и более глубокий смысл — инициация, доказательство своей состоятельности, которое представитель той или иной профессии обретал в схватке с «самим» Робинном.

Абсолютно таков же сюжет баллад «Робин Гуд и егерь», «Робин Гуд и шотландец», «Храбрый торговец и Робин Гуд». В последней из них торговец, побивший Робина, оказывается его двоюродным братом со странным именем Гэмбл Голд («ставка золотом»), который бежал из дома после нечаянно совершенного убийства. Перед нами — вариант баллады «Робин Гуд и заново родившийся», о которой будет сказано ниже; там того же героя зовут Гамвелл. В балладе «Робин Гуд и пастух» Робин дерется с пастухом, поставив предварительно 20 фунтов на свою победу. Пастух одолевает, на помощь Робину приходит Маленький Джон, но атаман, пожалев отважного противника, соглашается признать свое поражение и заплатить проигранные деньги. В балладе «Веселье Робин Гуда» Робин, Джон и Скарлок (другое имя Скарлета) встречаются в Шервудском лесу троих лесников короля Генриха, дерутся с ними, потом мирятся и дружно идут в ноттингемский трактир.

Герой баллады «Веселый гуртовщик^[19] из Уэйкфилда» Джордж-э-Грин похвалялся, что ни рыцарь, ни барон не смогут преградить дорогу его

стаду. Услышав это, Робин Гуд с неизменными Джоном и Уиллом решили доказать, что он ошибается, и напали на него в лесу. Джордж храбро отбивался палкой «весь долгий летний день», и в конце концов Робин предложил ему вступить в свое лесное братство. Гуртовщик охотно согласился, попросив только подождать до Михайлова дня, когда хозяин должен расплатиться с ним. О дальнейшей его судьбе баллады умалчивают, как и о других завербованных Робинем драчунах, но похоже, что Джордж был популярен в крестьянской среде. Сохранилась поговорка «хорош как Джордж-э-Грин»; храброму гуртовщику были посвящены стихи елизаветинских поэтов Майкла Дрейтона и Ричарда Брэтуэйта и пьеса популярного драматурга той эпохи Роберта Грина. В этих произведениях, как прежде в балладе, Джордж одолевает Роберта и фактически замещает его в роли популярного народного героя.

Параллельно, однако, создавались произведения, где шервудский атаман по-прежнему побеждал своих противников. В балладе «Робин Гуд и золотая стрела» шериф по совету короля объявил в Ноттингеме состязание лучников, зная, что Робин непременно явится на него. Так и случилось, но разбойник опять обманул тупоумного стража закона — для этого ему оказалось достаточно сменить зеленую одежду на красную. Выиграв главный приз — золотую стрелу, Робин ушел с ней в лес, а потом раскрыл свое инкогнито в дерзком письме, привязанном к стреле, которую Маленький Джон пустил прямо в окно шерифу. Это предполагает, что сам Робин Гуд или кто-то из его людей умел читать и писать. Даже в XVI веке йомены редко были грамотными, но среди разбойников грамотеев хватало — о причине этого будет сказано ниже.

В балладе «Рыбалка Робин Гуда» (в переводе Игн. Ивановского — «Робин Гуд делит золото») герой «устал гоняться за оленем в зеленых лесах» и решил стать «бравым моряком». Для этого он явился в порт Скарборо и устроился на постой к вдове корабельщика, назвавшись Саймоном из Ли — явная ссылка на имя его друга сэра Ричарда Ли. Вдова согласилась нанять его рыбаком на свой корабль, где Робин показал полное незнание рыбацкого ремесла и к тому же намучился от морской болезни. Товарищи решили при первой возможности отослать неумеху на берег, но тут на корабль напали пираты, с которыми Робин быстро расправился при помощи своего верного лука, а отнятое у них золото поделил между нанявшей его вдовой и городскими бедняками. Пираты, что необходимо подчеркнуть, — французы, и конфликт Робина с ними характерен как раз для XVI столетия с его взлетом британского патриотизма.

Другая примета того времени — Реформация, внушившая большинству англичан ненависть к католической церкви. Конечно, антицерковные мотивы присутствовали в преданиях о Робине и раньше, но теперь они достигли пика. Баллада «Золотая добыча Робин Гуда» (в переводе Игн. Ивановского — «Робин Гуд молится Богу») описывает очередную хитрость разбойника: встретив в лесу двух монахов, поклявшихся, что у них нет ни гроша, он заставил их молиться о даровании им денег, после чего с чистой совестью отобрал найденный в их котомках «Божий дар» — пять сотен золотых.

«Ого! — воскликнул Робин Гуд. —
Вот это барыши!
Видать, что вы, мои отцы,
Молились от души.

Берите сотню золотых,
Вам нынче повезло!»
И встали на ноги попы,
Вздыхая тяжело^[20].

В балладе «Робин Гуд и епископ» спесивый епископ Херефордский, проезжая через лес со своей свитой, видит, как Робин и его друзья жарят убитого оленя, и хочет отправить их на виселицу. Естественно, всё кончилось тем, что епископа схватили, напоили допьяна, отняли у него в уплату за обед триста золотых, а потом еще и заставили плясать вокруг костра. Всех перещеголял уже упомянутый Мартин Паркер — в своей «Подлинной истории Робин Гуда» он писал, что разбойник лично кастрировал тех монахов и священников, которых подозревал (всего лишь подозревал!) в распутстве. Впрочем, ни в одном другом источнике эта шокирующая деталь не упоминается.

Как ни странно, теряя свои благородные качества, Робин Гуд неуклонно повышал при этом свой социальный статус. На всем протяжении XVI века не прекращались попытки превратить его из йомена, каким он был прежде, в знатную особу. Вероятно, инициатива здесь исходила из придворной среды, где в новых условиях Робин стал восприниматься уже не как опасный смутьян, а как славный выразитель национального духа. Одним из первых на новые веяния откликнулся историк Ричард Графтон, который в 1569 году завершил «Большую

хронику» (*Chronicle at Large*), где поделился с читателями своим открытием: «Мною найдена старинная книжка о пресловутом Робин Гуде, где говорится, что человек этот был знатного происхождения или, что вероятнее, возвысился из простого сословия до звания графа благодаря своему мужеству и благородству»^[21]. По утверждению Графтона (позже повторенному М. Паркером и др.), Робин лишился титула и имени из-за того, что не смог расплатиться с долгами.

В тот период самым авторитетным сочинением по британской истории была хроника Джона Мейджора. Основываясь на ней, Графтон отнес деятельность разбойника к временам Ричарда Львиное Сердце. Повторяя в целом сведения шотландского автора, он дополнил их несколькими любопытными штрихами: «Собрав компанию буянов и головорезов, он грабил и обижал королевских подданных, скрываясь после в лесах или диких местах. Когда это стало известно королю, он весьма оскорбился и издал указ, по которому тот, кто доставит его (Робина. — В. Э.) живым или мертвым, получит от короля крупную сумму денег, как говорят записи казначейства. Но от этого обещания никто из людей не поимел никакой пользы»^[22]. Записи, о которых говорит Графтон, не сохранились, но, возможно, он действительно видел их в лондонских архивах — как будет сказано далее, Робин Гудами в Англии называли многих разбойников в разные времена. За Граптоном последовал великий компилятор английской истории Рафаэль Холинshed, включивший в свои «Хроники Англии, Шотландии и Ирландии» (1577) краткие сведения о Робин Гуде. Многотомным сочинением Холиншеда активно пользовался Шекспир, который не раз упоминает Робина — но не как исторического героя, а как полумифического лесного весельчака, каким его уже тогда считали большинство англичан.

В XVI веке и позже было записано множество стихов и песен о «веселом Робине» (*jolly Robyn*), уводящем доверчивых девушек в лес «играть и плясать». В этих песнях лук и стрелы сделались приметой уже не разбойника, а бога любви, похожего на шаловливого Амура. Хотя в ту же эпоху о стрелковом мастерстве Робин Гуда вспомнили изготовители луков и прочего оружия, сделавшие его своим покровителем. В шуточной балладе лондонских гильдий говорится: «Чулочкики обедают в „Ноге“, обойщики — под знаком „Кисти“, оружейники идут к Робин Гуду, а гуляка — в „Приют нищего“». Очевидно, имелось в виду одно из двух лондонских питейных заведений, носивших в тот период имя благородного разбойника; сегодня их в городе не меньше пяти.

Тем временем хронисты продолжали предпринимать усилия по втискиванию Шервудского атамана в прокрустово ложе официальной истории. Одним из них стал давний соперник Графтона Джон Стоу (1525–1605), бывший портной, переквалифицировавшийся в историка. В его «Анналах», напечатанных в 1592 году, всего лишь повторяется сообщение Мейджора, но не исключено, что в неопубликованных фрагментах содержалась и другая информация. Ее-то и использовал друг Стоу, плодовитый драматург Энтони Мандей, в свое время слывший конкурентом Шекспира, в пьесе «Падение Роберта, графа Хантингдонского», законченной в 1596 году. Вскоре за ней последовало продолжение — «Смерть Роберта, графа Хантингдонского», написанное совместно с Генри Четтлом. В 1601 году обе пьесы были изданы ин-кварто, но еще до этого их с большим успехом поставила театральная труппа «Слуги адмирала», соперница шекспировского «Глобуса».

Первая пьеса начинается с того, что приор Йоркского монастыря Гилберт Гуд плетет интриги против своего племянника, молодого графа Роберта Хантингдонского. По его навету, поддержанному домоправителем графа Урменом, правитель Англии принц Джон объявляет Роберта вне закона. Граф вынужден бежать в лес вместе со своей женой Мэриан, которая далее по тексту почему-то становится Матильдой; драматург вышел из положения, объявив, что Мэриан — ее специальное «разбойничье» имя. Такое же имя, Робин Гуд, принял злосчастный Роберт, вместе со своими людьми объявивший войну несправедливому принцу и Урмену, назначенному за предательство шерифом Ноттингема. Вернувшийся к власти Ричард Львиное Сердце отдал Роберту-Робину графство, но когда Джон после смерти Ричарда стал королем, Роберта снова начали притеснять. Уже в самом начале второй пьесы враги во главе с дядей-приором подносят герою кубок с ядом; позже друзья вяло оплакивают его, а Мэриан-Матильда отбивается от столь же вялых ухаживаний влюбленного в нее короля и в итоге тоже умирает от яда.

Эксперимент по превращению вождя вольных стрелков в галантного царедворца оказался неудачным, и о пьесах Мандея быстро забыли — одно время их даже приписывали другому драматургу, Томасу Хейвуду. Надо сказать, что это было далеко не первое появление Робин Гуда на сцене — в XV столетии, а то и раньше, народные спектакли о его приключениях были частью «майских игр» (*May games* или *Mayinges*), в которых неизменно участвовали Король и Королева мая в зеленой одежде и веселый монах с дубиной. Уже в тот период Короля мая называли Робин Гудом, но, вероятно, только в следующем столетии Королева получила имя

возлюбленной Робина, девы Мэриан, а монах стал называться братом Туком. Эти представления обычно устраивались в лесах, куда в день праздника устремлялось все население городов и сел; там же проходили состязания в стрельбе из лука, участники которых наряжались в зеленые костюмы. В балладах не раз говорится, что все стрелки Робин Гуда носили платье из зеленой шерстяной ткани, называемой «линкольнская зелень» (*Lincoln green*). Только сам Робин поверх этого наряда надевал плащ, алый, как грудка малиновки.

К началу XVI века Робин Гуд стал заметным участником не только майских игр, но и других народных праздников. Одним из них был Троицын день, когда Робин и его стрелки, одетые в зеленое, шествовали по городу в свите «летнего короля», а потом распивали пиво на рыночной площади, где правил бал уже «король разгула» — иногда им был сам разбойник. Гулянья продолжались целую неделю, и Робин, которому приходилось пить больше всех, обычно выходил из строя задолго до их окончания. В 1508 году церковный служитель, доставивший исполнителя роли разбойника на праздник в Лестер, жаловался, что тот на обратном пути едва не потерял бутафорские меч и шлем, «что обошлось бы нашему приходу в восемь пенсов». Обращает на себя внимание прагматизм церкви, которая не боролась с культом Робина как пережитком язычества, а с готовностью извлекала из него доход. К концу столетия Робин, однако, перестал появляться на летних гуляньях, да и в майских играх его роль стала менее заметной, поскольку лук повсеместно вытеснялся огнестрельным оружием.

До 1600 года имя Робин Гуда упоминается в различных исторических источниках около двухсот раз и более ста из них — в связи с майскими играми. Связь Робина с играми отразилась и в балладах — восемь из них открываются упоминанием о «веселом месяце мае». В английской провинции эти игры дожили до XIX века, но, как ни странно, мы очень мало знаем о том, как именно они проходили. По отрывочным упоминаниям в документах можно судить, что в начале праздника его участники отправлялись в лес, где стреляли из лука или просто гуляли. В 1549 году англиканский епископ Хью Латимер (позже сожженный как еретик), собравшийся прочитать проповедь в сельской церкви близ Лондона, неожиданно нашел ее пустой и закрытой: «Я послал за ключом и ждал его на паперти более часа; наконец, ко мне подошел какой-то человек и сказал: „Сэр, мы сегодня не можем слушать вашу проповедь, потому что празднуем день Робин Гуда, все наши прихожане в лесу, и вы напрасно стали бы ожидать их“»^[23].

Из леса жители возвращались в деревню, чтобы принять участие в праздничном костюмированном шествии, которое заканчивалось танцами и общей пирушкой. Интересно, что в ходе игр ряженный Робин и его товарищи собирали с присутствующих деньги на общественные нужды — об этом пишет Стивен Найт^[24]. Иногда деньги взимались на специальной «заставе» у входа в деревню, причем Робин не просил их, а требовал как плату за проход. Несомненно, это был отголосок его «разбойничьей» роли. Непременным компонентом игр был также моррис — старинный мужской танец с прыжками и поворотами, требующий немалой виртуозности. По многим свидетельствам, моррис уже в XVI веке ассоциировался с Робин Гудом и связь эта сохранилась до наших дней.

В ходе майских игр в деревнях разыгрывались также шуточные пантомимы, а в городах — настоящие спектакли, о которых можно судить по записанной в 1475 году в Кембридже пьесе «Робин Гуд и шериф Ноттингемский». В этом незамысловатом сочинении Робин сперва побеждает рыцаря, напавшего на него по заданию шерифа, а потом с помощью брата Тука освобождает из тюрьмы своих людей. Постепенно пьесы, да и сами майские игры становились более сложными и красочными, особенно в столице. В дневнике юриста Генри Мэчина за июнь 1559 года говорится, что в Лондоне, у церкви Святого Мартина в полях состоялись «майские игры, где были великан, Девять героев, множество речей, святой Георгий с драконом, танец моррис, а также Робин Гуд с Маленьким Джоном, девой Мэриан и братом Туком, которые обошли с выступлениями весь Лондон»^[25]. Позднее уже известный нам Джон Стоу в своем «Описании Лондона» (1598) сообщал: «В мае месяце лондонские обыватели всех сословий, разбившись по приходам или соединив два-три прихода вместе, празднуют майские игры, ставят майские шесты и устраивают всевозможные забавы с умелыми лучниками, плясунами морриса и прочими развлечениями. Они веселятся весь день, а вечером играют театральные представления и зажигают на улицах костры»^[26].

Неравнодушный к искусству Генрих VIII любил наблюдать танцы и шуточные сражения участников майских игр. Сохранились документы казначейства о выплате денег исполнителям ролей Робина, Мэриан и Тука, игравшим при дворе. 1 мая 1510 года король и сам явился в покои королевы Екатерины в сопровождении одиннадцати придворных, «одетых в короткие куртки из зеленой ткани, с зелеными капюшонами на головах и чулками того же цвета, и с каждым из них были лук со стрелами, меч и щит, как у разбойников или людей Робин Гуда». В 1539 году стареющий монарх снова

переоделся Робин, чтобы произвести впечатление на свою очередную невесту Анну Клевскую. Принцесса не оценила маскарад и осыпала незнакомцев в зеленом отборной немецкой бранью — может быть, поэтому брак ее с Генрихом продлился недолго.

«Акклиматизация» Робина при дворе между тем продолжалась: во время торжественной коронации дочери Генриха Елизаветы I в 1558 году знаменитый разбойник (точнее, игравший его актер) в числе прочих участвовал в праздничном шествии. В елизаветинскую эпоху Робина пытались превратить из народного героя в утонченного аристократа не только в псевдоисторических опусах Мандея, но и в галантных пьесах и повестях. Одна из них, сочиненная в 1594 году, не дошла до нас, но ее название говорит само за себя: «Приятная пасторальная комедия о Робин Гуде и Маленьком Джоне».

Тогда же была написана уже упомянутая баллада «О рождении, воспитании, доблести и женитьбе Робин Гуда» — характерный пример псевдофольклорного сочинения, приспособляющего разбойника к вкусам и идеалам правящего класса. Баллада описывает, как юный Робин Гуд с матерью отправился в гости к дяде, богатому сквайру, в его имение Гамвелл-холл, где их ждал обильный рождественский обед — «сыры, свинина, торт из слив». Вечером сквайр торжественно объявляет Робина своим наследником, а на другой день, гуляя в лесу, тот встречает «прекрасную Клоринду»:

Пришла Клоринда, пастухов
Царица в тех местах,
В зеленом платье до колен,
В высоких сапогах.

Какая поступь у нее!
Как гибко клонит стан!
Могучий лук в ее руке
И полный стрел колчан^[27].

Рассказывая красавице о себе, Робин говорит, что он «живет в веселом Шервуде, поскольку это прекрасная жизнь, лишенная всякой борьбы». Именно такой, бесконфликтной, придворные авторы хотели видеть историю Робин Гуда, сведя ее к милым шуткам в народном духе. То же самое, но куда талантливее, делал и Шекспир, комедии которого усыпаны

робингудовскими аллюзиями, хотя само имя разбойника упоминается только трижды. В «Двух веронцах» Валентин, подобно Робину, становится атаманом лесных разбойников; сэр Джон Фальстаф в «Генрихе IV» сравнивает своего слугу Бардольфа с Уиллом Скарлетом, а домохозяйке миссис Куикли говорит: «Дева Марианна перед тобой — настоящая барыня». О Робине вспоминают героини комедии «Как вам это понравится», которая весьма напоминает написанную в те же годы пьесу Мандея о знатном изгнаннике, бежавшем в лес. Вдобавок эти героини — Орlando и Оливер — названы сыновьями Роланда де Буа, а во Франции Робина называли *Robin de Bois*, «Робин Лесной».

Упоминание Шекспиром популярного имени Робин Гуда было, помимо всего прочего, способом борьбы с конкурентами — ведь в те же годы о разбойнике писали Мандей, Эдвард Пил и уже упоминавшийся Роберт Грин, чью прочитанную в юности комедию «Векфилдский полевой сторож» ностальгически вспоминал М. Горький в одной из статей: «Я списал тяжелые эти стихи в тетрадь, и они служили мне чем-то вроде посоха страннику, а может быть и щитом, который защищал меня от соблазнов и скверненьких поучений мещан»^[28]. Персонаж пьесы Джордж-э-Грин, тот самый гуртовщик из Уэйкфилда, не только побеждает Робин Гуда в поединке, но и защищает бедных и даже спасает короля от врагов. По неизвестной причине Р. Грин отнес жизнь своего героя и, соответственно, Робин Гуда к правлению короля Эдуарда IV Йоркского (1461–1483).

Популярность Робин Гуда в эпоху Тюдоров была так велика, что авторы того времени вставляли его имя в свои переводы античных классиков, делая тем самым разбойника современником Ахилла и Энея. Тогда же начали активно записываться и издаваться посвященные Робину баллады. Около 1600 года был составлен их большой сборник, названный «манускриптом Слоуна» (Sloane MS 780) по имени его владельца, известного коллекционера и основателя Британского музея Ханса Слоуна (1660–1753). Сборник предваряла прозаическая «Жизнь Робин Гуда» — первое жизнеописание разбойника, составленное неизвестным автором исключительно по данным баллад.

Позже, около 1650 года, появился сборник, известный под именем «фолианта Перси», куда в числе прочих фольклорных памятников вошли семь баллад о Робин Гуде в старых и весьма интересных вариантах. Еще позднее, около 1675 года, был написан так называемый «манускрипт Лесников» (*The Forresters Manuscript*), названный в честь открывающей его баллады «Робин Гуд и лесники». В 1993 году он возник из небытия на

книжном аукционе, откуда попал в библиотеку Британского музея, а позже был издан с комментариями ведущего современного робиноведа Стивена Найта. В этот сборник входят 22 баллады о Робине, многие из которых отличаются от известных вариантов названиями или деталями текста. Открытие этого манускрипта доказывает, что в частных коллекциях Англии и других стран еще могут отыскаться тексты новых баллад, вносящих ясность в биографию легендарного разбойника.

В елизаветинскую эпоху образ Робин Гуда как бы раздвоился: с новым безобидным весельчаком соседствовал старый, грозный народный мститель, о котором по-прежнему вспоминали судьи и подсудимые на политических процессах. В 1603 году бывший фаворит Елизаветы Уолтер Рэли, отданный под суд новым королем Яковом I, воскликнул на допросе: «Не странно ли, что меня притащили сюда, словно Робин Гуда или Джека Кэда?!» Два года спустя первый министр Роберт Сесил назвал «Робин Гудами» участников знаменитого Порохового заговора. Ранее то же прозвище получили ирландцы, выступившие против занятия их земель английскими поселенцами: «Люди из семейства Мак-Ши, незаконные сыновья лорда Рока и другие стали Робин Гудами и убили нескольких поселенцев, бежав после этого в отдаленные леса и пустоши»^[29].

В Эдинбурге в 1561 году «Робин Гуд», под именем которого выступал мясник Джордж Дюрье, стал зачинщиком беспорядков, направленных против феодальной знати. Современники утверждали, что мятеж стал следствием попыток властей запретить «Робингудовы игрища». В 1578 году шотландский король Яков VI все-таки подписал закон, запрещающий «все нечестивые представления о Короле мая, Робин Гуде и прочих, устраиваемые в месяце мае в хлевах, школах и других местах». Правда, поводом для этого стали не народные волнения, а протесты пуритан против «нечестивой языческой забавы». Реформаторы церкви грозили небесной карой всем, кто рассказывает или играет на сцене «лживые сказки» о Робине и его стрелках. Еще в 1528 году переводчик Библии Уильям Тиндал осуждал тех, кто «вынуждает вас читать о Робин Гуде, Бивисе Хэмптонском, Геркулесе, Гекторе и Троиле в тысячах басен о любви, ревности и вражде, беспредельно порочных и пагубных для молодежи». В подобных филиппиках Робин всегда ставился в один ряд с самыми знаменитыми героями романов, включая (опять-таки) короля Артура, что красноречиво говорит о его популярности в то время. Тем громче были обвинения пуритан, не желающих, чтобы какой-то разбойник равнялся славой с героями Священного Писания.

Однако заставить жителей Британии забыть Робин Гуда было не так-то

просто — к тому времени имя знаменитого разбойника разнеслось по всему острову от края до края. Об этом говорит количество географических названий, связанных с его именем: их почти 140, и по этому показателю Робин превосходит самого Артура. В Глостершире и Дербишире есть «холмы Робин Гуда», в Ланкашире — «колодец Робин Гуда»; такие же колодцы имеются в Шервуде и Барнсдейле. Древний межевой камень в Линкольншире носит имя «крест Робин Гуда», пещера близ Ноттингема — «стойло Робин Гуда», скала в Хоупдейле — «стул Робин Гуда», ущелье в Чэтсуорте — «прыжок Робин Гуда». Знаменит шестисотлетний «дуб Робин Гуда» в Шервудском лесу, в ветвях которого разбойники будто бы подстерегали путников — сегодня эти ветви подперты множеством жердей, чтобы драгоценная реликвия не рухнула. Но и в других областях Британии самые старые и могучие деревья носят имя Робина, хотя всем известно, что он никогда не бывал в тех краях.

Первые «робингудовские» названия были зафиксированы еще в XV веке на севере Англии, но их немало и в других частях страны. Знаменательно, что они практически отсутствуют в кельтских областях — горной Шотландии, Уэльсе и Корнуолле. Это значит, что данные названия тесно связаны с англосаксами. А вот связь их с историческим Робин Гудом, если он действительно жил в промежутке между XII и XIV веками, весьма сомнительна. В то время дать свое имя объектам, разбросанным по всей стране, могли могучий король, прославленный святой, но никак не атаман разбойников, даже самый удачливый и ловкий. Вывод один: имя Робин Гуд первоначально принадлежало какому-то обладающему широкой популярностью мифологическому герою и только потом было присвоено реальным человеком — или людьми.

Эту точку зрения разделяют сегодня большинство историков. Еще в 1907 году сэр Сидней Ли в статье о Робин Гуде в «Оксфордском национальном биографическом словаре» писал: «Вряд ли можно сомневаться в том, что, как и в похожем случае с Рори-из-Холмов в Ирландии, имя первоначально принадлежало мифическому лесному эльфу, занимавшему видное место в английском и шотландском фольклоре. Впоследствии английские сочинители баллад и рассказчики историй применили его к какому-то разбойнику, который устроил свой дом в лесах или на болоте, достиг превосходного мастерства в стрельбе из лука, отвергал суровые законы о пользовании лесными угодьями и тем самым снискал расположение у простонародья»^[30]. Довольный своей проницательностью ученый муж не заметил, что своим вердиктом не решил загадку Робин Гуда, а лишь разделил ее на две не менее сложные.

Первая — кем был тот разбойник, которого народ наделил легендарным прозвищем? Вторая — какой именно «эльф» стал его прототипом?

В поисках ответа на второй вопрос мы должны обратиться к прозвищу хозяина Шервуда — *hood*. Оно означает не только «капюшон» — на северном диалекте так же называли лес (*wood*), и не случайно это слово постоянно, начиная с первых фрагментов баллад, рифмуется с именем Робин Гуда. Но герой не мог называться просто «лесом», у него явно было другое имя. В своих комментариях к балладам Фрэнсис Чайлд вспомнил о старинном английском обычае скакать в праздник Рождества на деревянных лошадках (*hobby-horse*) — точнее, палках с лошадиными головами. Этот обычай назывался *hoodying*, причем в некоторых графствах человек, сидящий на «лошади», держал в руках лук и стрелы.

В праздник солнцеворота, соединившийся позже с христианским Рождеством, англосаксы, как и их германские родичи, приносили жертвы верховному богу Водену (у скандинавов — Один, у древних германцев — Вотан), чье имя кое-где, прежде всего на севере Англии, произносилось как «Ходен». Жертвами обычно были кони — священные животные Водена. Этому богу всегда изображали с лицом, скрытым широкополой шляпой или капюшоном, и этот головной убор тоже стал носить его имя. Правда, его оружием было копье, а не лук со стрелами. Но из лука стрелял сын скандинавского Одина, слепой бог Ход или Хёд, случайно сразивший стрелой своего брата, светлого Бальдра. По мнению ряда ученых, лучник Ход первоначально считался ипостасью самого Одина (об этом говорит и сходство имен), и значит, тот мог распоряжаться луком и стрелами на вполне законном основании.

Но, конечно, Робин Гуд — не Воден или, вернее, не только Воден. Первая часть его имени явно принадлежит не германскому верховному богу, а другому персонажу, хоть и связанному с Воденом какой-то важной чертой. К тому же грозный Воден вряд ли мог беззаботно отплясывать моррис в майских рощах. На эту роль скорее подходит его сын Бальдр — юный бог плодородия, напоминающий Диониса или Кришну. Должно быть, такой бог был и у англосаксов, но его имя за века христианства оказалось забыто, сменившись именем его французского двойника Робина. В средневековой Франции майские театрализованные представления носили название «пастораль», а их главных героев, влюбленных друг в друга пастуха и пастушку, звали Робин (точнее, Робен) и Марион. Около 1280 года трувер Адам де ла Аль из Арраса сочинил «Игру о Робине и Марион» (*Le Jeu de Robin et Marion*)^[31] для своего хозяина, графа Роберта Артуа, скучавшего в Неаполе по «милей Франции». «Игра» быстро разошлась по

всей Западной Европе; в Англии она легла на плодородную почву местных майских игр, герои которых получили модные французские имена.

Откуда же взялось имя Робин? По общепринятому мнению, это уменьшительная форма германского имени Роберт или Хродберт — «блистающий славой». Почему герой пасторали получил его — неясно. Стоит лишь сказать, что он — простолюдин, который борется за любовь прекрасной Марион с рыцарем Обертом. Притворяясь простушкой, Марион высмеивает глуповатого рыцаря и отвергает его ухаживания, а когда он похищает ее силой, устраивает такой скандал, что пристыженный вояка убирается восвояси. Прибежавшие на выручку Робин и другие крестьяне находят Марион целой и невредимой и на радостях устраивают пирушку с танцами, песнями и фривольными шутками.

Пьеска очень проста, и обратить внимание в ней стоит только на имя рыцаря — фактически двойника Робина-Роберта. Перед нами явно архетипический сюжет о сражении двух братьев за девушку, хотя в английском фольклоре сюжет этот как-то потерялся, и только авторы новейших интерпретаций смело извлекают его из небытия — есть романы и фильмы, где соперниками Робина в любви к Мэриан выступают сэр Гай Гисборн и даже сам шериф Ноттингемский, которых при этом иногда еще и представляют братьями разбойника. Если же вернуться к мифологии, то можно вспомнить исследование Роберта Грейвса «Белая богиня», в котором один из братьев-соперников отождествляется со златоголовым корольком, а другой — с красногрудой малиновкой, причем битва их относится к зимнему солнцестоянию, когда малиновка, дух нового года, побеждает и убивает своего противника. Кстати, французское имя малиновки *robin* (от латинского *rubenia* — «красная») проникло в Англию одновременно с пасторалью Адама де ла Аля, и это совпадение может быть отнюдь не случайным.

Интересно, что в средневековой Франции «робином» называли еще и молодого барашка. В современном французском слово *robinet* означает «кран», поскольку когда-то в фонтанах кран делали в виде бараньей головы. В свою очередь, барана в средние века часто ассоциировали с дьяволом, и неслучайно последнего в Англии иносказательно звали Робином. На иллюстрации к памфлету «Робин Добрый малый, его шалости и проделки», напечатанному в Лондоне в 1639 году, герой изображен с бараньими рогами и ногами, в окружении хоровода ведьм, совы и черного пса. Намного раньше, в XIV веке, в Килкенни (Ирландия) была казнена ведьма Элис Киттелер, служившая демону по имени Робин — он являлся ей в обличье того же черного пса. Но прозвище Робин Добрый малый

(*Robin Goodfellow*) носил и более симпатичный персонаж — шаловливый лесной дух Пак, известный по «Сну в летнюю ночь» Шекспира. Возможно, их с Робин Гудом общим прототипом был кельтский лесной бог, известный под именем «зеленого человека».

С Паком Робина роднит не только имя, но и черты трикстера, божественного (или демонического, кому как нравится) шутника. Он постоянно шутит, насмехается, меняет обличья, как шекспировский герой:

В шутах у Оберона я служу...
То перед сытым жеребцом заржу,
Как кобылица; то еще дурачусь:
Вдруг яблоком печеным в кружку спрячусь,
И лишь сберется кумушка хлебнуть,
Оттуда я к ней в губы — скок! И грудь
Обвислую всю окачу ей пивом... [\[32\]](#)

Таковыми же шутками развлекается и Робин Гуд — то отправит в путь ограбленного предварительно епископа, усадив его на коня задом наперед, то заманит в лес шерифа Ноттингемского и заставит его спать на голой земле и камнях, то напоит допьяна другого епископа, из Херефорда, и вволю посмеется, глядя, как тот отплясывает джигу под музыку разбойничьих рогов. Благодаря его проделкам англичане стали считать идиотами не только шерифа, но и всех жителей Ноттингема — не случайно в сборнике анекдотов времен Генриха VIII этот город сделался братом-близнецом знаменитого оплота дураков Готама.

Еще одного возможного «прародителя» Робина выявил в 1584 году исследователь английских суеверий Реджинальд Скотт. В своей книге «Обозрение вопроса о ведьмах» он предположил, что Робин Гуд ведет родословную от немецкого «гоблина» (точнее, кобольда) Худгина или Ходекина. Этот персонаж старинных легенд жил в замке епископа Хильдесхаймского и играл с его обитателями шутки — иногда невинные, иногда весьма жестокие, например, разрубил на куски дразнившего его мальчика-слугу, скормив его мясо епископу и другим обитателям замка. Стоит отметить, что *Hodekin* по-немецки означает «шапочка» или «капюшончик» — похоже, зловредный гоблин тоже носил этот головной убор, как и другие похожие персонажи вплоть до диснеевских гномов с их красными колпачками. По догадке фольклористов, капюшон требовался им, чтобы спрятать рога, остроконечные уши или другие «нечеловеческие»

признаки.

Некоторые ученые считают, что в средние века многие жители Европы еще молились древним богам, что вызывало резкое неприятие церкви и стало одной из причин печально знаменитой охоты на ведьм. Действительно, описанные церковными демонологами картины ведьминых шабашей весьма напоминают реальные народные праздники с языческими корнями, к которым в Британии прежде всего относились уже упомянутые майские игры. Суть этого праздника красноречиво описал памфлетист Филип Стаббс в своем труде «Анатомия злоупотреблений» (1583): «В мае, на Троицу или в другое время, все юноши и девушки, как и супруги преклонных лет, всю ночь напролет гуляли по лесам, рощам, холмам и горам, где весело проводили время, а на следующее утро возвращались с березовыми ветками для украшения дома. Однако главным сокровищем, принесенным ими из леса, было майское дерево, доставляемое с великим благоговением: оно было все покрыто цветами и травами, обмотано сверху донизу тесьмой и окрашено в разные цвета. Дерево сопровождали сотни восторженных мужчин, женщин и детей. После его установки все от мала до велика пускались вокруг него в пляс»^[33].

Позже дерево стало заменяться «майским шестом» с привязанными к нему лентами. По догадкам ученых, шест, как и дерево, был фаллическим символом, олицетворявшим древнего бога плодородия, а сами майские игры воплощали священный брак этого бога с богиней земли. Британские кельты 1 мая отмечали Белтене, праздник наступления лета, разводя костры и скатывая с холмов горящие колеса — символ солнца. У славян подобные торжества были посвящены солнечному богу Яриле, да и вообще майский праздник носил общеевропейский характер. У римлян он посвящался богине Флоре и с приходом римских легионов в Британию соединился со своим местным аналогом. Из Рима пришел обычай приносить в этот день с полей и лугов цветочные венки для украшения дома. А ночные гулянья на природе, о которых пишет Стаббс, были пережитком древнего обычая заниматься в канун праздника любовью на земле (иногда — прямо на вспаханном поле), чтобы обеспечить хороший урожай.

Помимо плясок вокруг дерева или шеста в обширную программу майских игр входили избрание Короля и Королевы мая, танцы ряженных, танцы с мечами, моррис и игра в Робин Гуда, то есть состязания в стрельбе. В танцах ряженных участвовали мужчины, по двое или по одному надевавшие на себя лошадиные шкуры — сразу вспоминается Гай Гисборн. Танец с мечами исполнялся мужчиной и шестью его «сыновьями», которые набрасывались на «отца» с оружием и «убивали» его, но в конце он

«воскресал». Этот древний танец понемногу вытеснялся моррисом, который тоже имел древнее происхождение, но в XIV–XV веках сильно изменился. С тех пор в нем участвуют шесть человек, одетых в белые рубашки и чулки, шляпы с цветами и черные кожаные ботинки. Танцуют обычно под аккордеон, держа в руках короткие палки и белые платки. Без сомнения, когда-то место палок занимали мечи. В 1396 году герцог Ланкастерский Джон Гонт привез из Испании танцоров, изображавших популярный сюжет борьбы христианских рыцарей с маврами; этот танец быстро стал популярен в Англии, получив название *Moorish* (мавританский), которое позже превратилось в «моррис». Когда смысл морриса забылся, его объединили с другим «меченосным» зрелищем — символическим убийством отца или брата, в котором роль героя-убийцы, по предположению Р. Грейвса, играл именно Робин Гуд.

Но не будем дальше углубляться в фольклорные дебри — заблудиться в них куда проще, чем в Шервудском лесу. Достаточно подвести итог: образ Робин Гуда в фольклоре возник из соединения двух мифологических персонажей — воинственного верховного бога англосаксов и его сына, божества любви и плодородия, веселого покровителя майских игр. Не вызывает сомнения, что в раннем средневековье, когда под слоем официального христианства еще скрывалось народное двоеверие, этому двуединому божеству приносили жертвы, в честь его устраивались праздники, его именем называли холмы и источники. Но это не значит, что тем же именем не мог назвать себя человек, обосновавшийся в лесной глуши и не ладящий с законом — ведь на североанглийском диалекте *Robin Hood* означал еще и «грабеж в лесу» (*rob in hood*). Если бы такого человека не было, жители Йоркшира и Ноттингемшира вряд ли стали бы сочинять баллады о давным-давно (или даже недавно) забытом языческом божке. Ведь баллада, во всяком случае народная, — не сказка, и ее редко посвящают совершенно вымышленному герою.

Итак, кто мог присвоить себе птичье имя и божественное прозвище? Кто сумел претворить местечковую известность во всемирную славу, а преступные деяния — в образцы храбрости и благородства? В поисках этого человека нам предстоит отправиться в Северную Англию XII–XIV веков и детально изучить как ее пейзаж, так и биографии тех, кого молва причисляет к «вольным стрелкам». Вдруг имя кого-нибудь из них проявится-таки на страницах истории, а рядом с ним тенью проскользнет и тот, кого ученые не могут отыскать вот уже несколько столетий, — «настоящий» Робин Гуд?

Глава вторая

ВАТАГА ВОЛЬНЫХ УДАЛЬЦОВ

Как и полагается народному герою, Робин окружен верными соратниками. В фольклоре их обычно называют *merry men* — «весельчаки», хотя в средневековом контексте это слово лучше перевести как «удальцы». Число их в разных источниках колеблется — 40, 70, 100, 140. Самая малая величина — 12, сакральное число знаков зодиака, апостолов и, по одной из версий, рыцарей Круглого Стола (никуда не уйти от сопоставления Робина с Артуром!). Самая большая — три сотни лучников, которых выделяет своему знатному герою Мартин Паркер. При этом по именам мы знаем не больше десятка из них, а тех, кто в нашем представлении неразрывно связан с Робин Гудом, — еще меньше, пять-шесть человек. В любом романе и фильме они всегда рядом со своим атаманом — Маленький Джон, Уилл Скарлет, брат Тук, менестрель Алан-э-Дейл и, конечно, прекрасная дева Мэриан.

Главный из них — Маленький Джон (*Little John*), которого английские авторы именуют «лейтенантом», то есть первым помощником атамана. Он всегда рядом с Робинсом как в балладах, начиная с самых ранних, так и в хрониках. Благородный разбойник встретился с ним в самом начале своей лесной жизни — баллада «Робин Гуд и Маленький Джон» сообщает, что Робину тогда было «около двадцати лет», а Джону немногим меньше. В той же балладе дано красочное описание его внешности:

Хоть и Маленьким звался тот Джон у людей,
Был он телом — что добрый медведь!
Не обнять в ширину, не достать в вышину, —
Было в парне на что поглядеть!

Это перевод Марины Цветаевой — как всегда, вдохновенно-неточный. В оригинале сказано примерно следующее:

Хоть и звался Малыш, телом был он велик,
Росту полных семь футов имел;
Лишь в кабак он входил, всяк, кто ум не пропил,
Улепетывал прочь, пока цел.

Семь футов — это 213 сантиметров, многовато даже для высокорослых англосаксов (тем более в средние века, когда их рост был ниже, чем сейчас). Откуда же у великана взялось странное прозвище? Одни исследователи считают, что это просто проявление разбойничьего юмора. Другие — что Джон носил фамилию Литтл («маленький»), доставшуюся от предков — среди английского простонародья такое случалось и в XIV веке. Это подтверждает и сама баллада, где говорится, что при вступлении в лесное братство разбойник был переименован из Джона Литтла в Маленького Джона. Со временем эту кличку начали принимать всерьез — сохранился рисунок-лубок XVI столетия, где Джон изображен мальшом с громадным, больше его, мечом. Похоже, таким его считал и поэт-романтик Джон Ките, который на заре железного XIX века ностальгировал в стихах о временах Робина и «малютки Джона». Но сегодня справедливость восстановлена — едва ли не во всех фильмах Джон габаритами да и выражением лица весьма напоминает быка. Интересно, что в самых кассовых голливудских картинах Маленького Джона с 1922 по 1950 год играл один актер — Ален Хейл.

В балладах Маленький Джон действует практически наравне с Робин Гудом. Они не раз выручают друг друга из беды, а в отсутствие Робина Джон решительно берет на себя командование стрелками. Похоже, он — единственный разбойник, с чьим мнением Робин считается. Например, в «Малой жесте» именно Джон убедил атамана помочь деньгами бедному рыцарю Ричарду Ли. Правда, он не всегда так добр — в балладе «Робин Гуд и епископ» едва не застрелил безобидную старуху (а на самом деле Робина, переодевшегося в ее платье). Не всегда и слушается командира: например, в балладе «Робин Гуд и монах», обидевшись на Робина, Джон отпускает его одного в Ноттингем, что приводит к пленению разбойника людьми шерифа.

При всей важности фигуры Маленького Джона в фольклоре он так и остался тенью Робин Гуда. Упоминаний о нем, как об отдельном герое, нет ни в народных преданиях, ни в уголовных делах. Как и у самого Робина, единственное доказательство его реального существования — могила, о которой впервые упоминал еще в 1527 году шотландский историк Гектор Бойс (Боэций). В своей латинской «Истории Шотландии» он лаконично сообщил, что Маленький Джон (*Ioannis Parvus*), «сподвижник знаменитого Робин Гуда», похоронен на юге Шотландии. Около 1540 года Джон Белленден в «Хрониках Шотландии» значительно расширил сообщение Бойса: «В области Меррей есть церковь Петт, где покоятся глубоко

почитаемые народом останки Маленького Джона. За шесть лет до написания этой книги мы были там и видели его бедренную кость, такую же большую, как вся нога любого другого мужчины»^[34].

В том же сочинении Белленден цитировал Бойса: «В то время (1266) жил разбойник Роберт Год со своим товарищем Маленьким Джоном; о них простой народ сочинил много историй и веселых песен». Цитата почти точная, выброшено только упоминание о том, что Робин жил в Англии. Похоже, шотландский хронист, как и многие его соотечественники, был не прочь присвоить благородного разбойника — именно поэтому могилу его ближайшего соратника он поместил в Шотландии, причем не на юге, а на крайнем севере, в Перте, что в графстве Меррей (Морей). О том же писал Ричард Графтон в своей «Большой хронике», сообщая, что могила Маленького Джона находится «в шотландском городе или деревне под названием Малая Моравия» и что, судя по останкам, разбойник имел рост 14 футов, то есть более четырех метров!

Однако уже в то время могила, по всей видимости, находилась в городке Хэзерсейдж в английском графстве Дербишир, где ее и сегодня демонстрируют туристам. По легенде, схоронив Робин Гуда в аббатстве Кирклис, Маленький Джон в печали удалился в Хэзерсейдж, где жили его родные, и там провел остаток дней. Баллада сообщает, что он сам выкопал себе могилу под старым ясенем и завещал положить туда его шапку и лук со стрелами. В 1625 году известный антиквар Элиас Ашмол писал: «Маленький Джон похоронен на кладбище Хэзерсейджа в трех милях от Каслтона, что возле Хай-Пика; один камень стоит у него в головах, а другой в ногах, и расстояние между ними весьма велико». Другие авторы сообщали, что в кладбищенской церкви висел на стене лук Маленького Джона — ясеньевый, длиной в шесть футов и без тетивы. В XVIII веке, когда старая церковь была снесена, лук перешел во владение местных помещиков Спенсеров и стал храниться в их особняке Кэннон-холл.

В начале XX века могилой Маленького Джона заинтересовался другой местный землевладелец — Роберт Эйр, носивший наследственное звание лесничего королевского леса Пик-Форест. Увлеченный легендами о Робин Гуде, он добился того, что Британский орден лесничих взял на себя опеку над могилой. В 1935 году там были установлены железные перила и новый надгробный камень с надписью: «Здесь лежит Маленький Джон, друг и помощник Робин Гуда. Он умер в доме (ныне снесенном) к западу от кладбища». Однако к тому времени могила под старым ясенем уже была пуста. Еще в 1784 году два потомка Спенсеров — Уолтер Стэнхоуп и Джеймс Шаттлворт — раскопали ее и нашли громадную бедренную кость

длиной 72 сантиметра. Из этого они заключили, что рост погребенного составлял 242 сантиметра. Добычу торжественно доставили в Кэннон-холл, но вскоре начались странности. Стэнхоуп стал просыпаться ночью от странных голосов и шагов, а капитан Шаттлворт, прекрасный наездник, упал с коня и сломал ногу. По просьбе перепуганных друзей клабищенский сторож забрал кость и закопал ее в неизвестном месте. По другим данным, сторож хранил ее у себя дома и показывал за деньги, но после его смерти реликвия пропала окончательно.

Исследователь робингудовских преданий Ричард Резерфорд-Мур предположил, что Стэнхоуп и Шаттлворт инсценировали всю историю, выдав за бедро Маленького Джона коровью кость, позаимствованную в лавке мясника. Частью мистификации он счел и лук из Кэннон-холла — по его утверждению, этот предмет в XVII веке принадлежал местному кузнецу Джону Нейлору, который не только делал гвозди на продажу (*Nailor* означает «гвоздильщик»), но и мастерски стрелял из лука. Вдобавок он был мал ростом, отчего получил прозвище «Маленький Джон». Именно ему принадлежал каменный коттедж с черепичной крышей, который местные жители позже считали домом знаменитого разбойника. Коттедж сгорел в XIX веке, а еще раньше рабочие, делавшие ремонт в Кэннон-холле, стащили знаменитый лук. Правда, в 1955 году он снова появился в мэрии соседнего городка Коуторн, но Резерфорд-Мур считает этот лук подозрительно новым и слишком дорогостоящим не только для средневекового разбойника, но и для сельского кузнеца.

Новую версию происхождения могилы Маленького Джона выдвинул недавно историк Брайен Робинсон. Он указал, что два камня, установленные на большом расстоянии друг от друга, никак не могли быть могилой, зато могли использоваться при постройке зданий — в данном случае кладбищенской церкви. Их ставили на расстоянии одного шеста (пяти метров) друг от друга, протягивая между ними веревку, с помощью которой производили строительные измерения. С годами назначение камней забылось и их стали принимать за могилу великана. Правда, это не объясняет, почему именно Хэзерсейдж в фольклоре оказался связан с Маленьким Джоном. Но не только Хэзерсейдж: сам Джон в одной из песен «Малой жесты» называет своей родиной Холдернесс в Йоркшире. Кстати, неподалеку, у города Уэйкфилд (о нем мы еще будем говорить), между 1318 и 1323 годами действовал разбойник по имени *John Le Little* — тот же Маленький Джон. Городок Хантли в южношотландском графстве Бервик местные жители тоже считают родиной легендарного разбойника. Джон будто бы был сыном владельца местного замка, объявленным вне закона за

насилие над девушкой. Замок был разрушен еще в XVII веке, никаких документов не сохранилось, и, скорее всего, вся эта история — еще один пример упрямого стремления шотландцев к «приватизации» робингудовской легенды.

Такое же стремление проявлялось и в Ирландии, что следует из приведенного в книге ведущего робиноведа XIX столетия Джозефа Ритсона свидетельства местного историка Дж. Стэнихерста: «В году 1189-м в Англии расплодилось множество разбойников, среди которых главнейшими были Роберт Гуд и Маленький Джон — без сомнения, самые благородные из всех преступников. Роберт Гуд погиб от предательства в шотландском монастыре Бриклис, а остатки его шайки рассеялись, и каждому пришлось выживать в одиночку. Маленький Джон бежал на корабле в Ирландию и на несколько дней остановился в Дублине. Горожане, узнав, что этот пришелец превосходно стреляет из лука, захотели узнать, как далеко он может пустить стрелу; уступив их просьбам, он стал на Дублинском мосту и выстрелил в сторону отдаленного холма, где позже в назидание потомкам воздвигли монумент, доказывающий, что ни один человек не может превзойти его достижение. Но поскольку вскоре этот выдающийся чемпион был объявлен в розыск во всех местностях, он, убоясь закона, бежал в Шотландию и умер там в городе или деревне, называемой Моравия»^[35]. Есть и другое предание, сохранившееся в помещицьем семействе Саузвеллов — Маленький Джон никуда не убежал, а был повешен за разбой на холме Арбор-хилл в Дублине. Учитывая, что Джон был чуть младше Робина, которому к тому времени уже перевалило бы за семьдесят, остается только подивиться постоянству его привычек.

Если в балладах Маленький Джон стоял вровень со своим атаманом, то в последующей литературе он отступил на второй план, смешавшись с прочими стрелками. Авторы тюдоровской эпохи, превратившие Робин Гуда в графа, отнюдь не собирались делать того же с его «лейтенантом». Графтон вообще умолчал о нем, а Энтони Мандей в своих пьесах превратил в обычного, хотя и доверенного, слугу Робина. Было, правда, одно исключение — йоркширский антиквар Роджер Додсворт (1585–1654), сославшись на более раннего хрониста Фабиана, назвал не Робина, а именно Маленького Джона графом Хантингдонским. В своем сочинении *Monasticon Anglicanum* Додсворт привел и другие интересные подробности: смертельно ранив во время ссоры своего отчима, Робин «явился в Клифтон на Колдере, где встретился с Маленьким Джоном, который держал там коров; упомянутый Джон похоронен в Хезерсхеде в Дербишире, где ему

поставили красивый-памятник с надписью»^[36]. В сохранившихся трудах Фабиана никаких упоминаний о графском звании Джона не нашлось, и большинство историков считают, что Додсворт просто спутал двух героев. Однако, по мнению Стивена Найта, эта история «отражает влияние самостоятельной версии легенды о Маленьком Джоне, бытующей в Дербишире»^[37].

Не очень понятно, как и почему Джон Литтл стал разбойником. Судя по балладе, Робин применил к нему свою обычную тактику: сперва, хорошенько подравшись, убедился в его силе и храбрости, а потом как бы невзначай предложил сменить нелегкий сельский труд на вольную жизнь в лесу. Но кем же трудился Маленький Джон? Обычно его считают кузнецом; об этом сказано и в уже известном нам стихотворении Игн. Ивановского:

Там был кузнец, Малютка Джон,
Верзила из верзил.
Троих здоровых молодцов
Он на себе возил.

Это почти точный перевод отрывка из «Подлинной истории» Питера Мартина, но в оригинале Джон не кузнец, а йомен. Это значит, что он сам или его отец (как уже говорилось, в момент встречи с двадцатилетним Робин Гудом Джон был еще моложе) имели свой дом и землю, где разводили скот, как утверждает Додсворт, или, скажем, выращивали капусту. Понятно, что эта рутинная работа не радовала юного силача, и он предпочел разбойничий промысел. Робин поручал ему самые рискованные дела, а часто Джон, как кажется, действовал и по собственной инициативе. Например, в той же «Малой жесте» он, назвавшись Рейнольдом Гринлифом («зеленый лист»), поступил на службу к шерифу Ноттингемскому и похитил у него всю серебряную посуду, да еще увел с собой в отряд шерифского повара, предварительно по примеру атамана испытав его силу в поединке.

На севере Англии Маленький Джон долго оставался народным героем, не уступающим популярностью самому Робину. Об этом говорит изречение, которое часто вывешивалось (а иногда вывешивается до сих пор) на стенах пабов и трактиров:

Будь джентльмен иль йомен тут —
С ним выпьет добрый Робин Гуд,

А если Робин вышел вон —
С ним посидит Малютка Джон.

В «Айвенго» Вальтера Скотта, ставшем отправной точкой всей новейшей робингудовской традиции, Джон присутствует заочно. Когда Ричард Львиное Сердце спрашивает Робина, есть ли у него в отряде человек, который «мало того что подает советы, но еще хочет руководить каждым твоим движением», разбойник отвечает: «Как же, есть у меня помощник по прозвищу Маленький Джон. Его теперь нет с нами: он отправился в дальнюю экспедицию, на границу Шотландии. Я признаюсь вашему величеству, его советы часто меня тяготят. Однако, подумав, я не могу на него сердиться, зная, что он в своем усердии думает только о моей пользе»^[38]. С тех пор в романах и фильмах Джона неизменно представляют помощником Робин Гуда — верным, отважным, но не слишком сообразительным. Если Робин в большинстве популярных версий его истории превращен в аристократа, то Джон остается воплощением английского народного духа, каким его хотят видеть сами англичане — блондинистый, медвежеватый, честный до наивности и отчаянно свободолюбивый.

Вальтер Скотт дает яркое описание и другого всем известного соратника Робин Гуда — монаха Тука, который в «Айвенго» назван причетником из Копменхерста: «Черты его лица не обличали ни монашеской суровости, ни аскетического воздержания. Напротив, у него было открытое свежее лицо с густыми черными бровями, черная курчавая борода, хорошо очерченный лоб и такие круглые пунцовые щеки, какие бывают у трубачей. Лицо и могучее сложение отшельника говорили скорее о сочных кусках мяса и окороках, нежели о горохе и бобах». Это не вымысел писателя, который с большой аккуратностью относился к историческому материалу. Таких монахов-жизнелюбов было немало в английских монастырях XII–XIII веков, особенно в провинции. В документах той эпохи нередко встречаются жалобы на монахов, которые небрежно относились к своим обязанностям, ели в пост мясо (в том числе добытое браконьерством), приводили в обитель женщин и даже открыто селили их в своих кельях. Были и монахи, помогавшие разбойникам, прятавшие их и предупреждавшие об опасности. К числу таких, похоже, относился и брат Тук.

Судя по балладе «Робин Гуд и отчаянный монах», Робин познакомился с ним привычным для себя способом. Услышав от товарищей, что в

Аббатстве источника (*Fountain's Abbey*) живет монах, способный одолеть и его, и всех его людей в стрельбе из лука и схватке на мечах, разбойник без промедления пустился на его поиски. Когда он отыскал брата Тука, тот выглядел совсем не по-монашески — в стальном шлеме, с мечом и щитом (кстати, так же снарядился и сам Робин, что было для него крайне нетипично). Дальнейшее — перетаскивание друг друга через ручей с последующим состязанием в стрельбе и отчаянной схваткой на мечах — убедило Робина, что его новый знакомый силен, смел и к тому же наделен чувством юмора. Для виду запросив пощады, он протрубил в рог, вызвав на подмогу стрелков, но монах тут же свистнул — и на помощь ему из леса примчались полсотни свирепых псов. Только когда Маленький Джон застрелил десяток из них, монах согласился пойти на мировую:

Я вам отсыплю золотых,
Сошью любой наряд.
Хоть год живите у меня,
Я буду только рад.

В оригинале монах пообещал Робин Гуду каждое воскресенье выдавать ему нобль (золотую монету) в виде дани, досыта кормить разбойников и к каждому из трех главных церковных праздников шить им новую одежду. Далее в переводе Ивановского говорится:

С тех пор в аббатстве за рекой,
В крутых его стенах,
Был у стрелков надежный друг,
Отчаянный монах.

Опять расхождение с оригиналом: там сказано, что монах уже семь лет жил в Аббатстве источника, и прежде не покорялся ни рыцарю, ни графу. Ни о какой дружбе речи не идет — как и о том, что брат Тук вступил в разбойничье братство. Его обитель нужна была Робину как плацдарм, где можно узнать новости, спрятать добычу или скрыться самому. Судя по балладам, таких «малин» у разбойника и без того было немало — хотя бы усадьба благодарного рыцаря Ричарда Ли или дом старухи, где он прятался в балладе «Робин Гуд и епископ». Но Тук был ценен и сам по себе как опытный боец и местный «авторитет», с которым лучше жить в дружбе.

Похоже, еду и одежду для разбойников обеспечивал не он сам, а его аббатство, где воинственный монах, судя по всему, играл не последнюю роль.

Известное в средние века Аббатство источника действительно находилось в Скелдейле, недалеко от Барнсдейлского леса; оно принадлежало ордену цистерцианцев. В Шервудском лесу есть небольшой Источников лог (*Fountain Dale*), а рядом с ним — колодец брата Тука, но никакого монастыря там никогда не было. В то же время баллады называют Тука не «монахом» (*monk*), а «братом» (*friar*), то есть членом одного из нищенствующих орденов, появившихся в Англии только в середине XIII века и первое время не живших в монастырях, а странствующих в поисках подаяния небольшими общинами или поодиночке. Поэтому или Тук никогда не жил в Аббатстве источника, или вся история его встречи с Робин Гудом вымышлена.

Второе кажется более вероятным, тем более что брат Тук вписался в робингудовскую традицию довольно поздно. Баллада, героем которой он стал, относится к началу XVII века, в более ранних источниках он не встречается, да и из поздних упомянут лишь в двух. Гораздо раньше его имя появилось в исторических документах: в королевской грамоте 1417 года упомянут бывший священник из Сассекса с этим прозвищем, который бросил свой приход и вступил в разбойничью шайку. В 1429 году тот же персонаж снова упоминается в грамоте, уже как главарь разбойников; сказано также, что его настоящее имя — Роберт Стаффорд. Что с ним стало дальше, неизвестно, как неизвестно и то, почему он выбрал прозвище Тук. Старинное слово *Tuck* означает как «скрывающийся», так и легкий меч или рапиру. Разбойнику подходят оба значения, но почему это слово отнесено именно к монаху?

Ответ может дать уже упомянутая традиция майских игр с участием Робин Гуда и его соратников. Как ни странно, Маленький Джон там появлялся редко, зато брату Туку отводилась весьма заметная роль. Его роль играл человек в монашеской рясе (часто с подложенной под нее подушкой, изображавшей живот) и с дубиной в руке. Он участвовал в шествии Короля и Королевы мая — напомним, что ими обычно были Робин Гуд и дева Мэриан, — смешил собравшихся шутками, а потом вместе с другими танцевал моррис. Тук присутствует и в народных фарсах о Робине, включая самый ранний — «Робин Гуд и шериф Ноттингемский», записанный в 1475 году. Особенно много таких фарсов появилось в эпоху Реформации; некоторые игрались при дворе Генриха VIII, и монах Тук непременно присутствовал там как сатира на католическое духовенство.

Около 1560 года печатник Джон Копленд издал сборник пьес, куда вошел фарс «Робин Гуд и монах». Там Робин и Тук после схватки опустошают в знак примирения бочонок вина, а потом разбойник жалуется монаху *lady free* — в тогдашнем значении гулящую девку. Прыгая от радости, брат Тук распевает непристойные куплеты.

Из народной литературы причетник из Копменхерста бодро шагнул в профессиональную. Шекспир в пьесе «Два веронца», написанной в конце XVI века, вложил в уста одного из персонажей (что характерно, разбойнику) следующую фразу:

Ручаюсь плешью старого монаха
Из удалой ватаги Робин Гуда,
Он подходящий атаман для нас!^[39]

В те же годы брат Тук отметился как герой второго плана в пьесах Энтони Мандея, где он вместе со своей возлюбленной Дженни преданно служит Робину. После этого он присутствовал практически в каждом произведении о «вольных стрелках», почти не меняясь: это силач, обжора и выпивоха, такой же символ «доброй старой Англии», как Маленький Джон. «Айвенго» В. Скотта и «Дева Мэриан» Т. Пикока заложили традицию, по которой Тук был влиятельным членом разбойничьего «штаба», третьим по значению после Робина и Джона. Кое-кто из авторов намекал, что он умеет читать и писать и уже поэтому является «мозговым центром» робингудовской ватаги. В повести Михаила Гершензона «Робин Гуд» он даже пишет прокламации, призывающие крестьян к восстанию. В англоязычной прозе монах таких подвигов не совершает, но оттого не становится менее симпатичным. Странное дело: если в годы Реформации его использовали для борьбы с католической церковью, то теперь он скорее пропагандирует ее.

Каким же образом брат Тук попал в орбиту робингудовского предания? Реальный Роберт Стаффорд, орудовавший на юге Англии в XV веке, никак не мог сотрудничать с возможными прототипами Робин Гуда, которые гораздо раньше подвизались на севере. Как можно догадаться, союз между собой заключили не исторические персонажи, а их мифологические прототипы — те, кому посвящались майские игры. И если Робин, как уже говорилось, отдаленно связан с великим англосаксонским богом Воденом, то брат Тук так же отдаленно напоминает другого бога — Тура или Тора. Этот громовержец отличался могучим телосложением,

неумеренным аппетитом и виртуозным обращением с молотом, который воображение потомков вполне могло превратить в дубину. С Тором связывали четверг (*Thursday*), дуб и белый цвет — не отсюда ли белые рубашки танцоров морриса? Возможно, в генезисе образа Тука участвовал и другой персонаж — кельтский бог плодородия, которого в Ирландии называли Дагдой, а в Британии, по римскому образцу, Геркулесом. Он, в отличие от Тора, был не только рослым, но и тучным, и в качестве оружия тоже использовал дубину. А еще имел волшебный «котел изобилия», из которого каждый мог доставать пищу по своему вкусу — вспомним, что монах щедро угощал разбойников.

Местом встречи Тука и Робина оказался лес, с которым народная фантазия связывала обоих этих персонажей. Дело монаха Стаффорда доказывает, что имя Тука уже в XV веке было прочно соединено с разбойным промыслом — возможно, именно благодаря Робин Гуду, который к тому времени уже обрел черты Майского короля. Тогда же рядом с Робинем появилась еще одна главная героиня легенды — дева Мэриан, тоже пришедшая из майских игр. Ее дальний прототип — языческая богиня плодородия, которая с приходом христианства ассоциировалась сразу с двумя персонажами евангельской легенды — Марией Магдалиной и Марией Иаковлевой, женой Клеопы. По распространенной в Англии и Франции легенде, обе Марии после распятия Христа отправились на корабле в Западную Европу, чтобы проповедовать там новую веру. В Англии ими якобы было основано знаменитое аббатство Гластонбери, сыгравшее важную роль в формировании преданий о короле Артуре и Святом Граале. Марию Иаковлеву, остававшуюся в тени своей более известной тезки, часто путали с ней, а заодно и со святой Марией Египетской, которую, как и Магдалину, считали раскаявшейся блудницей. В Англии, где «египтянами» (*gipsies*) называли цыган, за этой Марией закрепилось прозвище Цыганка.

Культ Марии Цыганки был широко распространен на Западе под покровом официального христианства, соединяясь с культом древней богини любви и плодородия — античной Афродиты. Как и Афродиту, ее связывали с морем («Мария Звезда морей») и иногда изображали в виде русалки, а символом ее считалась раковина — такие раковины несли с собой паломники, отправлявшиеся к могиле святого Иакова (брата Марии) в Сантьяго-де-Компостела. Ее еще называли «маленькой Марией» в отличие от «большой», матери Христа, дав ей уменьшительное имя Марион, которое появилось в Европе в X–XI веках и только позже было переосмыслено как Марианна или Мария-Анна. Вероятно, именно

священный брак этой героини с юным богом весны и цветения был изначальным сюжетом майских игр. Возможно, в Англии их участников называли *Mary' men* (люди Марии), а позже это прозвище превратилось в *merry men* — «удальцов» Робин Гуда.

Это делает понятным и особую приверженность Робина Деве Марии (а на самом деле ее тезке, Марии Цыганке), и его связь с девой Мэриан — другой ипостасью языческой богини, ведавшей не только плодородием, но и войной. Эта богиня, носившая в разных странах имена Дианы, Фригг, Арианрод, часто имела прозвище «Дева», отличаясь воинственным характером и ненавистью к мужчинам, в отличие от своей «сестры», любвеобильной Афродиты. В легенде об Артуре две эти богини тоже предстают в образе сестер — Морганы и Моргаузы, иногда соединенных воедино. Имя «Моргана» (в Ирландии — Морриган), означающее «рожденная морем», весьма похоже на Мэриан, хотя этимология у них разная; не исключено, что жители Британии подсознательно сближали обеих героинь, которые оберегали мужское воинское братство — рыцарей Круглого Стола в одном случае и лесных «удальцов» в другом, — пока его члены хранили ритуальную чистоту. Стоит вспомнить, что в средневековых романах Дева Мария точно так же покровительствовала членам рыцарских орденов, пока они оставались верны данному ей обету.

В XV веке, когда Робин сделался Королем мая на весенних играх, Мэриан, что вполне естественно, стала Королевой. Правда, в ряде источников говорится, что они были участниками двух разных праздников, но, похоже, это ошибка — Мэриан вместе с Туком и Маленьким Джоном участвовала и в танцах, и в театральных постановках. Там ее по тогдашнему обычаю изображал мужчина, причем обычно самый здоровенный — это не только создавало комический эффект, но и напоминало, что Мэриан считали не хрупкой барышней, как в современных фильмах, а богатыршей, которая ни силой, ни храбростью не уступала остальным стрелкам. В фольклоре ее называли *smurkyngge wench* — «бой-баба», и не случайно Энн Картер, возглавившая бунт голодающих крестьян в Эссексе в 1629 году, взяла себе прозвище Мэриан. Знаменательно и то, что во Франции Марианна — изображаемая обычно топлес и с оружием в руках — стала символом революции и даже попала в этом качестве на государственный герб.

При всей своей глубинной связи с прототипом Робин Гуда, весенним божеством, Мэриан не так уж прочно вписана в робиновскую легенду. Она упоминается всего в трех поздних балладах, причем в двух — «Робин Гуд делит золото» и «Робин Гуд и королева Кэтрин» — только вскользь. В

балладе «О рождении Робин Гуда» ее, как уже говорилось, заменяет некая Клоринда, чье имя, скорее всего, заимствовано у царственной амазонки из поэмы Тассо «Освобожденный Иерусалим». Возможно, даже тогда, в начале XVII столетия, Мэриан не была широко известна как подруга Робин Гуда и тем более его жена. Похоже, предшествующая традиция считала, что преданность Робина Деве Марии делала просто невозможной его связь с какой-либо земной женщиной, как это бывало и у рыцарей.

Единственная баллада, где Мэриан играет важную роль, «Робин Гуд и дева Мэриан», написана уже в XVII веке, после пьес Мандея, превративших Робина в аристократа. В первой из этих пьес жена графа Хантингдонского Матильда, уйдя вслед за мужем в леса, приняла «разбойничье» прозвище Мэриан. Драматург довольно неуклюже попытался соединить историческую жену йоркширского аристократа (о нем и о ней будет сказано ниже) с фольклорной «лесной девой». По его версии, Матильда — дочь Роберта Фицуолтера, известного предводителя восстания баронов против короля Джона, которое закончилось подписанием в 1215 году Великой хартии вольностей. Уже известный нам историк Джон Стоу, на «Анналах» которого основывался Мандей, утверждал, что Матильда (Мод) отвергла ухаживания короля, после чего он приказал отравить ее: «Когда Мод пребывала в обители Дунмоу, посланец передал ей признание Иоанна в любви, но она не вняла им, и тогда посланец отравил вареное яйцо, которое она съела и от этого умерла»^[40]. Узнав об убийстве дочери, разгневанный Роберт примкнул к восстанию против короля. Вслед за Мандеем эту историю в 1594 году пересказал Майкл Драйтон в сентиментальной поэме «Матильда, прекрасная и добродетельная дочь графа Фицуолтера». Тогда же в среде лондонского купечества появилась пьеса, объявившая Мэриан-Матильду дочерью Генри Фиц-Алвина, лорд-мэра Лондона, умершего в 1212 году.

Неизвестный автор баллады явно копирует Мандея — хотя бы потому, что он тоже называет Робина графом. По его версии, Мэриан — дочь некоего северного феодала, «превзошедшая красотой королеву Елену, прекрасную Розамунду и Джейн Шор» (имеются в виду фаворитки Генриха II и Эдуарда IV). Они с Робинотом были соседями, дружили и мечтали пожениться, но тут молодого графа объявили вне закона, и он бежал в лес. Мэриан «в помрачении чувств» отправилась за ним, переодевшись в платье пажа и захватив меч (который пажу вообще-то не полагался). Увидев ее, Робин почему-то не узнал свою невесту и совсем не по-рыцарски бросился на нее с оружием. Она, что не менее странно, не сказала ему ни слова и тоже схватилась за меч:

Обнажили мечи и рубиться пошли
И сражались без малого час.
Храбрый Робин от ран зашатался, как пьян,
И у Мэриан кровь пролилась.

«Опусти же оружие, — сказал Робин Гуд, —
Ты достоин дружбы моей.
Мы отправимся в лес, и под сенью небес
Будет песни нам петь соловей».

Только услышав голос любимого, Мэриан узнала его и бросилась к нему на шею. Разбойники тут же зажарили оленя, открыли бочонок с вином и отпраздновали свадьбу атамана и его нареченной — «и жили они долго и счастливо». История выглядит очень неубедительно, поэтому современные авторы пытаются объяснить ее, к примеру, тем, что воинственная девица решила отомстить Робину за то, что он оставил ее. Или, напротив, хотела показать, что достойна его и может на равных с мужчинами переносить испытания разбойничьей жизни. Сама баллада никак не объясняет это — как и то, почему замужняя Мэриан продолжала называться «девой». Непонятно, по какой причине у нее не было детей и куда она подевалась в конце жизни разбойника, когда он, больной и усталый, отправился искать помощи в монастырь, ставший его могилой. Никаких следов Мэриан нет и в исторических документах; хотя жители городка Эдвинстоу в Шервудском лесу считают, что ее свадьба с Робинотом состоялась именно у них, в церкви Святой Марии, эта версия появилась не ранее XVIII века.

Присутствие женщин в разбойничьих шайках не было чем-то необычным — кому-то надо было кормить бандитов и обслуживать их, в том числе сексуально. В балладах вскользь упоминаются жены нескольких «удальцов», хотя они, по-видимому, жили не в лесу, а в соседних деревнях, куда разбойники наведывались по ночам или в затяжную непогоду. Но Мэриан не похожа на них: она одета в мужскую одежду, охотится и сражается наравне с мужчинами. Во всяком случае, так происходит в новейших романах и фильмах. В детском телесериале Би-би-си «Дева Мэриан и ее удалцы» она вообще становится настоящим атаманом разбойников, а туповатый Робин только играет эту роль. Часто их любовь заслоняет все прочие сюжетные линии, причем соперниками Робина выступают то один из разбойников, то Гай Гисборн, то сам шериф

Ноттингемский. Такое педалирование лирической темы, изначально чуждой робингудовским легендам, не может не раздражать специалистов. Один из них, Стивен Найт, даже выступил в 1999 году с провокационным интервью, в котором утверждал, что никаких женщин в жизни Робин Гуда не было и быть не могло, поскольку он придерживался нетрадиционной ориентации. Это вызвало бурю возмущения поклонников атамана, и почтенному профессору пришлось оправдываться: он-де хотел только показать, что данная версия имеет не меньше прав на существование, чем прочие теории самозванных «робиноведов».

К огорчению поклонников модной нынче однополой любви, «вольные стрелки» ничем на них не похожи. Это грубые, суровые, воинственные люди с типично мужскими развлечениями — выпить, подраться и похвастаться своими подвигами. Таков и один из самых древних персонажей легенды — Мач или Мич, сын мельника. Он фигурирует уже в «Малой жесте» и балладе «Робин Гуд и монах», причем в последней именно он хладнокровно убивает юного слугу монаха по одному лишь подозрению, что тот может навести людей шерифа на след стрелков. А ведь незадолго до этого Мач сам был таким же юным деревенским парнем, пойманным за охоту в королевском лесу. Робин, как можно догадаться, спас его от суровой кары, и с тех пор Мач был предан атаману больше всех прочих разбойников, выступая кем-то вроде его оруженосца.

По догадкам ученых, имя Мач (*Much*) — искаженное Майк или Ник (как этого героя и зовут в некоторых источниках). Однако в фольклоре это имя объясняется тем, что отец-мельник постоянно говорил о нем: «Это же мой сын, хоть у него ума и немного (*not much*)». Мач и правда не блещет умом: в английском телесериале «Робин из Шервуда» он вообще превращен в идиота, которого Робин, его сводный брат, все время вынужден спасать от неприятностей. В самых ранних источниках роль Мача куда заметнее — он и там не так хитер и ловок, как другие стрелки, зато отличается недюжинной силой и всегда вместе с Робин Гудом участвует в самых опасных приключениях.

Еще один близкий соратник Робина — Уилл, которого в разных балладах называют то Скарлет («алый»), то Скатлок, то Статли. Этот разнобой сбивает с толку авторов новейших интерпретаций, которые иногда дают все эти имена разным персонажам. Но, скорее всего, речь идет все-таки об одном герое, изначально прозвище которого *Scathelock* или *Scarelock* может иметь общее происхождение со старинным английским именем Шерлок — «светловолосый», — прославленным на весь мир благодаря Конан Дойлу. Лежащее в его основе англосаксонское *scir*

означает не только «светлый», но и «красивый», поэтому прозвище вполне подходит герою, главные свойства которого в балладах — молодость и красота.

Впервые Уилл Скарлет появился в «Малой жесте», но его история рассказана в более поздней (XVI век) балладе «Робин Гуд и заново родившийся» — в ней Робин встретил в лесу юношу в богатом платье, который рассказал, что его зовут Гамвелл-младший, он убил в драке слугу отца и бежал, чтобы отыскать своего дядю Робин Гуда. Робин по своей привычке сразился с ним, чтобы испытать его силу и храбрость, а потом конечно же предложил вступить в ряды стрелков. Юноша согласился, и Робин на обязательной, похожей, для разбойников процедуре смены имени («второго рождения») дал ему прозвище Скарлет — то ли из-за красного плаща, то ли за то, что он обагрил руки кровью, убив человека. Гамвелл-старший, как следует из двух поздних баллад, — брат матери Робина, владевший имением Гамвелл-холл недалеко от Барнсдейла, но краеведам это место неизвестно. В любом случае, скрываясь в лесу, Скарлет спасался не от отца, а от королевского суда, который карал умышленное убийство смертной казнью.

Уиллу посвящена и еще одна баллада «Робин Гуд спасает Уилла Статли». Сюжет ее незамысловат: шериф арестовывает Статли и хочет его повесить, но Робин и Маленький Джон спасают друга. Во многих балладах Уилл упоминается как доверенное лицо Робина. В «Робин Гуде и отчаянном монахе» именно он сообщает атаману, кто такой брат Тук и где его найти. В уже упомянутой балладе «Робин Гуд и принц Арагона» Уилл вместе с Робинсом помог королю Англии справиться со злым чародеем и король в благодарность пожаловал ему руку своей дочери, но Уилл не захотел покидать друзей. В этой балладе его отец оказывается не просто дворянином, но графом Мэксфилда; правда, такого графства никогда не существовало. Уилл оставался с Робинсом до самого конца — в «Смерти Робин Гуда» он, уже старик, был одним из разбойников, проводивших атамана в последний путь.

В поздней традиции Уилл Скарлет всегда появляется таким же, как в «Заново родившемся» — это молодой щеголь, отважный, сообразительный и острый на язык. Если Робин считался непревзойденным стрелком, а Маленький Джон — лучшим мастером боя на палках, то Уилл лучше всех фехтовал на мечах и умел даже орудовать двумя мечами одновременно. Трудно понять, откуда в Ноттингемшире взялось поверье, по которому Скарлет вскоре после смерти Робина был убит в стычке с людьми шерифа и похоронен у церкви Святой Марии Очистительницы в городке Блудворт в

Шервудском лесу. Там до сих пор считают, что установленный посреди кладбища старый церковный шпиль указывает на место, где находилась могила одного из самых обаятельных соратников Робин Гуда.

Нужно подчеркнуть, что все «удальцы» Робина, как и он сам, — йомены, то есть землепашцы, скотоводы, владельцы кузниц и мастерских. Баллады зафиксировали важный момент истории Англии — превращение йоменов, первоначально слуг или дружинников знати, в особое сословие, получавшее за свою службу небольшой участок земли. Сначала они владели им только на срок службы, занимая промежуточное положение между сквайрами и грумами или домашними слугами. В конце XIV века йомены получили право передавать свои наделы по наследству и превратились в уважаемых членов сельских общин, часто становясь бейлифами, членами суда и даже шерифами. Позже, когда в Англии начался быстрый рост капитализма, часть йоменов, разорившись, пополнила ряды пролетариев, а другая, значительно меньшая, влилась в состав «благородного сословия» — джентльменов. Можно сказать, что герои баллад — йомены вдвойне. С одной стороны, они принадлежат к соответствующему сословию, с другой — верно служат Робин Гуду как сеньору, получая за это свою долю добычи.

«Вольных стрелков» объединяет и то, что все они — *outlaws*, люди вне закона. В средневековой Англии это означало, что любой встречный не только может, но и должен убить их или поймать, передав стражникам шерифа. Первое было даже предпочтительнее: во времена «доброго короля» Ричарда Львиное Сердце за голову *outlaw* полагалась та же награда, что за голову убитого волка. Сохранилась запись о выдаче в 1196 году двух марок серебра охотнику, который принес во дворец голову изгнанника Уильяма де Эллефорда. «Все против них и они против всех», — говорил хронист. Притом, как уже говорилось, вне закона можно было оказаться не только за серьезные преступления вроде убийства или мятежа, но и за неуплату долга, мелкую кражу, драку. Это наказание ждало и тех, кто помогал изгнанникам или прятал их. Главной причиной была неявка в суд, а суды тогда без колебаний выносили самые жестокие приговоры, особенно беднякам, поэтому неудивительно, что многие не доверялись правосудию, предпочитая скрыться в лесу и жить охотой или разбоем — занятиями, которые тогдашний закон обычно уравнивал между собой.

Почему оказались изгнанниками спутники Робин Гуда? Баллады излагают одну схему — атаман повстречался с ними, предложил помериться силами, проиграл схватку (часто притворно) и предложил присоединиться к лесному братству, соблазняя свободой и хорошим

питанием, что для того времени было отнюдь не маловажно:

У тебя ж будет: плащ цвета вешней травы,
Самострел, попадающий в цель,
Будет гусь в небесах и олень во лесах.
К Робин Гуду согласен в артель?^[41]

На самом деле англичане XIII–XIV веков уходили в лес по разным причинам. Одни совершали преступления, других обвиняли в этом безвинно, третьи убегали от голода или господского гнета. Были и те, кто, как во все времена, просто тяготел к преступным занятиям. Были такие, кто помог изгнаннику и по воле сурового закона был вынужден скрываться вместе с ним. Были дезертиры с шотландских войн и участники многочисленных мятежей, которых объявляли вне закона всем скопом. В лес уходили и младшие отпрыски многочисленных семей сквайров и йоменов, которые по закону майората лишались наследства, целиком достающегося старшему сыну. Те из них, кому не удавалось поступить на службу к знатному сеньору, вынуждены были зарабатывать на жизнь разбоем или охотой в королевских лесах — эти занятия, как уже говорилось, часто дополняли друг друга. Самые удачливые разбойники сколачивали состояние и становились уважаемыми членами общества — часто для этого было достаточно пожертвовать крупную сумму на постройку церкви или снарядить отряд для королевской армии. Но для большинства лесная жизнь заканчивалась топором палача или петлей на ближайшем суку.

В периоды ослабления власти и гражданских смут разбойники буквально наводняли английские леса. Иногда во время дальней поездки путешественников грабили по несколько раз. Из баллад о Робин Гуде видно, что жертвами «удальцов» могли стать люди любого сословия и достатка. Чаще всего это были духовные лица — монахи, разъезжавшие по делам своих монастырей, и собирающие подаяние братья из орденов доминиканцев и францисканцев. Это вполне объяснимо: у этих путешественников часто имелись с собой немалые суммы, при этом они не имели оружия и плохо умели им пользоваться, хотя были и исключения наподобие брата Тука. Второй по привлекательности целью разбойников были купцы, у которых всегда удавалось отобрать или товар, или вырученные за него деньги. Третьей — чиновники шерифа, которые часто не имели денег, зато на них можно было выместить неприязнь к власти.

Верхом мечтаний было поймать какого-нибудь знатного вельможу или иностранного посла, проезжающего через лес. Это была, на жаргоне разбойников, «двойная добыча»: к деньгам и драгоценностям, отнятым у самого пленника, добавлялся полученный за него выкуп. Однако при отсутствии на дороге богачей бандиты не брезговали и бедняками, вплоть до нищих.

Зачем разбойникам нужны были деньги, если провизию они добывали охотой? Во-первых, им требовалось оружие — луки, стрелы, мечи, — которое мастера из-за конспирации продавали им с большой переплатой. Добыть его было трудно, поэтому стрелки так обрадовались, когда сэра Ричард Ли приобрел для них сотню луков да еще привел в подмогу сотню вооруженных молодцов. Во-вторых, деньги тратили на вино и пиво, до которых разбойники были большими охотниками — они не только посещали таверны Ноттингема, что было довольно опасно, но и доставляли бочки прямо в лес для себя и угощения «гостей». В-третьих, они помогали своим семьям и беднякам — во всяком случае тем, кто прятал их или помогал сбывать краденое. Вообще Робин Гуд относился к деньгам весьма небрежно, следуя правилу бандитов всех времен: «Что легко найдено, то и потерять не жаль». Без сомнения, награбленные деньги тратились не только на выпивку, но и на подружек в Ноттингеме и ближних деревнях. Конечно, самому Робину, как верному адепту Девы Марии (или Мэриан), такие развлечения были чужды, но другие разбойники, молодые здоровые мужчины, явно не могли без них обходиться.

Все остальное «вольным стрелкам» щедро давал лес. Даже в XIV веке, когда английские леса уже начали редеть, они были полны дичи — особенно королевские леса, где нередко встречались стада оленей по 30–40 голов. Тревожили их только раз в два-три года, когда король с его свитой выезжал в один из лесов ради любимого развлечения. Зато тогда зверям и птицам приходилось несладко — благородные лорды убивали их десятками и сотнями, стараясь перецеголять друг друга в этом кровавом спорте. Одним из видов охоты было «преследование» (*par forse*), когда всадники с собаками гнались за зверем, пока он не выбивался из сил. Но в лесах чаще практиковалась загонная охота, когда толпа егерей и специально нанятых крестьян со страшным шумом сгоняла зверей со всех сторон на удобно расположившихся в засаде охотников. «Удальцы» Робина предпочитали не шуметь и обходились без коней — все это им заменяли верные луки. Сливаясь с листвой в своих зеленых нарядах, они караулили осторожных оленей на известных только им тропах и убивали не больше одного-двух в день — именно столько требовалось для пропитания отряда в сорок

человек. Стельных оленей и детенышей старались не трогать, заботясь о будущем пропитании.

Даже в то далекое время леса Англии были совсем не такими дикими и непроходимыми, как в тогдашней Германии и тем более в современной Сибири. Через них еще римляне проложили дороги, и самый большой лес можно было пройти за два дня. Там не было медведей, почти не попадались волки, даже ядовитые змеи встречались гораздо реже, чем на континенте. Не было ни свирепых морозов, ни жестокой жары, а от традиционных английских дождей достаточно хорошо защищали шалаши из ветвей. С весны до осени в лесах можно было жить, и жить вполне сносно. Конечно, быт разбойников имел немало неудобств, красноречиво описанных в народном стихотворении XV века:

Дождь, морозы, мошкара,
Сырость, холод и жара.
Вместо крыши — только тучи,
А подушкой — куст колючий^[42].

Многие разбойники в конце концов сходили в могилу не от стрелы стражника или топора палача, а от банальной простуды. И все же их, с юных лет привыкших к лесной жизни, она вполне устраивала. Немудрено, что в балладах лес предстает не опасным местом, полным чудовищ, как в рыцарских романах, а знакомым до последнего листика пасторальным раем. Не раз и не два рассказ о приключениях Робин Гуда открывается романтическим зачином:

Когда леса блестят в росе
И длинен каждый лист,
Так весело бродить в лесу
И слушать птичий свист!^[43]

Вполне естественно, что среди «стрелков» был и влюбленный романтик — менестрель Алан-э-Дейл, буквально «Алан из долины». Он появляется только в одной, довольно поздней балладе «Робин Гуд и Алан-э-Дейл» (XVII век). Там рассказано, что однажды Робин встретил в лесу незнакомца, «прекрасного, как день»:

Его широкий алый плащ
Багрянцем отливал.
Он шел свободно и легко
И песни распевал^[44].

На обратном пути веселье незнакомца начисто испарилось. Робин, заинтригованный такой переменой, подошел к юноше, и тот рассказал, что его невесту, руки которой он добивался целых семь лет (явная отсылка к библейской истории Иакова и Рахили), выдают замуж за богатого старика. Робин тут же отправился к месту свадьбы и восстановил справедливость — его люди сорвали облачение с совершающего венчание епископа и надели его на Маленького Джона, который, как умел, довел дело до конца. Все это случилось в церкви деревушки Паппливик к северу от Ноттингема.

После этого менестрель навеки стал другом лесных стрелков. Подразумевается, что он обеспечивал Робину рекламу, воспевая подвиги разбойника и высмеивая его врагов, в первую очередь шерифа Ноттингемского. При этом не сохранилось ни одной его баллады и вообще ни одной строчки, приписанной его перу, хотя заманчиво предположить, что именно им сложены первые баллады о Робине и его «удальцах». Увы, похоже, что Алан-э-Дейл — совершенно вымышленный персонаж, отчасти скопированный с очень похожего на него Уилла Скарлета. В прозаической «Жизни Робин Гуда» из «манускрипта Слоуна» описана его история, но в роли жениха там выступает именно Скарлет, он же Скарлок: «Со Скарлоком он (Робин. — В. Э.) познакомился, встретив его однажды одиноким и опечаленным из-за того, что девица, с которой он был помолвлен, была отнята у него теми, кто хотел насильно выдать ее за богатого старика. Робин же, узнав день свадьбы, явился в церковь под видом нищего, скрыв неподалеку своих людей, которые явились к нему, как только он протрубил в рог. Забрав невесту у того, кто хотел на ней жениться, он заставил священника обвенчать ее со Скарлоком»^[45].

Еще одним другом Робина был рыцарь Ричард Ли (*Richard at the Lee*), замок которого в «Малой жесте» расположен в Вирисдейле или Утерсдейле. Историки обнаружили в Вирисдейле, долине реки Вир в Ланкашире, деревушку Ли, но замка там, по-видимому, никогда не было. Зато в Худдерсдейле в Йоркшире, недалеко от Уэйкфилда, стоял замок Торнхилл-Лис, которым владел рыцарский род Торнхилл — быть может, кто-то из его представителей и был рыцарем из легенды. Рядом с Уэйкфилдом находится и местечко Лей или Ли, владелец которого Ричард

Ли упомянут в документах местного суда за 1332 год. Еще одним из возможных прототипов героя баллады был рыцарь Ричард Фолиот из Сауз-Йоркшира, о котором будет сказано ниже. Баллады описывают сэра Ричарда с явной симпатией — он смел, благороден, щедр, гостеприимен. В долги он влез не из-за мотовства, а потому, что его сын убил в поединке своего обидчика, и Ричард должен был заплатить родственникам убитого большую сумму.

Кредитором рыцаря стало аббатство Святой Марии, бывшее в XIII–XIV веках самым богатым в Йоркшире. Известно немало случаев, когда монастырь отбирал за долги земли у местных помещиков, игнорируя при этом все их просьбы и смягчающие обстоятельства. Иногда, как и в балладе, в день возврата долга аббат приглашал королевского судью, который фиксировал неявку должника и тут же составлял документ о конфискации земли. Есть свидетельства, что монахи вели досье на землевладельцев и всегда знали, кто из них остро нуждается в деньгах и готов заложить имение за скромную сумму. Были даже случаи, когда монастырь нанимал разбойников, чтобы те «разобрались» с должниками. Вспомним, что сам Робин Гуд, по версии Мартина Паркера, лишился своих владений именно по милости монастырского начальства, что объясняет его особую нелюбовь к обители Святой Марии и ее братии.

По контрасту с жадностью и немилосердием «слуг Божьих» отношения Ричарда Ли и разбойников представляют собой непрерывное состязание в великодушии. Робин помог рыцарю заплатить долг, а тот обеспечил «вольных стрелков» оружием и даже привел к ним в подмогу своих слуг. Когда Робина преследовал шериф, сэра Ричард укрыл его у себя в замке, не испугавшись королевского гнева, и выдержал длительную осаду. За это он был брошен в тюрьму, но разбойники выручили его, а позже Робин своей службой королю заслужил для него прощение. При этом между рыцарем и его простонародными друзьями чувствуется некоторое напряжение — он держится в стороне от стрелков, ощущая свое сословное превосходство. К тому же роль его в балладах скорее пассивна: он немолод, изранен в боях и выполняет рыцарский долг благодарности и гостеприимства явно через силу. В современных романах и фильмах о Робине Гуде Ричард Ли почти всегда отсутствует.

Другие «удальцы» Робина, сколько бы их ни было, не удостоились в фольклоре особого внимания. В «Малой жесте» упоминается некий Гилберт Белая Рука, в балладе «Робин Гуд и золотая стрела» — Дэвид из Донкастера, в «Робин Гуде и королеве Кэтрин» — Ренетт Браун, а в «Робин Гуде и кожевнике» — Артур Бланд, кожевник, который, победив Робина в

схватке на палках, вступает в его лесное братство. Так же поступают «веселый гуртовщик» Джордж-э-Грин, шерифский повар из «Малой жесты» и др. Однако эти персонажи возникают лишь на пару минут, чтобы проговорить свою репризу и снова кануть в небытие. Итог неутешительный: ни один из сподвижников Робин Гуда не проявился на страницах истории (сассекский расстрига Роберт Стаффорд не в счет) и не поможет нам локализовать благородного разбойника во времени и пространстве. Даже Маленький Джон, неотделимый от своего командира, на поверку оказывается неуловимым фантомом.

В большинстве описанных в балладах грабежей участвуют только сам Робин с двумя-тремя людьми. Только к крупным операциям вроде нападения на Ноттингем в «Робин Гуде и монахе» и «Робин Гуде и трех стрелках» привлекаются все члены банды — больше двухсот человек, что кажется явным преувеличением. Самые крупные разбойничьи шайки, возникавшие в Англии во времена смут, насчитывали 50-100 человек. Обычно же они состояли из двух-трех, реже четырех человек (данные для XIV века); только четверть шаек включала от пяти до двадцати человек. Как уже говорилось, там были и женщины — по подсчетам ученых, не меньше 10 процентов общего числа разбойников. Иногда они играли роль приманки, выходя на дорогу и заманивая путников в ловушку — так делала, например, Рыжая Люси, работавшая в паре со своим любовником Хью в Йоркшире и повешенная вместе с ним. Любопытно, что примерно 7 процентов членов банд составляли монахи — часто они учили разбойников читать, поскольку до начала XV столетия грамотность в английской провинции считалась признаком духовного сословия и позволяла на суде избежать казни. Так что, в принципе и брат Тук, и девица Мэриан могли быть соратниками Робин Гуда, хотя на практике, как мы уже знаем, они встретились с ним только в балладах.

Любопытный феномен — отношения Робина и его «лесных братьев». С одной стороны — строгое подчинение, которому удивляется даже король, с другой — полное равенство. Атаман на равных со стрелками ест, спит, сражается, получает — в отличие от многих разбойничьих вожаков — ту же долю добычи. В «Малой жесте» он с ними стреляет на пари в цель; промахнувшись полагаются удары палкой, и Робин покорно принимает положенное наказание. Разбойники безропотно слушаются его в деловых вопросах, но не терпят ни малейшего ущемления чести. Однажды, например, в долгом пути Маленький Джон отказался нести лук уставшего атамана. В этом сказывается психология йоменов, вольных людей, которые ревниво оберегали свои права, с презрением относясь как к забитым

вилланам, так и к вроде бы свободным горожанам — рабам денег и суеты.

Впрочем, с деньгами не все так просто. В той же «Малой жесте» Маленький Джон, склоняя повара уйти в лес, обещает ему плату в 20 марок и «одежду дважды в год». Возможно, это просто повторение слов шерифа, посулившего Джону те же 20 марок годовой платы. Но исторические документы сообщают примечательный факт: некоторые атаманы шаек платили своим людям зарплату, нанимая их в разбойники, как на любую другую работу. Возможно, и Робин делал так же, а награбленные деньги не делил с товарищами, а складывал в сундук. Потом он мог найти им полезное применение — например, дать займы бедному рыцарю, заполучив в итоге не только столь необходимое ему оружие, но и еще одного помощника и друга.

У Робина был еще один верный помощник, о котором часто забывают. Это лук — знаменитый английский длинный лук (*longbow*), из которого стрелки, если верить молве, за пятьсот шагов могли наповал сразить оленя. Луки раннего средневековья были невелики и били на небольшое расстояние. Считается, что классический длинный лук появился еще до начала нашей эры в горах Уэльса; после завоевания этой области Англией в конце XIII века валлийские лучники влились в состав английской армии. Первое время полководцы относились к луку пренебрежительно — он считался «подлым» оружием, которым пользовались только простолюдины, прежде всего охотники. Но скоро ситуация изменилась — в войне короля Эдуарда I против восставших шотландцев победу обеспечили именно лучники-валлийцы. В июле 1298 года при Фолкирке они остановили атаку шотландских рыцарей и полностью истребили оставленных без защиты пехотинцев. Славу длинного лука упрочила Столетняя война — благодаря ему были одержаны победы при Креси (1346) и Пуатье (1356). В обеих битвах лучники, заняв удобные для стрельбы позиции, без лишней спешки расстреливали французских рыцарей — их броню стрелы не пробивали, но поражали коней, что делало неповоротливых, закованных в железо всадников легкой добычей англичан.

Лучниками в войске короля Эдуарда III служили в основном йомены — именно с этим сословием ассоциировалась с тех пор слава английского длинного лука. Лучшими лучниками, не считая валлийцев, считались уроженцы Северной Англии, с детства привыкшие к лесной охоте. Портрет такого лучника-северянина, очень похожего на самого Робин Гуда, запечатлел Чосер в «Кентерберийских рассказах»:

С ним йомен был, — в кафтане с капюшоном;

За кушаком, как и наряд, зеленым
Торчала связка длинных, острых стрел,
Чьи перья йомен сохранять умел —
И слушалась стрела проворных рук.
С ним был его большой могучий лук,
Отполированный, как будто новый.
Был йомен кряжистый, бритоголовый,
Студеным ветром, солнцем опален,
Лесной охоты ведал он закон ^[46].

В 1982 году на затонувшем в середине XVI столетия военном корабле «Мэри Роуз» были найдены 137 длинных луков, что дало ученым возможность в деталях изучить это грозное оружие. Длина лука составляла около двух метров, толщина — от двух до пяти сантиметров. Чаще всего его делали из тиса, «королевского дерева», обладавшего как большой гибкостью, так и прочностью, не боявшегося ни дождя, ни холода. Реже использовались другие виды деревьев — ясень, орешник или вяз. Стрелы изготавливались из более легкого дерева — тополя, ясеня, ивы. Длина их составляла 60–80 сантиметров, а позже доходила до ярда (91,4 сантиметра). На конце укреплялось оперение из гусиных (реже лебединых) перьев и делалась выемка для тетивы. В годы Столетней войны стрелы начали производить массово в королевских мастерских: на один военный поход требовалось не меньше полумиллиона стрел. Перед сражением их раздавали лучникам связками по 12 или 24 штуки. В походе стрелы носили за спиной в кожаном или деревянном колчане, но во время боя вынимать их оттуда было неудобно, поэтому лучники, занимая позицию для стрельбы, втыкали стрелы перед собой в землю. Это позволяло им посылать в цель по стреле каждые пять секунд; вдобавок грязь, налипшая на стрелу, делала ее более смертоносной. В XV веке англичане переняли у французов кожаный футляр для стрел, который носили на поясе: им было удобно пользоваться как в пути, так и в бою.

Бывалые лучники пользовались «штучными» луками, которые делали на заказ опытные мастера. Только специалист, отдавший изготовлению луков 20–30 лет, мог вырезать лук из тисовой ветви таким образом, чтобы более гибкая молодая древесина (заболонь) образовала «спину» оружия, обращенную к цели, а прочная сердцевина — его «живот». Это сочетание позволяло луку сильно сгибаться и почти мгновенно возвращаться в прежнее положение. Не менее сложно было изготовить тетиву, которая

выдержала бы такое натяжение. До XIII века ее свивали из воловьих или конских жил, прочных, но не слишком гибких, потом в ход пошли пенька и даже драгоценный шелк. Цена подобной тетивы достигала половины стоимости всего лука; для защиты от сырости ее покрывали воском, а в походах обычно снимали, чтобы тетива и сам лук не перенапрягались. С начала XIV века на концах лука начали делать специальные роговые накладки с выемками, в которых закреплялась тетива.

Стрела из длинного лука, посланная опытным лучником, могла пролететь 250–300 метров. Однако на таком отдалении было очень трудно поразить цель, тем более защищенную доспехами. Кольчугу стрела пробивала на расстоянии 100 метров, а попасть в уязвимые сочленения стальных доспехов можно было лишь за 60–80 метров. Но на этом расстоянии эффект стрельбы был поистине убийственным. Хронист XII века Гиральд Камбрийский писал, что в битве с валлийцами один английский рыцарь был ранен стрелой, которая насквозь пробила его ногу в латах, прошла через седло и смертельно ранила лошадь. При этом валлийские луки были сделаны из черного вяза; более прочный тис безжалостно вырубали, чтобы скот не травился его ядовитыми ягодами. Узнав о преимуществе тисовых луков, английские короли под страхом смерти запретили рубить ценное дерево, а позже наладили его экспорт из Испании и Италии.

Лучники всегда имели в колчане несколько видов стрел. Против рыцарской конницы в ход шли тяжелые «бодкины» (кинжалы) с острым наконечником, которые метко попадали в цель и глубоко входили в нее. Незащищенную пехоту и лошадей было удобно поражать более легкими стрелами с широким наконечником. В стрельбе по наступающим от них не требовалась точность — в строю воинов они гарантированно находили себе жертву. При осаде крепостей применялись зажигательные стрелы, обмотанные паклей, при обороне от кавалерии — длинные стрелы, которые, втыкаясь в землю, образовывали непреодолимый для лошадей частокол. С античных времен лучники умели вести «навесную» стрельбу, посылая стрелы почти вертикально вверх, чтобы они дождем сыпались на противника. Чтобы огонь был как можно плотнее, лучники английской армии выстраивались в битвах по три ряда, стреляя по очереди. Часто они располагались на флангах армии, где могли видеть наступающих врагов сбоку и лучше попадать в их уязвимые места. Чтобы до них не добралась вражеская конница, они укрывались на склонах холмов, за повозками или вбитыми в землю кольями.

Английский длинный лук был очень «трудоемким» оружием.

Современный спортивный лук требует от стрелка приложения силы в 20–40 килограммов, лук русских витязей — 30–50 килограммов. Стрелок из длинного лука должен был тратить на каждый выстрел силу в 60–65 килограммов; недаром ученые, изучив скелеты нескольких лучников времен Столетней войны, обнаружили у них сильное искривление позвоночника. Дети йоменов, которые с XIV века были главной стрелковой силой английской армии, учились стрелять из лука с семи лет. Король Эдуард III приказал всем здоровым мужчинам, кроме служителей церкви, каждое воскресенье тренироваться в стрельбе под надзором представителей шерифа. В крупных городах регулярно проводились состязания по стрельбе с ценными призами — в них, если верить балладам, не раз участвовал Робин. Впрочем, и в более ранние времена в доме каждого йомена имелся лук, которым умели пользоваться все взрослые члены семьи, не исключая женщин. Однако это был более короткий охотничий лук длиной 100–150 сантиметров, которым пользовались в ту эпоху по всей Европе.

Длинные луки, как уже говорилось, распространились в Англии только в XIV веке, причем до середины столетия их применяли главным образом наемники-валлийцы. Имена стрелков-англичан появляются в источниках только в 1356 году в битве при Пуатье. Поэтому Робин Гуд и его удалцы никак не могли пользоваться этим оружием во времена Ричарда Львиное Сердце или даже Эдуарда I. Не исключено, правда, что на север Англии длинный лук попал на несколько десятилетий раньше из соседней Шотландии, где его знали издавна. Но это только предположение, не подкрепленное фактами.

Господство лучников на поле боя оказалось недолгим — уже в конце Столетней войны их начала теснить артиллерия. В последних сражениях войны французы одержали верх, применив большое количество пушек; характерно, что главный их удар был нанесен по лучникам, среди которых потери достигали 90 процентов — тех из них, кого удавалось взять в плен, безжалостно убивали или калечили, отрубая пальцы. В XVI веке началось массовое применение ручного огнестрельного оружия — аркебуз, а потом мушкетов, которым луки проигрывали по всем статьям, кроме скорострельности. В 1589 году английский парламент окончательно удалил лучников из армии за ненадобность. Однако и в следующем веке луки продолжали использоваться на охоте и в состязаниях стрелков, обычно совпадавших, как уже говорилось, с майскими играми Робина и Мэриан.

Робингудовская легенда способствовала превращению длинного лука в предмет национальной гордости англичан, и до сих пор в Великобритании

существуют фирмы, изготавливающие луки на заказ, и многолюдные общества любителей наподобие Королевского объединения лучников (*Royal Company of Archers*). Самый знаменитый лучник XX века Говард Хилл дублировал Эррола Флинна в голливудском «Робин Гуде» 1938 года; на разных континентах он застрелил из лука почти две тысячи зверей, включая трех слонов. Однако он так и не смог, как ни старался, повторить описанный в балладах подвиг Робина — поразить оленя с расстояния 500 метров.

Итак, появление в Англии длинного лука ставит нашим поискам «настоящего» Робин Гуда четкий хронологический рубеж — начало XIV века. Тогда же появилась «линкольнская зелень», из которой стрелки будто бы шили себе одежду. Тогда же, в 1319 году, был введен упомянутый в балладе «Робин Гуд и гончар» дорожный налог. В конце того же века (1377 год) Уильям Ленгленд впервые упомянул имя разбойника, что позволяет «прописать» Робина в столетии, с которым связаны как славные военные победы Англии, так и мрачные для нее события, от сокрушительного поражения в битве с шотландцами при Баннокберне до кровавого восстания Уота Тайлера. Середина этого века отмечена страшной всеевропейской эпидемией чумы, унесшей жизни от трети до половины англичан. После нее жизнь и труд уцелевших крестьян стали цениться дороже, чем прежде, выросло их самосознание, усилились протесты против гнета светских и церковных феодалов. Велик соблазн отнести именно к этому периоду деятельность благородного разбойника баллад. Однако не исключено — в истории такое случалось не раз, — что длинный лук, как самое популярное оружие охотников и воинов, был приписан Робину постфактум. А это значит, что его прототип или прототипы могли действовать гораздо раньше.

Сторонники этой теории ссылаются на балладу «Путь Робин Гуда в Ноттингем», по которой Робин стал разбойником из-за того, что негодяи-лесники ложно обвинили его в нарушении «лесного закона» (*Forest law*). Этот закон был введен Вильгельмом Завоевателем и доведен до крайней строгости его сыном Вильгельмом Рыжим — при нем за убийство оленя в королевском лесу полагалась виселица, а тот, кто всего лишь потревожит оленя, должен был остаться без руки или без глаз. Суровые кары грозили всем, кто покусится на королевские «дичину и зелень» (*venison and vert*), то есть на крупных промысловых зверей и их корм — подлесок и молодые деревья. Даже тех, кто рубил дрова в королевском лесу, ждало усечение конечностей. При этом многие селения располагались рядом с лесами или даже в их гуще и их жители просто не имели других источников

пропитания. За соблюдением «лесного закона» следила целая армия лесников и егерей, широко использовавших в своих интересах право вздернуть на суку любого заподозренного в браконьерстве.

Брат Вильгельма Рыжего Генрих I Ученый (Боклерк) немного смягчил закон, но его преемники продолжали жестоко преследовать нарушителей, а также расширять королевские леса, выселяя ради этого целые деревни. Эдуард I, король суровый, но справедливый, постарался пресечь совершаемые лесничими злоупотребления и запретил им самолично карать браконьеров. После 1300 года жертв «лесного закона» ждали уже не виселица, а тюрьма или крупный штраф. Примерно тогда же многие королевские леса были проданы или пожалованы феодалам, после чего началась их усиленная вырубка на топливо и строительство. Ко временам Тюдоров «лесной закон» превратился в анахронизм, хотя формально его так никто и не отменил. Если прототип Робин Гуда бежал в лес, чтобы избежать смерти от рук лесников, значит, он жил до конца XIII столетия. Это явно противоречит фольклорным свидетельствам, отправляющим Робина в XIV век.

Сторонником того, что легенды о Робин Гуде возникли раньше, чем принято считать, выступал видный историк средневековья Джеймс Холт, аргументы которого повторены в антологии научных трудов о Робине, вышедшей в 1999 году. Там говорится: «Ведущие проблемы „Малой жесты“ — чрезмерная власть шерифа, королевские леса и церковное стяжательство — характерны скорее для XIII, чем для XIV столетия. Ограничение полномочий шерифов совершилось между принятием Великой хартии и правлением Эдуарда I, и к XIV веку эта должность оказалась в основном в руках сельских дворян. В тот же период горячо обсуждались размеры и статус королевских лесов; к XIV веку большинство их попало в частные руки, а там, где они сохранились, их управление стало менее громоздким и более эффективным. Наконец, приобретение земли монастырями стало в XIII веке более затруднительным из-за кризиса монастырских финансов и последовательных мер против отчуждения владений по праву „мертвой руки“; тогда же землевладельцам стали доступны другие источники кредита, помимо церковных. Все это заставляет думать, что истории о Робин Гуде, пусть вначале и не в балладной форме, возникли в столетие, предшествующее 1200 году»^[47].

Против этих аргументов выступил другой известный исследователь средневековой Англии, Джон Мэдцикотт. Он указал, что конфликты из-за перечисленных Холтом проблем продолжались и в XIV веке. Ученый высказал и другие соображения: «К середине XV столетия Робин Гуд стал

общеизвестной фигурой, вошедшей в поговорки. Но еще незадолго до 1377 года хроники, поэмы, дидактические сочинения, судебные дела, картулярии и парламентские петиции ничего о нем не говорили. Если бы он к тому времени уже столетие был персонажем легенд, то число и разнообразие упоминающих его источников были бы гораздо больше и какая-то часть их непременно дошла бы до нас. Создается впечатление, что Робин Гуд появился лишь за одно-два поколения до его первого упоминания в 1377 году... И второе соображение: „Малая жеста“ говорит языком идущего к упадку феодализма, а это язык XIV столетия, а не XIII, когда мало кто рассуждал о вещевом довольствии или зарплате»^[48]. Дискуссии продолжаются, притом что ни один серьезный ученый уже не отправляет Робина в XII век или более ранние времена — это позволено только голливудским режиссерам.

Может быть, отыскать «исторического» Робин Гуда поможет король, с которым, если верить легенде, он подружился и даже служил при его дворе? Первым английским монархом, с которым легенды связывают разбойника, был Ричард Львиное Сердце (1189–1199), последним — Эдуард III (1327–1377). В двухвековой промежуток между ними страной правили шесть монархов; все они принадлежали к династии Плантагенетов, потомков внучки Вильгельма Завоевателя Матильды и анжуйского графа Джефре, который любил носить на шлеме ветку желтого дрека, по латыни *planta genista* — от этого растения и произошло название рода. Почти всех Плантагенетов отличали высокий рост, богатырская сила, деятельный характер и приступы бешеной ярости, унаследованные, если верить легенде, от феи Мелюзины, полуженщины-полузмеи, от которой династия вела свое начало. Именно эта «анжуйская ярость» заставила первого Плантагенета на английском престоле Генриха II (1154–1189) отдать приказ об убийстве святого архиепископа Кентербери Томаса Бекета, обличавшего королевский произвол. Но Генрих вошел в историю не только этим постыдным деянием — он завоевал Ирландию, основал королевский суд и отбил у французского короля Людовика VII его жену Алиенору Аквитанскую вместе с ее огромными владениями на юге Франции.

«Анжуйская ярость» бушевала и в сыновьях Генриха и Алиеноры, побуждая их постоянно враждовать с отцом и друг с другом. В итоге лишившийся сторонников Генрих бежал во Францию и там умер, а сменивший его сын Ричард тут же отправился в крестовый поход, где совершил множество славных подвигов, принесших ему прозвище Львиное Сердце (*Coeur de Lion*). Однако он так и не смог освободить Иерусалим, а

на обратном пути попал в руки австрийского герцога, который отпустил пленника только за громадный выкуп, окончательно опустошивший английскую казну. В отсутствие Ричарда Англией управлял его брат, принц Джон, быстро заслуживший ненависть подданных — он постоянно увеличивал налоги и незаконно конфисковывал земли знати, раздавая их своим любимцам, в основном выходцам из Франции. По контрасту англичане полюбили «доброего короля Ричарда», хотя он почти не появлялся в стране, истощая ее силы в бесконечных и бессмысленных войнах. В 1199 году он был убит случайной стрелой при штурме замка Шалю в Лимузене, и королем стал Джон, вошедший в историю под именем Иоанна Безземельного (*Lackland* или, по-французски, *Sans-Terre*).

Это прозвище возникло после того, как французский король Филипп II Август отобрал у Англии немалую часть владений, включая «родовые гнезда» династии — Нормандию и Анжу. Но и английская земля, казалось, горела под ногами Иоанна. Жестокий и трусливый, он пытался бороться с оппозицией при помощи интриг и тайных убийств, но в конце концов восставшие бароны загнали его в угол и вынудили в июне 1215 года подписать знаменитую Великую хартию вольностей, в которой были впервые зафиксированы общие для всех свободных людей правовые нормы, которые король обязался соблюдать под угрозой лишения власти. Там же предусматривалось создание парламента, состоящего из представителей всех сословий — он должен был следить за соблюдением хартии. На самом деле Иоанн не собирался соблюдать условия соглашения: он начал собирать силы сторонников, но в 1216 году внезапно умер.

Сменивший его сын Генрих III (1216–1272) был королем слабовольным и непостоянным. В начале правления он во всем зависел от матери Изабеллы и регента Уильяма Маршалла, а позже — от своих фаворитов-французов, которым раздавались лучшие земли и должности. Разгневанные засильем иностранцев бароны во главе с графом Лестерским Симоном де Монфором (мужем сестры короля Элеоноры) подняли восстание, требуя соблюдения Великой хартии. В 1264 году Монфор разбил Генриха при Льюисе и взял его в плен, став фактическим правителем Англии. Однако уже через год он был побежден войском принца Эдуарда при Ившеме и убит. Народные легенды превозносили графа, объявляя его святым, а короля обвиняя в трусости и коварстве. На окраинах страны, особенно на севере, еще долгое время действовали отряды сторонников Монфора, а также обычные разбойники — подходящий фон для формирования легенд о Робин Гуде.

В 1272 году, когда Эдуард вернулся из крестового похода, старый и

больной Генрих скончался. Новый король Эдуард I (1272–1307) был полон решимости утвердить в стране закон и порядок. Суровый, но справедливый властитель, девизом которого было «Верен слову» (*Pactum servo*), много сделал для того, чтобы все население страны жило по единым законам. При нем королевские чиновники и судьи сделались главными людьми в Англии, и оскорбление их жестоко каралось; даже сын короля Эдуард за насмешки над главным судьей был удален от двора и вынужден смиренно просить прощения у обиженного им законника. Могущество феодальных магнатов и Церкви было сильно ограничено. Архиепископу Кентерберийскому Роберту Уинчелси, выступившему против политики короля, пришлось покинуть Англию. За границей Эдуард I действовал не менее решительно: в 1282 году он окончательно завоевал Уэльс, а в 1296 году, когда престол Шотландии остался без наследника, попытался присоединить эту страну к Англии. Однако из этого ничего не вышло — восстания шотландцев, возглавляемые Уильямом Уоллесом, а затем Робертом Брюсом, продолжались до самой смерти Эдуарда в июле 1307 года.

Ставший королем Эдуард II (1307–1327) быстро утратил доверие подданных. Он был ленив, трусоват и безволен, отличаясь вдобавок склонностью к однополю любви. Его фаворит, гасконец Пирс (Пьер) де Гавестон, быстро забрал в свои руки государственные дела, и в 1312 году зная во главе с кузеном короля Томасом Ланкастерским организовала его убийство. Это не помогло: Гавестона сменили новые фавориты, еще более наглые и корыстные — отец и сын Диспенсеры. Недовольство англичан усугубило страшное поражение английской армии от войск Брюса при Баннокберне в июне 1314 года, после которого шотландцы окончательно вернули себе независимость и вдобавок обрушились с набегами на север Англии. Граф Ланкастер, взбешенный разорением его владений, открыто требовал свержения недееспособного короля. В 1322 года он поднял мятеж, но вскоре сформированная им из северных дворян армия была разбита при Бороубридже. Арестованного графа обезглавили в его собственном замке Понтефракт, а его соратников объявили вне закона. Среди них, вероятно, был и йоркширский землевладелец Роберт Гуд — один из главных претендентов на роль «исторического» Робин Гуда, о чем будет сказано ниже.

Расправа над Ланкастером не усмирила врагов короля, новым лидером которых стал барон Роджер Мортимер, привлечший на свою сторону (и в свою постель) отвергнутую и оскорбленную мужем королеву Изабеллу, дочь французского короля Филиппа IV. В 1326 году набранные ими во Франции и Фландрии отряды высадились в Дувре и быстро завладели

Англией. В начале следующего года оставленный всеми Эдуард II отрекся от трона и был заточен в замок Беркли в Глостершире, где пол года спустя его убили чрезвычайно жестоким способом, загнав в задний проход раскаленный железный прут. Изабелла и ее фаворит стали править страной, не обращая никакого внимания на молодого короля Эдуарда III (1327–1377), но тот терпел недолго и уже в 1330 году при помощи верных членов королевского совета организовал переворот. Мортимер был арестован в Ноттингемском замке и немедленно казнен, а королеву-мать до конца жизни продержали под арестом.

Смутное время между мятежом Ланкастера и падением Мортимера историки часто называют «второй баронской войной» — первой считается восстание Монфора и его сторонников. В этот период по всей Англии и особенно в северных лесах множились разбойничьи шайки. Самые знаменитые из них, Брэдберны в Йоркшире, Фолвиллы в Лестершире и Коттерелы в Ноттингемшире и Дербишире, возглавлялись членами местных дворянских или йоменских семейств, людьми состоятельными и образованными. Некоторые из них в прошлом были бейлифами или старостами. Источники сообщают, что местное население активно поддерживало бандитов, видя в них защиту от произвола обнаглевших в условиях безвластия королевских чиновников. Подобно Робин Гуду, Джеймс Коттерел и трое его братьев, возглавлявшие одноименную банду, старались обходиться без кровопролития и милостиво относились к беднякам. Они жили в Шервудском лесу; для полноты сходства у них имелся свой «брат Тук» — священник Роберт Бернارد, колоритный тип, брошенный в свое время в тюрьму за интрижку с неразборчивой в связях королевой Изабеллой и принявший позже участие в убийстве Эдуарда II. Стоит отметить, что шериф Ноттингемский Роберт Ингрэм был не противником бандитов, а их покровителем, получающим свой процент от добычи.

Не менее известна была шайка Юстаса Фолвилла и шестерых его братьев, начавшая свою деятельность в 1326 году с убийства казначея Лестершира сэра Роджера Беллера. Бандиты действовали в трех смежных графствах, включая Ноттингемшир, легко уходя от облав при помощи местных жителей, говоривших, что «закон Фолвиллов» справедливее законов короля. Иногда города и монастыри даже нанимали членов банды для защиты от «самодеятельных» разбойников, число которых постоянно росло. Особенно опасными в этом плане были два робингудовских леса — Шервуд и Барнсдейл. Проезжая через них, состоятельные путешественники часто обзаводились усиленной охраной, но и это не всегда помогало. В

1329 году в Барнсдейле были ограблены двое кардиналов римской церкви — разбойники отпустили их буквально голыми.

По мере укрепления власти Эдуарда III криминальный беспредел сошел на нет. К 1335 году вожаки банд получили прощение, распустили свои довольно многочисленные (до ста человек) отряды или влились с ними в королевскую армию, воюющую в Шотландии, а позже — во Франции. Теперь молодые энергичные йомены и сквайры не уходили в леса разбойничать, а отправлялись на фронт Столетней войны, разразившейся в 1337 году из-за претензий Эдуарда на трон Франции после прекращения династии Капетингов. Начало войны ознаменовалось громкими победами англичан, но потом положение стабилизировалось — обе страны жестоко пострадали из-за эпидемии чумы в 1348–1349 годах, и ни у одной не было сил и средств для окончательной победы. Ратные подвиги принесли королю и его сыну Эдуарду по прозвищу Черный Принц громкую славу, но растущие военные расходы вызывали не менее громкий ропот англичан. Вдобавок к концу правления Эдуарда III почти все его завоевания во Франции были потеряны, а стареющий король, отдавший власть на откуп фаворитам и любовницам, потерял немалую часть своего авторитета.

Во второй половине XIV века Англия быстро менялась: «Был зафиксирован постоянный рост уровня комфорта не только аристократии, но и новых слоев общества... В домах богатых людей появились очаги с трубами вместо коптящих открытых очагов, фламандское стекло заняло свое место в узорчатых окнах; в парках и садах были построены голубятни, вырыты пруды для рыбы и проложены ореховые аллеи; вместо старых темных крепостей, где люди и животные спали вместе в грязи наскоро покрытых тростником полов в продуваемых залах, полных дыма и вони, были возведены великолепные резиденции лордов и купцов с отдельными спальнями и оштукатуренными стенами»^[49]. Однако большая часть англичан продолжала жить как прежде, и моралисты, подобные Ленгленду, кричали о попорченной справедливости, разжигая искры народного гнева. Нехватка рабочей силы после эпидемии чумы повысила ее стоимость, но власти под давлением богачей заставляли крестьян и мастеровых работать за прежнюю низкую плату, заковывая ослушников в колодки. Положение усугублялось возвращением в Англию после мира в Бретињи (1360) множества воевавших во Франции солдат, привыкших к грабежам и насилиям. Не найдя себе работы, многие из них подались в разбойники, подобно Уоту Тайлеру, или перебивались подачками, накапливая недовольство.

Государство ослабляли и претензии на власть королевских братьев —

герцога Ланкастерского Джона Гонта и герцога Йоркского Эдмунда Лэнгли. В обход их Эдуард сделал своим наследником сына умершего от дизентерии Черного Принца Ричарда. Заняв трон под именем Ричарда II (1377–1399), этот последний с трудом справился с восстанием Уота Тайлера, но не сумел совладать с феодальными магнатами. После смерти Джона Гонта его сын Генри Болингброк поднял восстание и заточил короля в том же замке Понтефракт, где его позже уморили голодом. С его свержением Плантагенетов сменила новая Ланкастерская династия, вскоре столкнувшаяся в смертельной схватке с соперничающим родом Йорков. Взаимное истребление сторон в ходе Войны Алой и Белой розы привело к власти в 1485 году династию Тюдоров, с которой Англия вступила в новое время.

Так с кем же из английских королей мог встречаться Робин Гуд? Вопреки Вальтеру Скотту это не мог быть Ричард Львиное Сердце — в его время англичане еще не пользовались длинным луком. К тому же за десять лет своего правления Ричард провел в Англии меньше полугода и ни разу не посещал север страны, где, по легенде, состоялось его знакомство с Робинем. Иоанн Безземельный, напротив, бывал на севере не раз, но народная традиция относилась к нему резко враждебно и никак не могла сделать другом любимого героя. Теоретически им мог быть Генрих III, к правлению которого отнес деятельность Робин Гуда шотландец Уолтер Боуэр. Но баллады единодушно называют монарха, с которым встречался Робин, «добрым королем Эдуардом». Суровый блюститель закона Эдуард I никогда не носил этого прозвища и вряд ли мог быть покровителем разбойника. Зато так называли его сына Эдуарда II — единственного из трех Эдуардов, кто совершил описанное в «Малой жесте» длительное путешествие в Йоркшир и Ланкашир. Может быть, тогда и состоялась его встреча с разбойником?

Непростые отношения Робина с королем описаны в четырех балладах, две из которых относятся к ранним. В «Робин Гуде и монахе» король (не названный по имени) восхитился верностью Маленького Джона своему командиру и выдал ему печать — очевидно, грамоту с печатью — для Робина, объявив того «королевским йоменом» (*yeomen of the crowne*). В «Малой жесте» король Эдуард по ходатайству шерифа собирается схватить Робина и его друга-рыцаря и отправляется для этого в Ноттингем. В королевском лесу его поразило полное отсутствие оленей и другой дичи, и он в гневе пообещал награду за голову разбойника, но местные жители открыли ему глаза:

Не может хартию никто
Принять из ваших рук,
Пока здесь ходит Робин Гуд
И держит верный лук^[50].

Заинтригованный таким влиянием Робина король решил во что бы то ни стало встретиться с ним и для этого отправился с пятью рыцарями в Шервудский лес, переодевшись аббатом. Конечно же разбойники схватили путников и отняли у них деньги, но потом по своему обычаю пригласили на пир. Удивленный обилием яств («и белый хлеб, и темный эль, и красное вино») и послушанием, с которым «сто сорок молодцов» Робина встречают приказы атамана, король подумал:

Живет неплохо Робин Гуд
В лесистой стороне;
Покорнее ему стрелки,
Чем подданные мне.

По шутивому тумаку, отвешенному им королем во время состязания по стрельбе, Робин сразу узнал монарха и, став на колени, попросил у него прощения для себя и всех стрелков. Король пообещал простить их, если они пойдут к нему на службу, и на следующее утро Робин с Эдуардом въехали бок о бок в Ноттингем, одетые в «линкольнскую зелень», что вызвало бессильную злобу шерифа и радость народа. Та же история пересказана в поздней балладе «Хитрость короля и его дружба с Робин Гудом», но здесь король назван Ричардом. В «Подлинной истории Робин Гуда» речь уже определенно идет о Ричарде Львиное Сердце, который будто бы послал против Робина целую армию под началом своего канцлера, епископа Илийского, но разбойник разгромил ее, перебив две сотни солдат — такое массовое кровопролитие уникально для робингудовских баллад. Увидев, что ему не совладать с Робинсом, король пообещал ему амнистию, если он откажется от разбойничьего промысла. Робин согласился, но после этого большая часть его отряда оставила его и ушла в Шотландию. Скорее всего, это вымысел автора, Мартина Паркера, никак не связанный с фольклорной традицией.

Многие искатели «исторического» Робин Гуда считают его встречу с королем уникальным фактом, основывая на этом свои построения. Но это

не так: сюжет о том, как правитель признает правоту благородного разбойника и берет его на службу, встречается в фольклоре многих народов. В балладе про Адама Белла король в финале назначает Уильяма из Клоудсли «главным рыцарем северного края», его жену — фрейлиной королевы, а Адама и Клина — королевскими йоменами. Неважно, что перед этим бандиты учинили в Карлайле кровавое побоище, убив множество королевских чиновников; виноваты не они, а злой и несправедливый шериф. В «Истории Гамелина» король назначает героя-разбойника главным лесным судьей, а его брата-шерифа «вешает на крепкой веревке». С точки зрения крестьян (да и других слоев общества: ведь «Гамелина» сочинили отнюдь не крестьяне), это — вполне естественный поступок монарха, который обязан ставить справедливость выше сословной солидарности.

В балладах король неизменно носит прозвища «милостивый» (*kind*) и «пригожий» (*comely*). Это соответствует и Эдуарду II, и Эдуарду III, в достатке наделенным красотой и статью Плантагенетов. Правда, чаще всего «пригожим» называли правившего в 1461–1483 годах короля Эдуарда Йоркского, и этому есть свое объяснение: именно в это время составлялась «Малая жеста», автор которой вполне мог соотнести описанного в ней короля с правящим монархом. Надо сказать, что баллады, как и подобает фольклорным произведениям, крайне консервативны по части эпитетов. Робин в них всегда «добрый» (*good*), его удалцы — «веселые» (*merry*), а шериф Ноттингема — «гордый» (*proud*).

Кстати, о шерифе — этот влиятельный королевский чиновник может стать нашим помощником в выявлении «исторического» Робин Гуда. Может быть, в его переписке и официальных бумагах найдутся какие-нибудь сведения о легендарном разбойнике? Во времена англосаксонских королей шериф (*scir gerefa*) был фактическим наместником графства — он вершил суд, командовал ополчением, собирал налоги и пошлины. Почти тем же самым занимались шерифы после нормандского завоевания, когда их стали назначать из числа представителей знати. Иногда их должности просто продавались, и покупатели старались как можно скорее вернуть потраченные деньги. Многие шерифы того времени, особенно в незаконные времена короля Иоанна, прославились поборами и злоупотреблениями. Постепенно полномочия шерифов сужались — например, в правление Эдуарда III они лишились права выносить смертные приговоры. С появлением парламента его сессии стали утверждать шерифов в должности по назначению короля; с 1258 года их переназначали каждый год. В современной Англии шериф, предварительно выбранный

особым трибуналом, назначается королевской грамотой на годичный срок и выполняет всевозможные административные функции, включая руководство полицией графства и судебный надзор. В США, как известно, это просто начальник полицейского управления.

Историкам известны почти все шерифы Ноттингема со времен Вильгельма Завоевателя. Многие из них были доверенными лицами короля, ревностно выполнявшими его приказы в своевольных, постоянно бунтующих северных графствах. Во времена крестьянского восстания 1381 года тогдашний шериф Джон Босан учинил кровавую расправу над местными сторонниками Уота Тайлера, поголовно объявленными вне закона. Пользуясь случаем, он конфисковал имущество многих состоятельных горожан, никак не причастных к восстанию, и заставил их выкупать собственное добро. Другие шерифы того времени тоже были нечисты на руку, и ноттингемцы дружно ненавидели их.

Недобрую память о себе оставили и шерифы времен короля Иоанна, особенно Филип Марк, занявший эту должность в 1208 году. Его друг Хью Невилл тогда же был назначен главным лесничим Шервудского леса и неукоснительно проводил в жизнь «лесной закон», лишая браконьеров рук, глаз, а то и жизни. Посланцы короля притесняли не только простой народ, но и местных баронов, что в итоге привело к мощному восстанию последних. Результат известен — в 1215 году король был вынужден подписать Великую хартию вольностей, которая предусматривала не только создание парламента, но и отстранение от должности шерифа Ноттингемского.

Однако это обещание было нарушено — Филип Марк занимал свой пост до 1224 года, выколачивая у ноттингемцев деньги для Джона, а потом и для его сына Генриха III. Шериф не забывал и себя, заставив горожан ежегодно выплачивать ему пять фунтов (в то время немалую сумму) «за милостивое отношение». Он управлял не только Ноттингемширом, но и соседним графством Дербишир, а позже почти всем севером Англии. В 1265 году, когда был подавлен мятеж Симона де Монфора, такую же власть сосредоточил в своих руках новый шериф Бриан де Лиль. Умножая свое могущество, шерифы все меньше заботились о королевских интересах и все больше — о собственных. Они раздавали теплые местечки родственникам и друзьям, присваивали налоги, облагали данью в свою пользу все доходные предприятия. Властный Эдуард I попытался покончить с подобной практикой, начав назначать шерифами не представителей влиятельных нормандских родов, а мелкопоместных дворян. Однако при его наследнике Эдуарде II север вновь оказался

объединен под властью шерифа Ноттингема Генри де Фокомбера. В 1327 году тот принял участие в мятеже графа Мортимера, поспособствовав свержению короля и его позорному убийству.

В те годы Фокомбер был так могуществен, что его называли «северным тираном». Он родился около 1270 года в йоркширском Холдернесе, завладев отцовским имением в обход старшего брата Джона, лишённого наследства, — некоторые историки предполагали, что именно он был Маленьким Джоном, который, по одной из версий, тоже родился в Холдернесе. В период управления имением он обвинялся в различных преступлениях, вплоть до воровства дров у соседей-помещиков, но несмотря на это в 1318 году был назначен шерифом Ноттингемским. Позже он отличился при подавлении мятежа графа Ланкастера и в 1323 году снова стал шерифом, занимая эту должность до 1330 года. В том году он помог королю арестовать в Ноттингемском замке все сильного временщика, любовника королевы-матери Изабеллы Роджера Мортимера, который вскоре был казнен в Лондоне. Однако Фокомберу не простили былой дружбы с ним, и вскоре он был отправлен в отставку. За годы шерифства он сколотил большое состояние, используя для этого методы своих предшественников — террор и давление. К концу карьеры он был пожилым и тучным, отличался большой заносчивостью и кажется самым подходящим кандидатом на роль антигероя баллад.

После Генри де Фокомбера шерифы уже не достигали прежнего влияния, управляя одним Ноттингемширом. Но среди них по-прежнему встречались колоритные фигуры — к примеру Джон де Оксенфорд, исполнявший должность в 1334–1339 годах. Этот сын оксфордского ювелира заслужил рыцарское звание, усердно собирая средства для королевских войн в Шотландии и Франции с изрядной выгодой для себя — он, например, возвращал владельцам за взятки часть конфискованного имущества. Сделавшись дворянином, Оксенфорд стал действовать еще наглее: он обложил данью ноттингемских купцов, освобождал за деньги арестованных преступников, по просьбе кредиторов выбивал долги, получая за это часть суммы, и т. д. Постоянные жалобы горожан не имели последствий: четыре парламента подряд оставили шерифа в должности. Его карьера, будто взятая из жизни современных российских чиновников, оборвалась только в 1341 году, когда суд признал его виновным в тяжких преступлениях и — по иронии судьбы — объявил вне закона. Но непотопляемому Оксенфорду снова удалось откупиться, и он закончил жизнь почтенным королевским судьей.

Конечно, было бы здорово, если бы хоть одна баллада о Робин Гуде

назвала шерифа по имени — Филип, Генри или Джон. Но этого не случилось, да и понятно: сочинители и слушатели баллад смотрели на происходящее в них глазами разбойников, а не власти, и шериф был для них абстрактным «гражданином начальником», лишенным всяких личных черт. Не могут помочь и архивы ноттингемской администрации: в них нет ни одного свидетельства о разбойниках по имени Робин Гуд, Маленький Джон или Уилл Скарлет. Ни один шериф не был убит «вольными стрелками» или похищен ими. Нет данных и о том, что бандиты когда-либо освобождали заключенных из местной тюрьмы. Конечно, чиновники могли скрыть эти неудобные для них детали, или соответствующие документы просто не сохранились. Нет и данных о том, что шериф когда-либо проводил в городе состязания по стрельбе из лука, назначив призом золотую стрелу — ее, как мы знаем, выиграл не кто иной, как Робин. Ничего не говорится ни о друге разбойника, рыцаре Ричарде Ли, ни о его непримиримом враге Гае Гисборне.

Этот последний — самый зловецкий персонаж робингудовской легенды, хотя в посвященной ему балладе это не слишком заметно. Там он зовется «добрый сэр Гай» и тут же называется йоменом, что никак не подразумевает звания «сэра». Должно быть, Робин, чьими глазами читатель видит Гисборна, просто не мог определить, кто такой этот странный человек, одетый в конскую шкуру «с гривой и хвостом». Не могут это сделать и ученые — слишком уж мало говорится о Гае в фольклоре. Известно лишь, что он поклялся одолеть Робин Гуда в поединке и что он почти не уступает своему противнику в искусстве стрельбы из лука и владения мечом, так что Робин сумел сразить его только с помощью обманного удара. Сам Гай говорит о себе (в русском переводе этих слов нет): «Я живу в горах и лесах и делаю много злых дел». Еще он признается, что хочет найти Робина больше, чем сорок золотых фунтов. Эта фраза допускает толкование, что именно столько денег было обещано ему за голову атамана.

Две деревни с названием Гисборн находятся в Северном Йоркшире и Дербишире; вторая из них расположена недалеко от Локсли, где будто бы родился разбойник. Может быть, сэр Гай родился там или даже был владельцем деревушки? Об этом ничего не известно, но некоторые ученые до сих пор ищут его исторический прототип. Другие считают обряженного в конскую шкуру злодея воплощением древнего конского божества подземного мира, извечного противника солнечного Робина. Третьи предполагают, что Гай сам был разбойником — этим и объясняются его слова о жизни в лесу и злых делах. Из зависти или корысти он согласился

выдать Робина властям, поэтому тот назвал его «предателем» и жестоко надругался над его трупом. Эта драматическая коллизия почему-то осталась без внимания современных романистов, которые привычно считают Гисборна рыцарем, жестоким угнетателем крестьян и (или) полубезумным садистом. Вот, к примеру, его отталкивающий портрет из приключенческого романа Софьи Радзиевской «Тысячелетняя ночь»: «Большой рот с очень тонкими бескровными губами ножевой раной перерезывал пополам это отвратительное лицо, крупные кривые желтые зубы виднелись из него, придавая ему выражение оскаленной звериной морды»^[51].

При отсутствии исторических свидетельств создатели романов и фильмов изображают, как им вздумается, не только сэра Гая, но и самого шерифа — то он чернокожничек, то мерзкий скряга, то распутник, увивающийся за прекрасной Мэриан. И почти всегда старик, как и в балладах, хотя в реальности шерифы Ноттингема были крепкими людьми зрелого возраста. Впрочем, в тогдашней Англии, где средняя продолжительность жизни составляла 30 лет, до старости мало кто доживал. Сам Робин Гуд был счастливым исключением — фольклор приписывает ему 65 прожитых лет, а средневековые историки даже 85 (!).

Где бы ни происходило действие легенд о Робине — в Ноттингемшире, Йоркшире, Ланкашире — шериф Ноттингемский всегда изображается главным его противником. Уже в начале «Малой жесты» разбойник настоятельно требует от своих людей «не забывать про шерифа». В принципе это понятно: кого еще ненавидеть преступникам, как не стража порядка? Но у Робина эта ненависть носит очень личный оттенок. Поневоле вспоминается «История Гамелина», где злой шериф — брат несправедливо обиженного им разбойника. Или пьеса Мандея, где шериф — бывший слуга благородного графа Хантингдонского, награжденный высокой должностью за донос на своего хозяина. Конечно, к самому Робин Гуду (или его прототипу) это вряд ли имеет отношение, зато весьма напоминает историю банд Коттерелов и Фолвиллов, вожаки которых были кровно связаны и хорошо знакомы со своими противниками — шерифами и бейлифами.

Возможно, поэтому роль шерифа в балладах двойственна — он и опасный противник, реально угрожающий жизни Робина, и «бумажный тигр», которого атаман и его «удальцы» дурачат как хотят. Шериф наделен целым букетом отрицательных черт: трусость, коварство, скупость, гордыня — но жестокости среди них нет. Его угрозы казнить Робина и его людей ни разу не осуществляются, напоминая бессильные вопли королевы

в сказке Кэрролла: «Отрубить ему голову!» И если он боится сунуть нос в Шервудский лес, то разбойники как дома чувствуют себя в Ноттингеме и угрожают шерифу даже в его собственном доме, в окно которого в любой момент может влететь меткая стрела. Похоже, что всерьез его не воспринимают собственные слуги и даже жена, которая в «Робин Гуде и гончаре» заигрывает с Робинот, а вернувшемуся с позором из леса мужу говорит что-то вроде: «Сидел бы ты дома, старый дуралей!»

При всей неисторичности балладного шерифа о нем можно сказать кое-что определенное. Он является не просто важным чиновником, а доверенным лицом короля и регулярно отчитывается перед ним. Он живет не в своем особняке, как это было начиная с XV века, а в королевском замке Ноттингема. Он содержит большую свиту, имеет привычки знатного лорда и может собрать целую армию для осады замка сэра Ричарда Ли. Нанимая на службу Маленького Джона в обличье Рейнольда Гринлифа, он обещает платить ему 20 марок в год — доход среднего сквайра. Такой властью и богатством шерифы располагали еще во времена Фокомбера, но никак не позже, что тоже дает нам хронологическую «зацепку».

Среди врагов Робина часто фигурируют представители церкви — высокомерный епископ Херефорда, корыстный аббат обители Святой Марии, предатель-монах и еще одна предательница, приоресса Кирклиса (о ней речь пойдет ниже). В этом можно винить Реформацию, противопоставившую ненавистных католиков любимому народному герою. Но баллады о вражде Робина с церковниками создавались еще задолго до ссоры Генриха VIII с римским папой. В Англии раньше, чем в других странах Европы, стали раздаваться голоса, не просто обличавшие пороки церкви (таких хватало всегда и везде), но и требовавшие от нее расставания с земной властью и богатством. Они звучат и в «Кентерберийских рассказах» Чосера, и в «Видении о Петре Пахаре» Ленгленда, где изображается, как «слуги Божьи» презирают бедных и пресмыкаются перед богачами, вымогая у них деньги. Баллады повествуют о том же: монахи, притворяясь нищими, прячут в мешках целое состояние, епископ за плату готов обвенчать цветущую красавицу с немощным старцем, аббат обители Святой Марии в сговоре с подкупленным судьей пытается отобрать землю у честного рыцаря Ричарда Ли:

Свое аббатство обходя,
Так говорил аббат:
«Четыре сотни задолжал
Мне рыцарь год назад.

Четыре сотни фунтов дал
Я под большой залог.
Знать, разоренным быть ему —
Сегодня минет срок»^[52].

Англичане возмущались не только стяжательством служителей церкви, но и их моральным упадком: «Где вы найдете священника в наши дни? Не скорбящим у алтаря, но сладострастно развлекающимся с проституткой в борделе; не поющим в хоре, но празднично шатающимся по рынку; не в храме, но в таверне или пивной, где иногда они так набираются, что не могут вести ни вечерню, ни заутреню, как полагается»^[53]. Конечно, обличители церкви невольно или сознательно сгущали краски: в Англии хватало и просвещенных епископов, и ревностно выполняющих свои обязанности священников, и монахов, занятых исключительно постами и молитвами. И в балладах рядом с Робинот стоял брат Тук, «хороший» церковник, противопоставленный «плохим».

Впрочем, в мире робингудовской легенды отличие «хороших» от «плохих» весьма условно. «Положительные» герои (кроме самого Робина — он почти безупречен) все-таки заняты своим разбойничьим делом — грабят и убивают. А отрицательные (кроме сэра Гая) так жалки и беспомощны, что их впору пожалеть. В легенде присутствуют элементы и мифа, и эпоса, но дух ее совсем другой. Внеморальный пафос мифа — создание мира из хаоса, моральный пафос эпоса — обустройство этого мира через борьбу добрых и злых сил. Мир баллад о Робин Гуде давно обустроен, в нем живут не боги и демоны, а обычные люди — то добрые, то злые, но всегда обычные. Таков и сам Робин, творящий малое зло ради такого же малого добра, «слишком человеческий» в отличие от других национальных героев — мифологического Джека Победителя великанов и эпического Артура. Однако именно это качество помогло ему выйти за пределы своего времени, сделавшись близким и привлекательным для людей всех эпох и всех стран.

Глава третья

ТАЙНА ОБИТЕЛИ КИРКЛИС

Если начало биографии Робин Гуда покрыто мраком, то относительно ее конца сходятся все источники. Главный из них, баллада «Смерть Робин Гуда», дошел до нас в составе «фолианта Перси» (1650), где отсутствовал большой кусок текста, восполненный Г. Чайлдом по сборнику 1786 года «Английский лучник». Однако сюжет баллады гораздо древнее: он кратко излагается в «Малой жесте», отпечатанной, как уже говорилось, в начале XVI века, но сложенной значительно раньше. Там говорится, что Робин, покинув надоевшую королевскую службу, еще 22 года жил в Барнсдейлском лесу, откуда как-то раз отправился в обитель Киркли, чтобы ему отворили кровь. Напомним, что в средние века кровопускание считалось универсальным лекарством от большинства болезней, которые тогдашняя медицина объясняла «сгущением гуморов», то есть жизненно важных жидкостей, прежде всего крови. Бритва была главным инструментом дипломированного средневекового лекаря; но женщины дипломов не получали и лечили не бритвой, а травами (за что многие из них закончили жизнь на костре). Тем более удивительно, что робингудовская легенда отводит роль кровопускателя именно женщине — приорессе Киркли, имя которой неизвестно.

Возможно, Робин доверился ей потому, что она была его родственницей — то ли теткой, то ли двоюродной сестрой. Он все еще считался преступником, и любой врач — а ими были почти исключительно представители церкви — легко мог выдать его властям. Понадеявшись на родственные чувства, разбойник сильно прогадал: монахиня задумала предать его из любви к рыцарю Роджеру из Донкастера. При чем тут любовь, поэма не поясняет: похоже, рыцарь поиздержался и рассчитывал поправить свои дела, получив давно обещанную властями награду за голову Робин Гуда. Обращает на себя внимание, что Робину в это время перевалило за шестьдесят, и приоресса, даже будучи его сестрой, а не теткой, была ненамного моложе, так что слова о ее пылкой страсти выглядят не слишком убедительно. Детали их с рыцарем преступного сговора «Малая жеста» не излагает, подводя лишь краткий итог: «Так они с сэром Роджером погубили славного Робин Гуда».

Баллада «Смерть Робин Гуда» излагает историю куда более подробно.

На русский язык она переведена в повести Михаила Гершензона «Робин Гуд»; этот перевод хорош, но неполон. Он, как и оригинал, начинается с того, что Робин Гуд и Маленький Джон идут по дороге и старый, усталый и ослабевший Робин говорит своему «лейтенанту»:

Больше не сделать ни выстрела мне,
стрела с тетивы не помчится.
Спускаюсь я в долину. В обители той
пусть кровь отворит мне сестрица^[54].

Оказавшийся тут же осторожный Уилл Скарлет советует командиру взять с собой полсотни стрелков, но тот отказывается, чтобы молва не обвинила его в трусости. Он берет с собой одного Маленького Джона и свой верный лук и отправляется в обитель, здесь названную «веселый Кирклис». По пути они видят у моста через реку плачущую старуху, которая говорит, что оплакивает Робин Гуда, которому недолго осталось жить. Это любопытный мотив европейского, прежде всего кельтского фольклора — женщина, встреченная героем у моста или брода (места соединения двух стихий, встречи нашего мира с потусторонним), предсказывает ему судьбу, как правило, печальную. Робин проявляет обычную для героя беспечность, возражая, что приоресса — его кузина, дочь тетки, и ни за что не причинит ему зла.

Когда разбойники добрались до Кирклиса, Маленький Джон остался снаружи, а Робин поднялся по лестнице в келью приорессы и вручил ей 20 золотых фунтов — щедрую плату за лечение. Она, не мешкая, принесла два специальных ножика для кровопускания — по одному на каждую руку — и вскрыла гостю вены, но вместо того, чтобы перевязать их, быстро вышла вон и заперла дверь.

Сперва густая бежала кровь,
потом совсем поредела,
и понял тогда отважный стрелок,
что сделано злое дело.

Робин попытался добраться до окна, чтобы выбраться наружу, но был так слаб, что это ему не удалось. Тогда он вынул из дорожной сумки рог и протрубил; Маленький Джон на опушке леса услышал своего командира и

побежал на помощь. Дверь была заперта, он полез в окно, но приоресса и ее сообщник Красный Роджер — вероятно, тот же Роджер из Донкастера, — услышали это и решили поскорее довести свой злодейский замысел до конца. Пока Робин говорил со стоящим внизу Джоном, Роджер ворвался в келью и ударил его мечом в бок. Однако разбойник, вдруг набравшись сил, выхватил свой меч и одним ударом снес злодею голову. После этого он известил Джона, что умирает и просит Бога отпустить ему грехи. Обезумев от горя, верный товарищ попросил позволения спалить Кирклис дотла, но Робин остался верен себе, сказав, что никогда в жизни не обижал женщин и не позволит сделать это в свой последний час. Потом он обратился к Джону с последней просьбой:

Дай мне, товарищ, мой лук боевой,
и в небо выстрелю я.
И где упадет и воткнется стрела,
там будет могила моя.

Зеленого дерна под голову мне
и в ноги ты положи,
и лук положи мой бок о бок со мной,
Чтоб музыкой мне служил.

<...>

Могилу просторную вширь и в длину
мне вырой — и люди пройдут
и скажут: «Под деревом этим лежит
храбрый стрелок Робин Гуд».

В оригинале баллада кончается так: «И схоронили храброго Робин Гуда в ограде прекрасного Кирклиса» (*fair Kirkleys*). Где же находится это место? В графстве Уэст-Йоркшир, недалеко от городка Клифтон-апон-Колдер, расположен парк Кирклис, получивший название от расположенного в его центре старинного поместья. Слово *Kirklees* на языке англосаксов означает «церковь на поляне», чему легко найти объяснение — поместье стоит на месте женского цистерцианского монастыря, выстроенного в 1135 году в лесной чаще местным бароном Рейнором (Ренье) Флемингом. По легенде, барон запер в этом монастыре надоевшую

жену, которая и стала первой приорессой. Приорством, а не аббатством, обитель называли из-за ее скромных размеров — в XII веке здесь жили всего два десятка обитательниц. В 1315 году в этом тихом омуте разразился скандал: кто-то отправил архиепископу Йоркскому жалобу на монахинь, которые «слишком часто уединялись в потайных местах обители с мужчинами как духовного, так и светского звания, что способствовало греху». После смены настоятельницы и примерного наказания виновных в обители вновь надолго воцарилось спокойствие.

В 1539 году Кирклисское приорство было закрыто вместе со всеми английскими монастырями по приказу Генриха VIII. Жившие там в то время восемь сестер избежали репрессий, поскольку приняли королевскую волю со смирением; большинство из них переселилось к родственникам, но троим, включая приорессу Сесилию Топклифф, было некуда идти, и они открыли неподалеку таверну «У трех монахинь», сохранившуюся до сих пор. После того как королевские чиновники вывезли из монастыря немногие найденные ценности, его земли были переданы в пользование местным помещикам, а в 1565 году достались старинному семейству Армитедж. Его члены использовали камни монастырского дормитория (спального корпуса) для строительства усадьбы, законченного в 1610 году. Остальные постройки, включая церковь, со временем тоже были разобраны или просто развалились. Сегодня о приорстве напоминают только могила приорессы Элизабет де Стэнтон, жившей в XIV веке, старинный коровник и каменный двухэтажный домик, выстроенный когда-то над воротами обители.

Несколько столетий Армитеджи, носившие титул баронетов Кирклиса, вели мирную жизнь небогатых сельских сквайров, но в 1983 году после смерти окончательно разорившегося Джона Армитеджа поместье пришлось продать. Вдова покойного, Мэри Армитедж (в прошлом гувернантка хозяйских детей Мария Маргарета Тенхофф из Германии), пыталась сохранить за собой хотя бы особняк, объявив его памятником старины, но в итоге он тоже был продан и превращен в многоквартирный дом. Леди Армитедж сохранила за собой уродливое новомодное бунгало, в котором жила, и кусок парка к югу от усадьбы. К несчастью, именно на этом участке размещалась могила Робин Гуда, к которой необщительная леди закрыла доступ всем, включая ученых. С годами она смягчилась и начала пускать к могиле группы посетителей по предварительной записи, организованной местным историческим обществом. Это же общество собирало средства на реставрацию могилы, сильно пострадавшей от времени и вандалов. После смерти бездетной леди Армитедж в 2008 году

ее родственники начали войну за наследство, которая не завершилась до сих пор.

Сверив балладу «Смерть Робин Гуда» с планом усадьбы Кирклис, исследователи пришли к выводу, что приоресса принимала Робина именно в надвратном доме, а не в dormitorio — из мужчин на территорию обители допускали только священников, хотя, как следует из скандала 1315 года, из этого правила случались исключения. Хотя нынешний дом построен только в конце XV века, до него на этом месте находился точно такой же. В комнатке на втором его этаже теоретически мог быть заперт разбойник — из маленького окошка, выходящего в лес, он перед смертью пустил стрелу, которая долетела до места, где Робину суждено было найти вечный покой. В 1999 году уже упомянутый краевед Ричард Резерфорд-Мур выпустил в это окно три стрелы из длинного лука, пытаясь определить, долетят ли они до могилы. Стрелы не смогли преодолеть расстояние 600 метров; сконфуженный исследователь оправдывался тем, что не обладает нужной физической подготовкой, забыв о том, что Робин стрелял из лука, умирая от потери крови, и никак не мог пустить стрелу так далеко.

Первое упоминание о могиле Робин Гуда встречается в записках королевского антиквара Джона Лиланда, который в 1542 году объехал всю Англию, собирая по приказу короля сведения о монастырских древностях и богатствах — в первую очередь затем, чтобы при закрытии обителей монахи не утаили что-нибудь ценное. Он посетил и Кирклис, где монастырь был уже упразднен, и нашел там только одну достопримечательность: *Monialium ubi Ro. Hood nobilis ille exlex sepultus*. Что означает: «Памятник, под которым погребен Робин (или Роберт) Гуд, знатный муж, объявленный вне закона»^[55]. Мы не знаем, прочитал это Лиланд в надгробной надписи или просто пересказал известные ему сведения. Однако в той части своих трудов, что была опубликована в 1744 году под названием «Путевые записки», он упомянул разбойника еще раз: «Я видел прославленный дремучий лес Барнсдейл, где, как говорят, жил разбойник Робин Гуд».

Ричард Графтон в своей хронике 1569 года изложил новые подробности о могиле — ее, оказывается, устроил для разбойника не кто иной, как погубившая его приоресса: «На могиле она воздвигла весьма красивый памятник, на котором были выбиты имена Роберта Гуда, Уильяма из Голдборо и других». Кто такие эти «другие», непонятно — быть может, разбойники, убитые вместе с их атаманом? На такую мысль наталкивает показательный характер поступка монахини: «Приоресса той обители

велела похоронить его на обочине дороги, где он грабил и обирал тех, кто проходил мимо... Она похоронила его там, чтобы пешие и конные, видя эту могилу, могли следовать этим путем более спокойно и безопасно, чем при жизни упомянутого разбойника. И на обоих концах могилы было воздвигнуто по каменному кресту, как можно увидеть и по сей день»^[56].

Стоящие каменные кресты нечасто встречаются в средневековых английских захоронениях, и похоже, что Графтон имел в виду крест, высеченный на надгробной плите. Именно такой крест обнаружил на могиле Робин Гуда знаменитый антиквар Уильям Кэмден, автор монументального труда «Британия», посвященного географии и истории Великобритании. Посетив Кирклис в 1582 году, он увидел на памятнике «простой крест на гладкой плите без всяких надписей». При этом он упомянул, что «неподалеку находятся еще два надгробия, одно из которых несет на себе имя Элизабет де Стэнтон, приорессы той обители». В 1677 году могила была упомянута в заметках местного vicar, причем в довольно зловещем контексте — возле нее упал с коня и сломал шею сэр Джон Армитедж, возвращавшийся поздно вечером домой после пирушки с друзьями в упомянутой таверне «У трех монахинь». Несколькими годами ранее, в 1665 году, могилу зарисовал местный историк Натаниэл Джонстон. На его рисунке можно увидеть шестиконечный лотарингский крест, который часто встречается на английских надгробиях XIII–XIV веков.

Однако современное надгробие Робин Гуда выглядит совсем по-другому. Это массивный бесформенный камень без всяких изображений, окруженный кирпичной стеной с решеткой наверху. С внутренней стороны в стену вделана каменная плита с малопонятной стихотворной эпитафией:

Hear undemead dis laitl stean
laiz Robert earl of Huntingtun.
Near arcir ber az hei sa geud
an pipl kauld im Robin Heud.
Sick utlawz az hi an iz men
vil England nibr si agen.

В вольном переводе это означает:

Под камнем этим погребен
Граф славный, Роберт Хантингдон.
С разбойниками жил он тут,

Народом прозван Робин Гуд.
Уже такой стрелок, как он,
Не будет в Англии рожден.

Ниже стоит дата «24 календы декабря 1247 года», что само по себе настораживает. В ту эпоху даты всегда записывались римскими цифрами, а арабские вошли в употребление только в XVII веке. Не внушает доверия и сама эпитафия: и язык ее, и шрифт кажутся искусственно стилизованными под средневековые образцы, мало напоминая реальные надписи того времени. Мы знаем, что этой надписи на могиле не было по крайней мере до 1607 года, когда вышла в свет «Британия» Кэмдена — иначе любознательный антиквар обязательно упомянул бы ее в своих трудах. Когда же она появилась? Около 1697 года эпитафию в слегка измененном виде привел в своих заметках йоркский декан Томас Гейл. Еще раньше, в 1632 году, Мартин Паркер завершил ею свою «Подлинную историю Робин Гуда». Правда, его версия немного отличается от кирклисской: добавлены две строчки о том, что Робин «будоражил северные края тринадцать лет или даже больше», а место искусственного «староюза» занимает нормальный язык эпохи Шекспира.

Паркер утверждал, что лично скопировал эпитафию с могилы разбойника, а это значит, что она появилась там в начале XVII века — скорее всего, не без помощи Армитеджей, которые всегда гордились расположенной на их земле реликвией. Но могло случиться и наоборот: впоследствии кто-то из членов семьи снабдил могилу эпитафией, переписанной из широко известной баллады Паркера. На рисунке Джонстона рядом с надгробием можно разглядеть еще одну плиту меньших размеров — быть может, эпитафия была высечена на ней? В 1727 году текст надписи на могиле был приведен в анонимном сочинении «Надгробные надписи», но она была совсем другой: «Под этим маленьким камнем, похищенный смертью, лежит тот, кого знали под именем Робин Гуд — разбойник и меткий стрелок, который тринадцать лет и даже больше грабил богатых, чтобы кормить бедных. Так омойте его могилу слезами и помолитесь за его душу!» Еще один, уже четвертый, вариант текста переписал в свой дневник посетивший Кирклис-холл в 1856 году журналист Джон Своллоу: «Под этим камнем лежит Робин Гуд, умерший от потери крови. Маленький Джон, его друг, тоже ушел. Помни о них и жди той же участи!» Все остальные гости усадьбы — а их было немало — не упоминали загадочную эпитафию вовсе.

Около 1730 года могила подверглась реконструкции, о чем упомянул в своих заметках приходской священник Джозеф Исмей: «Надгробный памятник Робин Гуда возле Кирклиса был поставлен стоймя, чтобы уберечь его от грубых рук любопытных путников, которые часто отбивали кусочки этого камня, уничтожая его первоначальную красоту». «Путниками» были рабочие, мостившие дорогу; среди них распространилось поверье, что камень с могилы Робин Гуда, положенный под подушку, усмиряет зубную боль (интересно, что то же самое говорили о камнях Стоунхенджа). Возможно, те же рабочие разбили или повалили камень с эпитафией, о котором с тех пор долго никто не вспоминал. Поставленную вертикально плиту обнесли оградой, но это не спасло ее от вандалов. Стоит отметить, что к тому времени могила давно уже была пустой. Семейное предание гласит, что сэр Сэмюел еще в молодости, в 1706 году, из любопытства раскопал ее на глубину трех футов, но не нашел ни человеческих костей, ни остатков гроба.

Исмей, обучавший детей Армитеджа, часто посещал Кирклис-холл и видел там грубые деревянные статуи Робин Гуда, Маленького Джона, Уилла Скарлета и Мача. Он также приложил к своим записям рисунок надгробия, не слишком похожий на то, что изобразил Джонстон, — но Исмей честно признался, что рисовальщик он плохой. Почему-то любознательный священник ничего не пишет о надписи, и этому есть объяснения: уже в 1715 году живший близ Кирклиса Ричард Ричардсон писал своему другу, антиквару Ральфу Торсби: «Надпись на могиле Робин Гуда и раньше была едва видна, а теперь она совершенно исчезла, так что ни язык, ни смысл ее нельзя разобрать; вы можете увидеть только то, что написано на краю камня. Я слышал, как доктор Армитедж говорил, что там можно прочитать слова „*Hic jacet Robertus Hood, filius secundus Comitum de Huntingdon*“^[57], но, хотя он был достойным человеком, я не слишком верю этому его утверждению». В те же годы с памятником случилась еще одна интересная история: антиквар Томас Гент в своей книге по истории Йоркшира, изданной в 1730 году, писал, что «недавно» какой-то сквайр перевез надгробный камень Робин Гуда в свое поместье, но на следующий день камень вновь обнаружился на прежнем месте.

В 1746 году антиквар Роджер Додели воспроизвел в своей книге ту же эпитафию, но опять-таки на обычном языке, а в 1758 году гость усадьбы Джон Уотсон писал, что на надгробии с трудом можно разглядеть крест, но никаких надписей там нет. Это подтвердил в 1786 году еще один антиквар, Ричард Гоу. В своей книге «Надгробные монументы Великобритании» он лаконично сообщил: «Камень на могиле Робин Гуда в Кирклис-парке

представляет собой простую каменную плиту с шестиконечным крестом; плита разбита и надпись на ней нечитаема»^[58]. Он, однако, еще смог разглядеть имена похороненных — точнее, уцелевшую часть идущей по краю надписи: *Here lie Robard Hude, Willm Goldburgh, Thoms...* Гоу тоже зарисовал надгробие с тем же лотарингским крестом. Интересно, что еще в XVII веке такое же надгробие видели у колодца святой Анны в Шервудском лесу, который чаще называли колодцем Робин Гуда. Там же, в специальном домике, хранились такие «реликвии», как стул разбойника, его лук со стрелами, шапка и башмаки. Очевидно, уже в тот период Робин вызывал такой интерес англичан, что все места, связанные — по праву или нет — с его именем, становились объектом настоящего паломничества.

Среди посетителей могилы разбойника было немало ученых, но большую часть составляли люди простые и не слишком воспитанные, которые по-прежнему пытались отковырять от надгробия кусочек на память. К середине XIX века от камня мало что осталось, и около 1850 года сэр Джордж Армитедж окружил его стеной с высокой железной решеткой. Считается, что камень, лежащий внутри, представляет собой остаток надгробия, но есть и другая версия: настоящее надгробие выглядело так непрезентабельно, что его просто выбросили, а священник соседней деревни Хартсхед подобрал и отвез в свою церковь. Видимо, тогда же или немного позже в стену вделали плиту с «исторической» надписью. В своем нынешнем варианте она впервые упоминается в 1876 году, и не исключено, что ее списали с записи Гейла. Труднее объяснить постоянные изменения ее текста — может быть, те, кто воспроизводил ее в своих книгах и записках, сами переводили надпись, чтобы сделать ее понятной для потенциальных читателей?

Сегодня могила Робин Гуда расположена на краю парка, в километре к югу от надвратного дома и старого монастырского кладбища. То есть за пределами приорства, что противоречит балладе, утверждающей, что Робина похоронили внутри монастырских стен. Возможно, слово «внутри» (*within*) относилось не к самой обители, а ко всем ее владениям, в которые входил и парк. Оставшаяся от него зеленая полоса шириной полмили отделяет могилу от реки Колдер и дороги, на краю которой, по свидетельству Графтона, был похоронен Робин Гуд. Правда, краеведы утверждают, что до XVIII века дорога проходила восточнее и могила действительно находилась рядом с ней. Но это не большая дорога, а улица Уэйкфилд-роуд, бывший проселок, ведущий к Кирклис-холлу, и Робин никак не мог караулить там своих жертв. К тому же он вообще не разбойничал в тех краях, лежащих далеко от Барнсдейла и еще дальше от

Шервуда.

Быть может, захоронение с самого начала было фальшивкой? Но это маловероятно: высеченный на надгробии крест говорит о совершении христианского погребального обряда, который в средние века ни за что не стали бы проводить над пустой могилой. Есть вторая версия: на монастырском кладбище был похоронен совсем другой человек, но со временем его могилу по какой-то неведомой нам причине связали с Робин Гудом. И третья: атаман в самом деле погребен в Кирклисе, но еще до 1706 года его надгробие перенесли на другое место, и теперь останки покоятся в безымянной могиле. Возможно, вначале могила действительно находилась неподалеку от монастырского кладбища, как писал Кэмден, но в начале XVII столетия рачительные Армитеджи, распахавшие кладбище под огород, перенесли ее подальше в лес.

Путаница с могилами и надгробиями Робина давно уже питает воображение суеверных англичан с их любовью к привидениям. С Кирклисом связано немало мистических историй. Летом 1923 года фермер Джон Хилл, живший в том самом надвратном доме, где будто бы скончался Робин Гуд, возвращаясь вечером домой, увидел в окне второго этажа туманную фигуру человека, целящегося вдаль из лука. Правда, Джон возвращался из все того же паба «У трех монахинь» и был изрядно навеселе, как и многие наблюдатели английских привидений. Пьян был, по собственному признанию, и местный музыкант Роджер Уильямс, который в 1963 году в поисках вдохновения бродил хмурым осенним вечером вокруг могилы Робина. Внезапно он увидел выступившую из мрака фигуру женщины в черном старинном платье, которая не шла, а как будто плыла над землей. Музыканта поразили глаза женщины, которые светились недобрым, по его выражению, «адским» светом. Урок пошел не впрок: Уильямс еще не раз наведывался ночью на могилу и в 1972 году снова увидел таинственную даму, которая решительно направилась к нему, но в нескольких шагах вдруг растаяла в воздухе. В 1976 году Йоркские журналистки Джудит Бродбенд и Сью Эллис навестили могилу среди бела дня и совершенно трезвыми; внезапно неведомая сила бросила Джудит на землю, а Сью сковало странное оцепенение, которое не проходило целую неделю.

В 1984 году медсестра Барбара Грин, ухаживавшая за Джоном Армитеджем в конце его жизни, основала Йоркширское робингудовское общество с целью отнять у Ноттингемшира честь считаться родиной знаменитого разбойника — и, конечно, связанные с этим доходы. Сражаясь с леди Армитедж за право доступа к могиле, Барбара и ее соратники

одновременно занялись — естественно, в рекламных целях — фиксацией «сверхъестественных явлений», происходящих в окрестностях. Хозяйка имения не раз грозила членам общества полицией, из-за чего им приходилось совершать визиты к могиле главным образом ночью. Во время одного такого посещения, в апреле 1990 года, миссис Грин испытала «острое чувство страха» и увидела среди деревьев фигуру высокого рыжеволосого мужчины, а рядом — темный, предположительно женский силуэт. После этого у отважной охотницы за привидениями возникла идея, что на самом деле в могиле похоронен не Робин Гуд, а его убийца, приоресса Кирклиса, или ее любовник — Красный Роджер из Донкастера. Конечно же эти двое злодеев не могли обрести покой и после смерти, и много сотен лет спустя их призраки продолжали пугать людей.

Эта версия, оглашенная Барбарой Грин в ряде интервью, привлекла внимание главного английского борца с вампирами Шона Манчестера. Этот настоящий (правда, лишенный прихода) священник англиканской церкви и самозванный епископ еще в 1970-е годы прославился своей охотой на «хайгетских вампиров», якобы орудовавших на самом известном кладбище Лондона. Теперь он заявил, что вампирами могут оказаться как зловещая приоресса, так и сам Робин Гуд — ведь его могила находится на неосвященной земле, что, как известно, само по себе способно превратить обычного покойника в вампира. Полный решимости защитить мирных граждан, Манчестер совершил в том же 1990 году визит на могилу и отыскал в ее окрестностях несомненные признаки вампиризма. Среди них были оккультные символы, нацарапанные на надвратном доме, высохший и, очевидно, обескровленный труп козы в лесу и разрытая земля вокруг самой могилы. Вдобавок Манчестер слышал в лесу «пугающий вой», а один из его помощников увидел женщину в черном с горящими багровым огнем глазами.

В скором времени охотник на вампиров снова явился к могиле ночью, на этот раз в сопровождении журналистов, прихватив с собой заостренный кол и склянку со святой водой. О будущем действе было широко оповещено, но леди Армитедж почему-то решила не вмешиваться. Всю ночь Манчестер бродил вокруг под прицелом журналистских камер, но привидения, к разочарованию собравшихся, так и не появились. Напоследок священник обрызгал могилу святой водой и тщательно перекрестил ее, восклицая: «Изыди!» Впечатленная этой церемонией Барбара Грин объявила Манчестера патроном своего общества, но в 2001 году их союз распался из-за весьма банальной причины — дележа доходов. В пику священнику Барбара сделала новым патроном его главного

конкурента Дэвида Фарранта, который в 2005 году заново провел на могиле церемонию изгнания злых духов. После этого, по уверению миссис Грин, все сверхъестественные явления в округе разом прекратились.

Конечно, могила Робин Гуда привлекала внимание не только оккультистов, но и настоящих ученых. Правда, они не видели здесь какой-либо почвы для исследований — останков в могиле не было, а от надгробной плиты, как уже было сказано, почти ничего не осталось. Остается еще шанс выяснить что-то при раскопках на могиле и в ее окрестностях, но без разрешения землевладельцев такие раскопки провести не удастся. Остается на основании немногих известных источников гадать об обстоятельствах смерти Робина (точнее, его возможного прототипа) и возможной связи этого события с Кирклизом.

Особенно интересно установить, кого именно из приоресс монастыря легенда считает убийцей разбойника. Чаще всего обсуждается кандидатура Элизабет де Стэнтон — той самой, чья могила прежде находилась по соседству с могилой Робин Гуда. Вероятно, Элизабет управляла Кирклизом между 1330 и 1350 годами, уступив свое место Маргарет де Сэвилл; возможно, она умерла от «Черной смерти», опустошившей север Англии весной 1349-го. На могиле Элизабет, найденной при раскопках старого кладбища в 1706 году, нет никаких дат, и некоторые историки считают, что она жила значительно раньше, в XIII веке, и была первой настоятельницей монастыря. Однако этому противоречит ее надгробие, высеченное из камня в форме креста — такая мода существовала именно в XIV столетии. Не так давно на обороте монастырской хартии, датированной 1373 годом, обнаружилась надпись: «Молитесь за душу Элизабет де Стэнтон, бывшей приорессы Кирклиса». Это может означать, что настоятельница скончалась незадолго до того, позже, чем думали прежде. Но не исключено, что монахини молились о ней еще много лет после смерти — не потому ли, что считали ее убийцей?

«Манускрипт Слоуна» находит новый мотив для объяснения преступления настоятельницы — месть за обиды духовного сословия: «Изнуренный возрастом и болезнями, Робин чувствовал великую боль во всех членах, кровь его застоялась, и он решил облегчить боль кровопусканием, явившись для этого к приорессе Киркесли, которая, как говорят, была его теткой, искусной в медицине и врачевании. Она же, узнав в нем Робин Гуда и зная, сколько зла он принес духовным лицам, решила отомстить ему от лица своей обители и всех прочих и обескровила до смерти. Говорят также, что некий сэр Роджер Донкастер, затаив зло на Робина за некую обиду, уговорил приорессу, с которой был весьма близок,

отомстить ему таким образом»^[59].

Здесь главная вина возлагается на загадочного Красного (или Рыжего) Роджера, однако большинство источников винит в гибели народного героя именно приорессу. В одном из английских календарей за 1826 год была опубликована короткая баллада, будто бы извлеченная из старинного манускрипта^[60]. В ней настоятельница Кирклиса, изображенная совершенно демонически, убила Робин Гуда — ее брата и притом графа — не кровопусканием, а бокалом отравленного вина. В наказание за свое злодеяние она будто бы умерла в ту же ночь и была похоронена рядом с погубленным ею разбойником. В балладе говорится, что к надгробию Робин Гуда приходят толпы людей, оплакивая его, а могила его убийцы стоит заброшенная. Не намек ли это на могилу Элизабет де Стэнтон?

Йоркширские краеведы давно пытаются доказать родство Элизабет с одним из вероятных прообразов Робина — Робертом Гудом из Уэйкфилда (о нем в следующей главе). Местный историк Джон Уокер в 1944 году нашел в архиве сведения о том, что незадолго до 1347 года Элизабет и ее младшая сестра после смерти их отца Джона де Стэнтон были отправлены в монастырь Кирклис. Элизабет позже стала настоятельницей, а ее сестра Элис, по версии ученого, покинула монастырь, выйдя замуж, и стала матерью Роберта Гуда. Авторы этой версии забывают, что если она верна, то Элизабет де Стэнтон родилась около 1325 года, когда ее мнимый племянник был уже далеко не молод. Быть может, ее сестра была не матерью Робина, а его женой, той самой Матильдой-Мэриан? Но и та в 1316 году, когда ее имя упоминается в документах, была уже взрослой женщиной.

В этой связи снова возникает вопрос о возможной дате смерти Робин Гуда. Надгробная надпись, как уже говорилось, относит ее к «24 календам декабря», то есть 8 ноября 1247 года, хотя некоторые авторы ошибочно говорят о 18 ноября. Столь ранняя дата — следствие уверенности англичан в том, что Робин был современником Ричарда Львиное Сердце. В противовес этому ученые, считающие, что Робин жил во времена Эдуарда II, уверены, что дата на надгробии ошибочна: место 1247 года должен занимать 1347-й. Это совпадает с предполагаемой датой смерти Роберта Гуда, который покинул королевскую службу за 22 года до этой даты — ровно столько, по словам баллад, прожил после своей отставки Робин. Конечно, нынешняя эпитафия появилась не так давно, но до нее была другая, авторы которой могли знать о разбойнике нечто не известное нам. Об этом говорит наличие на памятнике имен Робин Гуда и других

погребенных. Может быть, там значилась и дата, которую при копировании в XIX веке исказили, поверив Вальтеру Скотту?

О том, кем были упомянутые в этой надписи Уильям из Голдборо и Томас, остается только догадываться. В средние века, как и сегодня, в одной могиле хоронили людей, связанных родством или умерших вместе и, как правило, скоропостижно. В нашем случае вероятнее второе, поскольку идущая по краю надпись с перечислением имен погребенных явно была сделана одновременно с надгробием и впоследствии не менялась. Графтон видел ее уже в 1560-е годы, что само по себе доказывает подлинность памятника: если в столь давнее время кто-то захотел бы фальсифицировать могилу знаменитого разбойника, он не стал бы наносить на нее имена никому не известных людей. К тому же в те годы Кирклис только что перешел в руки семейства Армитедж, и у него были дела поважнее, чем обустривать фиктивное захоронение. Складывается впечатление, что могила существовала еще до начала XVI века, и уже тогда считалось, что в ней похоронен Робин Гуд. Но то, кто на самом деле был погребен под надгробием с лотарингским крестом, остается загадкой.

Еще одна загадка — личность сообщника приорессы Красного Роджера. Донкастер, уроженцем которого он назван, находится в том же графстве Сауз-Йоркшир, неподалеку от Кирклиса. В документах встречается имя Роджера из Донкастера, который с 1301 года занимал должность капеллана нескольких городков в Йоркшире и Ноттингемшире. При этом, что интересно, он был оштрафован за прелюбодеяние с женой некоего рыцаря, а позже заключен в тюрьму за браконьерство в Шервудском лесу. В 1333 году он владел имением в Уэйкфилде, по соседству с Робертом Гудом. К моменту предполагаемой смерти Робин Гуда Роджеру должно было быть около семидесяти — многовато для пылкого любовника и коварного убийцы. Но его имя появилось в балладе явно не случайно: ведь Красный Роджер тоже был женолюбом, авантюристом и при этом духовным лицом, иначе приоресса вряд ли решилась бы принимать его у себя после недавнего скандала. Остается предположить, что его столкновение с Робин Гудом совершилось при других обстоятельствах или что разбойник — точнее, его исторический прототип — умер задолго до 1347 года.

Как бы то ни было, упоминание Роджера из Донкастера укрепляет позиции сторонников «йоркширского» Робин Гуда. В балладах и других текстах фигурирует только одно географическое название из Ноттингемшира — сам город Ноттингем, — зато в Йоркшире таких названий множество. Самое древнее из них впервые упоминается в 1422

году — это «камень Робин Гуда» на опушке леса Барнсдейл. В Ноттингемшире первые «робиновские» топонимы зафиксированы позже — в 1475 году (хотя это не значит, что их не существовало прежде). Почему же место действия легенды о Робин Гуде до сих пор «официально» не перенесено из Шервуда в Барнсдейл? Барбара Грин на полном серьезе уверяет, что этому препятствует британская разведка МИ-6 с подачи ноттингемских богачей, не желающих лишаться многомиллионных доходов от туризма. На самом деле все куда сложнее. Претензии йоркширцев, безусловно, весомее, но и у ноттингемцев хватает резонов приписать прославленного разбойника себе. Главная из них — то, что во всех балладах Робину противостоит шериф Ноттингема, а не Йорка, а в самой ранней из них, «Робин Гуд и монах», действие происходит не в Барнсдейле, а именно в Шервуде. К тому же Шервудский лес считался королевским, а его соперник — нет, так что Робин, охотясь там, не нарушал никаких законов.

Другие основания, по крайней мере топонимические, достаточно призрачны. Большинство «робингудовских» названий Ноттингемшира явно вторичны по отношению к балладам. Знаменитый дуб Робина в Шервудском лесу, которому местные патриоты упорно стараются приписать тысячелетний возраст, на самом деле не старше шестисот лет; он вырос, когда легенды о благородном разбойнике уже всюду гуляли по стране. В Йоркшире всё куда логичнее: недалеко от леса Барнсдейл находятся и Локсли, и Кирклис, и аббатство брата Тука, и Уэйкфилд, где жил Роберт Гуд. Чуть подалее на запад — Хэзерсейдж, где похоронен Маленький Джон, и Гисборн, откуда, возможно, происходил зловец сэр Гай. Рядом с Хэзерсейджем еще в XIV веке существовал «крест Робина» — поклонный крест у дороги, ныне исчезнувший.

Великая северная дорога (сегодня шоссе A1), по которой с юга на север Англии с римских времен следовали большинство путешественников и грузов, тоже проходила через Барнсдейл; через Шервуд шло только ее ответвление. Правда, упомянутая в «Малой жесте» дорога Уотлинг-стрит, на которую будто бы выходили разбойники, находилась на юге Англии — она вела из Кента в Честер. Зато названный там же Сэйлис — автор со знанием дела сообщает, что там хорошо устраивать засады, — расположен именно в Барнсдейле; сейчас это поле Сэйлс рядом с городком Уэнтбридж и старинным «колодцем Робин Гуда». Кстати, из 140 «робиновских» топонимов Англии и Шотландии в Йоркшире (сегодня это три графства — Западный, Северный и Южный Йоркшир) расположено почти 70, а в Ноттингемшире — всего 35.

Историк Стивен Найт попытался снять противоречие, обнаружив в 20 километрах к югу от Ноттингема еще один Барнсдейл — небольшой лес близ городка Ратленд. Он, в отличие от своего йоркширского тезки, с давних пор принадлежал короне и вдобавок располагался прямо на Великой северной дороге, поэтому разбойников здесь всегда хватало. Ученый отметил, что рядом с этим лесом находятся «пещера Робин Гуда» и «поле Робин Гуда», известное также как Уитвелл. Жители Ратленда приняли открытие с энтузиазмом, но им быстро напомнили, что в балладах не упоминаются ни их городок, ни другие топонимы юга Ноттингемшира. К тому же есть и другие претенденты — например, лес Инглвуд в Камберленде, куда Робина поместил шотландец Андру из Уинтона. Недалеко от него, в Ланкашире, находится небольшой лес Пламптон-парк, о котором разбойник вспоминает как о любимом месте охоты в балладе «Рыбалка Робин Гуда».

Жители Донкастера, «съевшего» большую часть Барнсдейлского леса, уверены, что Робин Гуд жил именно в их краях. Свой козырь есть и у уроженцев Шеффилда — на его окраине стоит городок Локсли, где разбойник будто бы появился на свет, да и Барнсдейл находится совсем недалеко. В 2009 году родилась очередная сенсация — археологи из местного университета раскопали недалеко от города руины дворца англосаксонского графа Мерсии Вальтеофа, казненного нормандцами в 1076 году. Газетчики, почему-то решившие, что то ли сам граф, то ли его сын были прототипами знаменитого разбойника, тут же объявили дворец «родным домом Робин Гуда».

Однако Ноттингем пока лидирует в соревновании, во многом благодаря развитой туристической индустрии. Ежегодно десятки тысяч англичан и иностранцев приезжают сюда, чтобы посетить замок, от которого после революции XVII века остались только несколько тщательно восстановленных башен. Скала под замком, как и все «подножие» города, изрыта сотнями природных и искусственных пещер — местные историки уверяют, что через них люди Робин Гуда проникали в город. У подножия скалы до сих пор стоит старейшая в Британии таверна «Паломничество в Иерусалим», основанная в 1184 году; естественно, ее владелец уверяет, что Робин не раз сживал тут. Неподалеку, на улочке, названной в честь девы Мэриан, работает музей Робин Гуда, где можно заказать экскурсию по местам боевой славы разбойника — а именно в Шервудский лес, к знаменитому Большому дубу. Конечно, ноттингемцы гордятся своим славным земляком, хотя не всем нравится прославление разбойника. В 1988 году городской совет обнаружил доклад, в котором утверждалось, что

благородство Робина — миф и он вовсе не раздавал награбленные деньги бедным. Правда, отцы города так и не отважились объявить мифом самого Робина, который уже давно стал таким же национальным символом, как Биг-Бен и королева Елизавета.

В последние десятилетия в спор за Робина вступил еще один лес — Пик-Форест в графстве Дербишир к западу от Ноттингемшира. Этот лес в предгорьях Пеннинских гор был чрезвычайно богат дичью — случалось, тысячные стада оленей затаптывали охотников насмерть. Со времен Вильгельма Завоевателя он, в отличие от Барнсдейла, считался королевским и вплоть до XV века подчинялся шерифу Ноттингема. Рядом с ним находятся и Локсли, и Хэзерсейдж, и замок Певерил, который возвел Уильям Певерил — незаконный сын Вильгельма Завоевателя, построивший также Ноттингемский замок и управлявший в качестве шерифа как Шервудом, так и Пиком. Пик-Форест, превращенный сегодня в национальный парк Пик-Дистрикт («Скалистый край»), также нуждается в притоке туристов, поэтому его администрация активно способствует деятельности краеведов, ищущих следы пребывания здесь Робин Гуда. На сегодняшний день в Дербишире выявлено уже 12 робиновских топонимов.

При этом немало мест, связанных с именем Робин Гуда, находится за пределами всех трех лесов. Самое старое из них упомянуто в 1319 году — это «холм Гуда» (*Hood Hill*) в Килберне, на севере Йоркшира. Правда, по мнению ученых, его название происходит скорее от имени уже упомянутого слепого скандинавского бога Хода или Года, но с годами его стали связывать именно с Робин Гудом. Неподалеку располагается «бухта Робин Гуда» (*Robin Hood's Bay*) с городком Бейтаун; считается, что здесь Робин высадился после своего сражения с французскими пиратами в балладе «Добыча Робин Гуда». Отплыл он из соседнего порта Скарборо, рядом с которым находится еще один любопытный «робиновский» топоним — камни, названные в честь Робин Гуда и Маленького Джона и, по преданию, отмечающие место, куда долетели стрелы двух героев, выпущенные с крыши городского собора.

Для полноты картины следует сказать, что «могил» Робин Гуда тоже существует не одна, а целых четыре. Вторая из них после кирклисской — грот природного происхождения близ Мэнсфилда в Ноттингемшире. Третья — небольшой каменный курган в северном графстве Уэстморленд. Четвертая обрела известность достаточно недавно; она находится на кладбище городка Локсли, но не того, что в Сауз-Йоркшире, а его «близнеца» в Уорикшире, в трех милях от шекспировского Стратфорда. В XVIII веке краевед Джон Планше предположил, что Робин Гуд родился

именно там, следуя теории Т. Стакли о тождестве Робина с нормандским бароном Робертом Фиц-Узом (об этой теории будет рассказано дальше). Версия Планше была раскритикована — ни одна легенда не связывает разбойника с этими местами, да и обширных лесов, где он мог бы орудовать, здесь нет и не было. Однако к ней пришлось вернуться, когда на местном кладбище в 1954 году была найдена надгробная плита, как две капли воды похожая на надгробие Робин Гуда, зарисованное Н. Джонстоном. Столь точное совпадение маловероятно, остается одно: некий сторонник теории Планше изготовил по рисунку Джонстона копию надгробия и установил ее на кладбище в доказательство того, что Робин жил именно здесь. Всем, кому знакомы пылкий местный патриотизм англичан и их любовь к всевозможным розыгрышам и мистификациям, это не покажется невозможным.

Между тем могила в Кирклисе продолжает привлекать к себе внимание. Искатели сенсаций убеждают публику, что там погребен «настоящий» Робин Гуд, и требуют разрешить туда доступ туристов. Наследники леди Армитедж пока хранят молчание, а городские власти Ноттингема торопятся ответить на происки конкурентов — например, организуют изучение разветвленной сети пещер под скалой, над которой стоит шерифский замок, в надежде отыскать артефакты времен Робин Гуда. Без сомнения, они отыщутся — несмотря на несколько веков раскопок, земля Англии по-прежнему богата памятниками старины. Но к вопросу об историчности Робина это мало что прибавляет; знаменитый разбойник ускользает от исследователей так же ловко, как некогда от стражников шерифа.

Глава четвертая

ДЮЖИНА РОБИН ГУДОВ

Мы видим, что даже такое, казалось бы, бесспорное доказательство, как могила с надгробием, не вносит ясности в историю знаменитого разбойника, а лишь еще больше запутывает ее. Может быть, установить истину помогут исторические документы? В богатейших коллекциях британских архивов сохранились имена едва ли не всех людей, живших в стране за последнюю тысячу лет. Нет ничего удивительного в том, что там появляется и Робин или Роберт Гуд.

Фамилия *Hood*, как и фамилии вообще, начала распространяться среди незнатных англичан в XII столетии. И сразу же появились первые Робин Гуды. Один из них, слуга аббата Сайренчестера Роберт Гуд, в 1216 году был объявлен вне закона за то, что убил в саду своего хозяина некоего Ральфа — очевидно, коллегу по службе. Убийце вместе с двумя сообщниками удалось бежать, и его искали до 1221 года; что случилось с ним дальше, неизвестно. Не знаем мы и того, чем является в данном случае *Hode* — прозвищем нарушителя закона или его настоящей фамилией, полученной от предков.

Немногим позже другой Робин Гуд был упомянут в «трубках» (*pipe rolls*), как назывались документы британского казначейства о сборе налогов и всяческих пошлин, тесно скрученные для удобства хранения. В йоркширских «трубках» за 1225 год шериф Йорка Юстас из Лоудема сообщал о продаже имущества объявленного вне закона Роберта Года или Хоббеода. Вырученные за это 32 шиллинга и шесть пенсов были отданы Йоркскому монастырю Святого Петра — очевидно, Роберт задолжал ему или нанес какой-то иной ущерб. В этом же году шериф объявил в розыск разбойника Роберта Уэзерби — возможно, того же Года. В 1226 году Роберт был пойман и повешен — документы сообщают, что на цепь для него власти потратили два шиллинга. Повешение на цепи означало, что казненный должен висеть до тех пор, пока не обратится в прах — очевидно, Роберт не просто влез в долги, но совершил и другие, весьма серьезные преступления.

Но, возможно, Год и Уэзерби все же были разными людьми. Историк Джеймс Холт обратил внимание на то, что записи о Роберте Гode появлялись в «трубках» вплоть до 1234 года: быть может, он не был казнен,

а скрылся в лесу? Тогда в Йоркшире несколько лет подряд происходили бунты против заезжих торговцев, которые сбивали цены на зерно — мятежных крестьян возглавлял дворянин, сэр Роберт Твинг, еще один, хоть и крайне призрачный претендент на роль «исторического» Робина. Участие в этих беспорядках теоретически могло стать поводом для преследования Года, хотя никаких доказательств, как водится, нет. Зато известно, что прозвище «Робин Гуд» уже тогда по всей стране применялось к тем, кто конфликтовал с законом. В северном графстве Дарем в 1244 году еще один Роберт Гуд пустился в бега, не сумев вернуть долг своему соседу Уильяму Клэкстону, за что его имущество было продано с торгов. Следующий Робин появился в 1261 году в другом районе Англии, в графстве Беркшир на берегах Темзы. Там власти конфисковали собственность объявленного вне закона служителя монастыря Сэндфорд Уильяма Лефевра (по-французски «кузнец», что соответствует английскому Смит — напомним, что языком официальных документов тогда еще оставался французский). Год спустя тот же человек был занесен в ведомость казначейства уже как «беглец Уильям Робгод».

Еще одна хронологическая метка — термин *outlaw* в отношении человека, поставленного вне закона, стал широко использоваться именно во второй половине XIII столетия (до этого употреблялись слова *robber* и *thief*). Как уже говорилось, речь шла не только о разбойниках — немалую часть беглецов от закона составляли неплательщики долга, а также крестьяне, не могущие или нежелающие выполнять заметно умножившиеся в этот период феодальные повинности. Ряды изгнанников пополняли участники многочисленных мятежей и младшие сыновья землевладельцев, оставленные без наследства. Лишившись средств к существованию, они также были вынуждены добывать пропитание разбоем или охотой в королевских лесах. Прототипы Робин Гуда могли вступить в конфликт с законом по любой из этих причин, причем легенда запечатлела все из них — лишение наследства, неуплату долга, браконьерство, разбой и мятеж.

Тогда же, в XIII веке, рост торговли и связанных с ней передвижений по стране спровоцировал увеличение числа разбойных нападений. Нередко они случались даже в самом Лондоне, а уж за пределы столицы состоятельные путники и вовсе не выбирались без вооруженной охраны. На дороге из Лондона в Винчестер был печально знаменит Элтонский проход, где нападения совершались едва ли не каждый день. Ленгленд, неизменный комментатор той эпохи, шутил, что честная Бедность может бесстрашно пройти даже через Элтон. Чем дальше к северу, тем

разбойничьи шайки становились многочисленнее и многолюднее. Северян вообще считали людьми грубыми и суровыми, и северных разбойников боялись до дрожи. Въезжая в лес вроде Шервудского, путешественники переодевались в платье победнее и тщательно прятали всю наличность, но и это, как следует из баллад, не помогало — опытные грабители хорошо знали все уловки их жертв. При этом душегубства было мало — разбойники убивали только тех, кто им сопротивлялся, а также ненавистных им судейских и чиновников. Если шайки возглавлялись такими «джентльменами», как Коттерелы или Фолвиллы, они обращались со своими пленниками, особенно женщинами, вполне гуманно, так что Робин Гуд не был здесь исключением.

В 1285 году потерявший терпение король Эдуард I издал Вестминстерский статут, по которому жители места, где было совершено преступление, обязывались или поймать разбойников, или возместить причиненный ими ущерб. Предусматривались и другие меры: «Чтобы большие проезжие дороги, ведущие от одного рыночного местечка к другому, были бы расширены в тех местах, где имеются лес, кусты или канавы, так, чтобы там на расстоянии двухсот футов по обе стороны от дороги больше не было канав, подлеска или кустов, в которых мог бы спрятаться близ дороги какой-либо человек, замышляющий преступление»^[61]. Всем свободным людям предписывалось иметь дома оружие для защиты от преступников, а городским властям — запираить на ночь ворота и выгонять из города всех чужаков, не нашедших приюта в домах уважаемых граждан. Эти меры позволили ввести преступность в рамки, но при новом ослаблении власти, как мы уже видели, она тут же разгулялась с новой силой.

Уже в середине XIII века понятия «разбойник» и «Робин Гуд» окончательно стали взаимозаменяемыми. Это прозвище присваивалось всякому, кто скрывался от закона в лесу (*wood*) или под маской-капюшоном (*hood*). Сыграла свою роль и схожесть слова *robber*, «грабитель», и имени Роберт, которое коренные англичане тогда еще считали чужим, французским. Сохранилась шутивная песенка того времени об именах, где говорилось, что имя Роберт лучше всего подходит для разбойника. Похоже, именно тогда шаловливый лесной дух, которого англичане прежде знали как Года, получил новое имя — Робин Добрый малый. А людей, которые, подобно ему, скрывались в лесу и творили с ближними не вполне безобидные «шутки», стали называть Робин Гудами. Можно вспомнить, что на Руси о разбойниках тоже нередко говорили — «шалют» или «озоруют». Общее прозвище обеспечивало анонимность разбойничьих атаманов не

хуже маски, скрывающей их лицо.

Этот вывод ставит под сомнение саму идею поисков «исторического» Робин Гуда. О какой историчности может идти речь, если с самого начала имя нашего героя принадлежало не человеку, а лесному богу, духу, призраку? Однако, располагая достаточно полной биографией знаменитого разбойника, ученые могут и должны искать того, кто наилучшим образом вписывается в нее — не «первого» из Робин Гудов, а «самого подходящего». Того, кто жил на севере Англии, в Шервуде или Барнсдейле, возглавлял отряд разбойников, метко стрелял из лука, враждовал с шерифом Ноттингемским и водил знакомство с королем.

Конечно, это не могли быть мелкие воришки, бежавшие от закона в одном и том же 1272 году, но в разных графствах — Хэмпшире (Джон Рабенгод) и Эссексе (Александр Робгод). Впрочем, с прозвищем все не так однозначно. Его носили и вполне законопослушные люди — к примеру, Кэтрин Робингуд, владевшая около 1325 года таверной в Лондоне. Неужели почтенная трактирщица по ночам выходила на улицу грабить прохожих? Эта загадка решается легко: Кэтрин была дочерью Роберта или Робина Гуда, что в данном случае было не кличкой разбойника, а обычными именем и фамилией. По тогдашним языковым нормам детей Роберта Гуда могли звать «фиц Робин» или «фиц Робингуд». Еще один Робингуд, Гилберт, служил в 1296 году у графа Сассекса и тоже не замечен ни в каких преступлениях.

Первым серьезным претендентом на звание «исторического» Робина считается Роджер Годберд. Этот рыцарь англосаксонского происхождения в 1264 году служил графу Лестерскому Симону де Монфору и вместе с ним восстал против короля Генриха III. В августе 1265 года близ Ившема в графстве Вустершир мятежники вступили в решающее сражение с королевскими войсками, которыми командовал принц Эдвард, будущий Эдуард I. Симон де Монфор был разбит и погиб, а его бежавшие сторонники, включая Годберда, объявлены вне закона. Еще два года они продолжали партизанскую войну на севере Англии, пока не заключили мир с королем Генрихом в замке Кенилворт. Однако упрямый Годберд и после этого не сдался: с отрядом из ста человек он в октябре 1267 года укрылся в Шервудском лесу и долго жил там, занимаясь не только нападениями на королевских чиновников, но и обычным грабежом.

Роджер Годберд, чья старинная фамилия означает «прославленный Богом», родился не позже 1220 года, поскольку в 1258-м у него уже была взрослая дочь. С юности он отличался неуживчивым характером, враждуя вначале с отчимом, лишившим его наследства, а потом, когда наследство

все-таки было получено, — с соседями-помещиками. За долги ему пришлось отдать аббатству Гарендон часть имения, но позже, став помощником могущественного де Монфора, он явился в монастырь с вооруженным отрядом, отнял у аббата документы о дарении и тут же разорвал их. Много лет он служил в различных королевских замках, включая Ноттингем, хорошо знал город и окружавшие его леса и после подавления мятежа предпочел укрыться именно там, а не в родном Лестершире, где у него было слишком много врагов. Похоже, власть считала Годберда опасным противником — король Генрих III дважды предлагал ему полную амнистию в обмен на выход из леса, но рыцарь упорствовал.

В 1271 году неуловимого партизана заманили в ловушку в аббатстве Рафффорд и отвезли в тюрьму Ноттингемского замка, но один из служителей шерифа, рыцарь Ричард Фолиот, освободил Роджера и его товарищей из темницы и спрятал их в своем замке Фенвик в Барнсдейлском лесу. Шериф (им был тогда Реджинальд де Грей, когда-то служивший вместе с Годбердом в Ноттингеме) отправил против Ричарда военный отряд, взял штурмом замок и бросил его хозяина в темницу, но неуловимый Роджер снова сумел бежать. В конце концов его все же схватили и заключили в Тауэр, где он просидел три года, но в 1275 году принц Эдвард, став королем, помиловал его и отпустил домой. После этого Годберд, уже немолодой, мирно жил в своем лестерширском имении Суонингтон до самой смерти, случившейся где-то около 1290 года. В 1287 году его привлекли к суду по обвинению в браконьерстве вместе с Реджинальдом де Греем — «лесной закон» не имел срока давности, и обвинение относилось к тем временам, когда старые враги еще были друзьями и развлекались охотой на королевских оленей в Шервудском лесу.

Многое в истории Роджера Годберда напоминает приключения Робин Гуда — и противостояние с шерифом, и нелюбовь к церковникам, и дружба с рыцарем Ричардом (в балладах не Фолиотом, а Ли), и разбойничья жизнь в Шервуде. Однако нет никаких сведений, что Роджера когда-либо называли Робин Гудом — впрочем, эти сведения могли просто не сохраниться. Он умер своей смертью в Лестершире и никак не мог скончаться от ран в Кирклисе. И самое главное — Роджер Годберд жил до появления в Англии длинного лука и вряд ли умел стрелять из него. Тем не менее время от времени появляются желающие объявить его «подлинным» Робинотом^[62]. Почва для этого есть: неукротимый мятежник наверняка поучаствовал в складывании легенды о Робин Гуде или, во всяком случае, ее «ноттингемской» версии. Следует отметить, что два века спустя хронист

Уолтер Боуэр связал деятельность Робина именно с восстанием Симона де Монфора.

Как уже говорилось, главные прототипы Робин Гуда выходили на историческую арену в периоды смут и гражданских войн, когда ослабление королевской власти развязывало руки как обычным разбойникам, так и властолюбивым авантюристам. Первым таким периодом было правление Иоанна Безземельного, вторым — годы мятежа Монфора. Третьим стали последние годы правления Эдуарда II. Наследник сурового Эдуарда I искренне стремился быть хорошим королем, но его излишнее доверие к алчным и недобросовестным фаворитам подорвало престиж власти. Грозным сигналом этого стал уже упомянутый мятеж Томаса Ланкастерского, собравшего из северных дворян и йоменов целую армию для похода на Лондон. В тот раз свержение короля предотвратило только мужество опытного командующего шотландской армией Ричарда Харклея, разбившего мятежников при Бороубридже в марте 1322 года. После казни Ланкастера его сторонников объявили вне закона, и они разбежались по лесам и пустошам, спасая свою жизнь. Охотой за ними руководил шериф Ноттингемский Генри де Фокомбер, назначенный временно также шерифом Йоркшира.

К этим беглецам, возможно, принадлежал и дворянин Роберт Гуд, о существовании которого узнал в 1835 году историк Джозеф Хантер (1783–1861), разбирая архив судебных дел города Уэйкфилда. Там он нашел имена Роберта Гуда и его жены Матильды, которые в 1316 году владели в городе участком земли и домом. Отец Роберта Адам Гуд получил землю от владельца Уэйкфилдского манора Джона де Варенна, графа Суррея, у которого он служил лесничим. Уэйкфилд, расположенный к западу от Барнсдейла, упоминается в балладе «Робин Гуд и веселый гуртовщик» — в этом городке жил ее персонаж Джордж-э-Грин, побивший Робина в честном поединке. Здесь же, как уже говорилось, между 1318 и 1323 годами орудовал разбойник по кличке Маленький Джон. Уроженец Шеффилда Хантер давно увлекался историей своего края и одним из первых предложил перенести «прописку» легендарного разбойника из Шервуда в Барнсдейл. При этом он выступал против отождествления Робина с «гоблином или мифическим героем», считая его вполне реальным историческим персонажем. Поэтому, увидев в лондонском Национальном архиве, помощником хранителя которого он был, старинные документы с именем Роберта Гуда, Хантер сразу заинтересовался ими.

В 1852 году историк изложил результаты своих изысканий в альманахе «Критические и исторические изыскания». По его мнению, Роберт Гуд

участвовал в восстании графа Ланкастера. Как и его отец, он был лесничим, и после поражения мятежников для него было вполне естественно укрыться в Барнсдейле. В Папльвикской церкви посреди Шервудского леса — той самой, где будто бы состоялась свадьба Алана-э-Дейла, — сохранилась могила лесничего XIV века. Его резное изображение показывает, что лесники той эпохи были как две капли воды похожи на Робин Гуда — носили с собой лук со стрелами и сигнальный рог, а для защиты от непогоды надевали плащ с капюшоном (*hood*). Каждый лесник мог проводить в лесной чаще целые недели, захватив с собой котомку, в которой лежали нож, деревянная чашка, тряпица с солью и свернутое одеяло. Всем остальным их снабжал лес.

Привыкнув к такой жизни, Роберт Гуд вполне мог проводить в своем убежище большую часть года, кроме зимы: когда дороги заметало снегом, а королевские стражники не высовывали нос из-за стен замков, изгнанник мог без опаски возвращаться домой к своей Матильде. Без сомнения, он жил в лесу не один: и на войну, и в изгнание с ним могли отправиться родственники и слуги, а позже к этому маленькому отряду прибились другие беглецы от закона, которых хватало в это беспокойное время. Как и «удальцы» Робин Гуда, люди Роберта досаждали королю не только тем, что грабили его чиновников, но и тем, что охотились на оленей. Хотя, как уже говорилось, Барнсдейл, в отличие от Шервуда, не являлся королевским лесом, олени принадлежали графу Суррею — союзнику Эдуарда и врагу Роберта.

Лесная жизнь Роберта Гуда, как предполагал Хантер, продолжалась не очень долго. Весной 1323 года король отправился в длительное путешествие на север Англии, пытаясь примириться со своими мятежными подданными. Проехав через Ланкашир и Йоркшир, он 9 ноября прибыл в Ноттингем, где призвал к себе всех объявленных вне закона сторонников Ланкастера, обещая им прощение. Беглецы, как отмечено в документах, являлись к нему чуть ли не каждый день; возможно, они встречались с королем и во время его охоты в Шервудском лесу. 23 ноября Эдуард покинул город, увозя с собой — что важно — некоторых помилованных мятежников. Отправившись в Дербишир, он встретил Рождество в замке Кенилворт, принадлежавшем казненному Ланкастеру, а потом отправился в Лондон, куда прибыл в начале января.

Возможно, среди беглецов, принявших амнистию и поступивших на королевскую службу, был и Роберт Гуд. Джозеф Хантер отыскал в Национальном архиве документы о том, что с апреля по ноябрь 1324 года некий Робин Год (*Robyn Hod*) служил в королевском дворце, выполняя

вместе с двадцатью семью другими людьми обязанности *valet porteur de la chambre*, то есть лакея-смотрителя королевских покоев. Стоит отметить, что эту должность при дворе занимали не простые слуги, а выходцы из почтенных семей, хоть и не носившие, как правило, рыцарского титула, — как раз таким был Роберт Гуд из Уэйкфилда. Согласно документам в последний раз он получил жалованье 22 ноября 1324 года. В соответствующем документе говорится: «Выплатить Робину Году, в прошлом одному из слуг, пять шиллингов в дар, поскольку он не может больше работать»^[63].

Джозеф Хантер предположил, что этот Робин и был Робертом Гудом, поступившим после амнистии на королевскую службу. Согласно «Малой жесте», после пятнадцати месяцев, проведенных при дворе, разбойник заскучал и запросился обратно в «зеленый лес». Может, это случилось и со сквайром из Уэйкфилда? Тогда отведенные ему балладой 22 года жизни закончились в 1347 году — этот год, если предположить ошибку копирования, значится и на надгробии Робин Гуда в Кирклисе. Кстати, бывший монастырь находится всего в нескольких милях от Уэйкфилда, а его приоресса Элизабет де Стэнтон, как уже говорилось, возможно, была сестрой жены Робина Матильды. Всё это заставило ученых в течение нескольких десятилетий считать Роберта Гуда идеальным кандидатом на роль «исторического» Робина.

Тему развил йоркширский краевед Джон Уокер, который в 1944 году отыскал в архивах новые сведения о семействе Гудов, владевшем поместьем в Уэйкфилде^[64]. Еще в 1202 году по соседству с этим городом жил некий Джон Гуд с женой Рагнильдой — возможно, они были предками Адама Гуда, ставшего около 1265 года лесничим Барнсдейлского леса. Какое-то время спустя (вероятно, около 1280 года) у Адама родился сын Роберт. В 1316 году у Роберта уже были жена Матильда и дети; по причине расширения семьи он купил у графа Суррея за два шиллинга участок земли на рыночной площади Бикхилл для строительства нового дома. Тогда же его оштрафовали на три серебряных пенни за неявку на войну с шотландцами. Похоже, этот штраф, несмотря на его незначительность, поссорил самолюбивого Роберта не только с графом, но и с королем. В 1321 году Гуда не оказалось среди городских землевладельцев — скорее всего, он вступил в армию графа Ланкастера, которая в то время формировалась именно в Уэйкфилде. В начале следующего года уэйкфилдские лучники, мобилизованные стюардом графа Саймоном де Болдерстоном, приняли участие в злополучной битве при Бороубридже —

возможно, среди них был и Роберт Гуд. Кстати, в этом сражении лучники Ланкастера были одеты в кафтаны из «линкольнской зелени» — тогда эта униформа появилась в Англии в первый раз. После разгрома мятежа дом Гуда на Бикхилле был конфискован вместе с собственностью других сторонников Ланкастера, а его владелец надолго исчез из документов.

Открытие Уокера укрепило убежденность тех, кто считал Роберта Гуда «настоящим» Робинем. Однако у скептиков были свои аргументы, которые обобщил Джеймс Холт в книге 1982 года. Он указал, что Роберта нет в списке шестидесяти жителей Уэйкфилда, объявленных вне закона после мятежа Ланкастера, и мы не знаем, участвовал ли он вообще в этом восстании. Ни один документ не доказывает тождество йоркширского помещика и королевского слуги. Упоминание о том, что Робин «не может работать», скорее говорит о его старости или болезни, а Роберту Гуду в то время было не больше сорока пяти лет. Конечно, в то время человека могли считать пожилым и в этом возрасте, к тому же старые раны или, к примеру, вызванный лесными ночевками ревматизм могли сделать его недееспособным. К тому же отставка Года-Гуда могла быть и добровольной, как об этом говорят баллады, а неспособность работать — удобным предлогом.

В 1985 году Джеймс Холт нанес защитникам тождества Роберта и Робина еще более серьезный удар. Он отыскал в тех же архивах дворцового ведомства почти выцветшую (ее удалось прочесть только в ультрафиолетовых лучах) запись, согласно которой Робин Год служил при дворе уже в июле 1323 года, когда Роберт, по мнению Дж. Хантера, еще партизанил в Барнсдейле. Правда, и этому нашлось объяснение — Эдуард II приезжал в Ноттингем еще в марте 1323-го, но совсем ненадолго. Теоретически он мог уже тогда встретиться с Робертом Гудом и простить его, но тогда разбойничья карьера сквайра продолжалась меньше года — маловато для того, чтобы войти в легенду.

Еще одно несоответствие заключается в том, что Роберт Гуд бежал в лес уже сорокалетним, а не юным, как его фольклорный «тезка». Правда, он, как сын лесничего, наверняка с юности чувствовал себя уверенно в лесной чащобе. В этой связи можно вспомнить балладу «О рождении Робин Гуда», рисующую отца героя охотником и отличным стрелком. Хотя эта поздняя баллада выходит за рамки фольклорной традиции, она может хранить какие-то крупницы исторических сведений — например, в ней говорится, что мать Робина происходила из рода Гамвеллов. Мы не знаем, как звали жену лесничего Адама Гуда, зато можем считать, что «Гуд» — его родовая фамилия, переданная сыну. И это является главным препятствием

на пути отождествления уэйкфилдского сквайра с шервудским разбойником: последний, как и все его «коллеги», не носил древнее прозвище «Гуд» изначально, а обрел его, вступив в конфликт с законом.

Конечно, Роберт Гуд мог повлиять на формирование робингудовской легенды, но доказать это невозможно, пока мы не знаем, действительно ли он стал разбойником и как протекала его жизнь после 1323 года, когда его объявили вне закона. В 1335 году его имя снова появилось в судебных документах — его вызвали в суд Уэйкфилда за «неподчинение владельцу манора», но чем кончилось дело, мы не знаем. В 1357 году документы упоминают «дом на Бикхилле, прежде принадлежавший Роберту Гуду». Если бы дом был опять конфискован, то в бумагах упоминались бы его новые владельцы. Вероятнее другое: дом в то время принадлежал наследникам Гуда, который был уже мертв. Вполне возможно, он, как и многие англичане, стал жертвой «Черной смерти» в 1349 году, когда ему было уже за шестьдесят. Но где он был и чем занимался в промежутке между возвращением из леса и смертью?

Ответ могут дать документы того же Национального архива, сообщающие о том, что недалеко от Уэйкфилда, в селении Ньютон, в те годы проживал еще один землевладелец по имени Роберт Гуд. В 1331–1333 годах он постоянно судился с соседями из-за того, что его скот пасся на их лугах, а в 1341 году умер, оставив имение сыну Джону. Гуд из Ньютона вполне может оказаться бывшим мятежником, покинувшим Уэйкфилд из-за ссоры со своим сюзереном-графом. Но может и не оказаться — впервые он упоминается еще в 1308 году, хотя не исключено, что Роберт Гуд владел фермой в Ньютоне до того, как смерть отца сделала его хозяином имения в Уэйкфилде. Это случилось за несколько лет до 1316 года, когда Роберта оштрафовали за то, что его служанка собирала хворост в уэйкфилдском Олдпарке, принадлежавшем графу Суррею, — похоже, отношения Гуда с властью были такими же напряженными, как у его шервудского тезки.

Не доказанное, но вполне вероятное превращение Роберта Гуда из мирного обывателя в разбойника типично для смутного времени 1320-х годов, когда на севере Англии во множестве действовали разбойничьи шайки, подобные Коттерелам и Фолвиллам. Позже эти криминальные «армии» исчезли, но отдельных беглецов от правосудия не стало меньше, и их по-прежнему называли Робин Гудами. Винчестерский статут 1331 года именуется всех нарушителей закона «людьми Роберта» (*Roberdsmen*), что говорит о том, что это выражение уже не требовало комментариев. Еще один Робин Гуд был пойман с убитым оленем в королевском лесу Рокингем в 1354 году.

В 1380 году в Уинчелси (Сассекс) скрылся от правосудия некий Роберт Робингуд. В следующем году, отмеченном восстанием Уота Тайлера, в Йоркшире также произошли беспорядки, снова связанные с именем Робин Гуда. Чуть позже, 22 мая 1382 года, король Ричард II помиловал лорда Роберта Дора, владельца Уодсли в Йоркшире, до этого объявленного вне закона и тоже названного Робин Гудом. Городок Уодсли находится буквально через улицу от Локсли, где, как многие считают, родился знаменитый разбойник. Естественно, появились желающие объявить его прототипом именно лорда Дора, хотя, напомним, к тому времени, около 1377 года, Ленгленд уже назвал Робина популярным героем баллад.

Первым его связал с Локсли «манускрипт Слоуна», написанный около 1600 года. Там сказано: «Робин Гуд родился в Локсли в Йоркшире или, как говорят иные, в Ноттингемшире во времена Генриха II, около 1160 года, и дожил до последних лет Ричарда I. Он имел благородное происхождение, но был так невосдержан, что потерял или продал свое имение и за долги был объявлен вне закона; после этого к нему присоединились многие отчаянные молодцы, оказавшиеся в том же положении, из которых первым или главным был некто по имени Маленький Джон. Они охотились в Барнсдейлском лесу, Кломптонском парке и других местах, используя прежде всего луки, в стрельбе из которых превосходили всех жителей тех мест, но при необходимости также и другое оружие. Одна из первых историй о нем рассказывает, что он шел как-то через лес, неся с собой лук невероятной величины, и встреченные им лесники или егеря затеяли с ним ссору, уверяя, что ни один человек не может выстрелить из такого лука; он же ответил, что у него в Локсли есть два лука куда больше, чем этот».

Автор манускрипта не знал точно, где находится Локсли, поскольку этот городок на окраине Шеффилда с населением 1800 человек вместе со всей окружающей областью Халламшир занимал пограничное положение между двумя графствами (сегодня он входит в графство Сауз-Йоркшир). В таком же пограничье между Йоркширом и Дербиширом находится Хэзерсейдж с могилой Маленького Джона. Тут же неподалеку — «крест Робин Гуда», «пещера Робин Гуда» и «крыльцо Робин Гуда», каменная плита с выбитыми в ней природой или людьми ступенями. Все эти места лежат всего в нескольких милях к югу от Барнсдейла, где, в свою очередь, расположены все места, упомянутые в «Малой жесте» — город Донкастер, замок Блайт (ныне Тикхилл-касл), поле Сэйлис близ Уэнтбридж и часовня Святой Марии Магдалины в Нортоне, будто бы построенная Робин Гудом. Могила Робина в Кирклисе отстоит от Локсли на 25 километров. Таким образом, все места действия робингудовских баллад, кроме Лондона и

порта Скарборо, находятся в круге диаметром 50 километров, центром которого является Локсли.

В XVII веке о связи этого города с Робин Гудом упоминали несколько историков, один из которых, Джон Харрисон, в 1637 году сообщил, что в Локсли даже сохранился дом, где в 1190 году родился разбойник, — он находился на вершине невысокого холма Литтл-Хаггас-крофт. Сегодня на этом месте стоит кирпичный доходный дом, выстроенный в викторианскую эпоху и окруженный вековыми дубами. В свое время там хранилась дубовая балка, оставшаяся, по словам хозяев, от «настоящего» дома Робин Гуда. Перед Второй мировой войной ее будто бы исследовали ученые, обнаружившие, что она сделана из дерева тысячелетней давности. Позже, правда, и результаты исследования, и сама балка куда-то подевались, и нынешние жильцы дома на Локсли-роуд ничего не знают о своем знаменитом будто бы земляке.

Другой автор XVII века, Роджер Додсворт, хоть и называет разбойника Робинотом Локсли, пишет, что тот «родился в приходе Брэдфилд в Халламшире, смертельно ранил своего отчима на пашне и бежал в лес, где мать кормила его, пока он не смог вернуться». Откуда взялись эти сведения, неизвестно, но деревня Брэдфилд находится в восьми километрах от Локсли. Недалеко, на реке Колдер, стоит Клифтон, где Робин, по утверждению того же Додсворта, впервые встретился с Маленьким Джоном. Уже знакомый нам Джозеф Хантер в своей книге «Халламшир» (1819) утверждал: «Робин Гуд... совершил свои первые охотничьи подвиги в Фулвуде и Ривелинге, находящиеся так близко от Локсли, что это место имеет все основания считаться родиной знаменитого разбойника». Потом, правда, Хантер перенес родину Робина в Уэйкфилд, но в массовом сознании герой все равно остался связан с Локсли. Виной тому Вальтер Скотт, который отослал туда героев «Айвенго»: «В той живописной местности веселой Англии, которая орошается рекою Дон, в давние времена простирались обширные леса, покрывавшие большую часть красивейших холмов и долин, лежащих между Шеффилдом и Донкастером. Остатки этих огромных лесов и поныне видны вокруг дворянских замков Уэнтворт, Уорнклиф-парк и близ Ротерхема».

Кем же был лорд Роберт Дор, живший в этих краях? Поскольку он владел не только усадьбой Уодсли, но и самим городком Локсли, его вполне могли называть Робертом Локсли. Его предков архивные документы находят не в Йоркшире, а в графстве Хантингдон, где между 1242 и 1247 годами не менее пяти раз упоминаются землевладельцы Роберт де Локсли (*Robertus de Lockesley*) и его сын или брат Томас. В судебных свитках

говорится об их тяжбах с соседями, среди которых были и Фолвиллы — предки известных разбойников. Возможно, хантингдонские Локсли были родственниками владельцев Уодсли, о которых в тот период ничего не известно. Джозеф Хантер писал, что род Уодсли основал некий Роджер, получивший во владение Локсли в конце XII века. Его внук Роберт и правнук Ральф в 1297 году носили рыцарское звание. Похоже, имя Роберт в роду было наследственным — еще один Роберт в начале XV века выстроил городскую церковь Уодсли. В правление Эдуарда IV (1461–1483) последний представитель семейства Джон Уодсли (или Локсли) умер, оставив имение зятю Генри Эверингему, представителю влиятельного местного семейства.

Другая ветвь рода обосновалась в соседнем Брэдфилде, где Томас Локсли в 1399 году был бейлифом. В середине XVII века его потомки перебрались в деревню Экклфилд, а позже расселились по всей округе. Один из них, Роберт Локсли, жил около 1800 года в Ротерхеме; это был пожилой джентльмен, всегда ходивший в черном бархатном плаще и сапогах с пряжками. Своим немногочисленным друзьям он говорил, что старшего сына в их роду всегда называли Робертом в честь их предка Робин Гуда. Другой Локсли, Джон, в те годы владел слесарной мастерской в Шеффилде; его потомки до сих пор гордятся своим происхождением от Робина, хотя доказать его конечно же не могут. В XIII–XIV веках жили как минимум три Роберта Локсли, но был ли кто-нибудь из них разбойником, мы не знаем.

Неизвестно и то, какое отношение Локсли имели к местечку Дор, которое находилось на границе между Йоркширом и Ноттингемширом — шериф Ноттингемский Роберт фиц Ранульф в 1174 году основал там монастырь в знак покаяния за свое участие в убийстве святого Томаса Бекета. По какой-то причине монахи оставили это место, и Дор перешел к семейству Хантли. Скорее всего, лорд Роберт никак не связан с ним, а его прозвище *Dore* происходит от французского *d'Or* («золотой») или, что менее благородно, от староанглийского *dore* — «майский жук».

Вероятно, Роберт Дор вместе со многими йоркширцами участвовал в бунтах против подушного налога (*poll tax*), охвативших в 1381 году многие местности Англии. Этот налог был введен в 1380 году новым канцлером Англии, архиепископом Кентерберийским Саймоном Садбери, и составлял один шиллинг в год с каждого взрослого человека — шла Столетняя война, и для снаряжения новых армий казне остро требовались деньги. Жителей Йорка возмутило не только введение нового налога, но и то, что от него освободили монахов и некоторых купцов. К этому примешивалась борьба за власть между сторонниками Джона Лэнгтона и Джона Гисборна —

последний в 1381 году был лорд-мэром Йорка, а его зять Ральф Гастингс занимал должность шерифа графства.

В конце мая недовольство новым налогом обернулось восстанием крестьян в Кенте и Эссексе. Его возглавил кузнец, бывший солдат Уот Тайлер, он же Уолтер Хиллард, который повел 15-тысячную крестьянскую армию на Лондон. В столице к ним присоединились ремесленники, первым делом устроившие кровавый погром своих конкурентов — фламандских ткачей и скупщиков шерсти. 14 июня толпа взяла штурмом Тауэр, зверски убив обнаруженных там представителей власти, включая канцлера Саймона Сэдбери. В тот же день их лидеры встретились с укрывшимся в Майл-Энде четырнадцатилетним королем Ричардом II, который пообещал выполнить все их требования. 15 июня состоялась новая встреча, в ходе которой между Тайлером и сопровождавшими короля рыцарями вспыхнула ссора, и крестьянский вожак был убит. Его лишенная руководства армия в растерянности покинула Лондон, после чего начались репрессии, жертвами которых стали сотни восставших, включая их идеолога Джона Болла и йомена Джека Строу (Соломинку), обещавшего «перебить всех богачей».

Имя Робин Гуда было знаменем восстания наряду с именем Петра Пахаря — героя книги Ленгленда, честного крестьянина, угнетаемого знатью и церковниками. «Дайте Петру Пахарю делать его работу!» — гремели прокламации Болла, и он же призывал «усмирить грабителя Хоба» (*Hob the Robber*). Историки думают, что речь идет о ненавистном крестьянам казначее Роберте Хейлсе, но не исключено, что имелся в виду именно Робин — у Ленгленда *Robert the Robber*. Быть может, суровый Болл вслед за Ленглендом осуждал шервудского разбойника, как воплощение буйной, полуязыческой народной стихии. Но сами восставшие думали иначе — некоторые их отряды называли себя «Робиновыми людьми» (*Robartes men*). Монах Уильям из Нессингтона писал о них, как о «беззаконных бродягах», которые «вламываются в дома людей и вымогают у них деньги лживыми баснями или прямыми угрозами». Эта фраза намекает, что многие крестьяне, наслушавшись «басен» поборников справедливости, добровольно делились с ними добром или даже вступали в их отряды. Восстание было подавлено, но оно показало власть имущим, что безнаказанно угнетать крестьян больше нельзя. Сразу после него хронист Жан Фруассар уважительно отметил: «Нет под солнцем народа настолько опасного, когда речь идет о простолюдинах, как народ Англии»^[65].

В Йоркшире беспорядки начались еще до восстания Тайлера, в апреле, когда толпа крестьян и мастеровых заставила мэра Гисборна и шерифа

Гастингса бежать из города. Новым мэром народ избрал зятя Лэнгтона Саймона Куиксли, но вскоре его сместили королевские чиновники, прибывшие в Йорк для суда и расправы. До семидесяти участников бунта было казнено, около трех тысяч — заключено в тюрьмы. Правда, уже в ноябре все заключенные были освобождены по приказу короля Ричарда II, а в следующем году Куиксли был снова избран мэром и начал, в свою очередь, преследовать сторонников Гисборна. Тогда же получили прощение те участники бунта, которые после его подавления укрылись в лесах, — среди них был и лорд Роберт. Кстати, вместе с ним был прощен и некий Роберт Год, свободнорожденный житель Йорка, но его, кажется, никто еще не додумался объявить прототипом шервудского атамана.

В последующие времена Робин Гуд окончательно превратился в символ открытого неподчинения закону и шире — свободы, не скованной никакими рамками. В 1438 году в Абердине на воду был спущен торговый корабль «Робин Гуд». Годом позже в официальных бумагах упоминались некий джентльмен Пирс Венейбл и его подручные, которые, напав на здание суда в Йоркшире, освободили члена их банды и «мятежным образом ушли с ним в леса, подобно Робин Гуду и его людям». В графстве Норфолк в 1441 году крестьяне вышли на дорогу, угрожая убить местного помещика и выкрикивая: «Мы люди Робин Гуда, война, война, война!» В 1450 году ткач Томас Чейн, принявший разбойничье прозвище Синяя Борода, пытался поднять восстание в Кенте; его «капитаны» имели клички Король фей и Робин Гуд.

В том же году на юго-востоке Англии вспыхнуло крестьянское восстание Джека Кэда, участники которого тоже вспоминали о Робин Гуде. Недаром оба разбойника оказались связаны друг с другом в одной из поздних баллад; правда, там Робин предстает в роли галантного любовника, а Джек — неотесанного мужлана. В этом есть историческая правда: соратники Кэда, на время захватившие Лондон, безжалостно убивали и грабили горожан, а его подручный Дик-мясник заявил: «Нужно перебить всех законников и грамотеев, от них все зло». При этом сам Кэд называл себя сыном графа Марча, незаконно лишенным наследства; возможно, его пример позже заставил приписать знатное происхождение и Робин Гуду. В июле 1450 года Кэд погиб в бою в Сассексе, и его отряды рассеялись. Но хаос и разруха войн Алой и Белой розы вызывали все новые восстания, не прекратившиеся и в эпоху Тюдоров, и участники их по-прежнему шли в бой с именем Робин Гуда.

В 1469 году приверженец «делателя королей» графа Уорика Джон Коньерс поднял восстание в Йоркшире, приняв прозвище Робин из

Редесдейла или «Робин-Исправь-всё» (*Robin Mend-All*). Такую же кличку взял себе один из предводителей восстания в Ноттингемшире против Ричарда III в 1485 году. В 1489 году в том же Йоркшире вспыхнул мятеж против нового короля Генриха VII Тюдора, лидеры которого прикрывались общим прозвищем «Хобба Херста, брата Робина Доброго малого, чье имя известно всем». Наконец, в 1498 году все в том же Йоркшире и в ряде других графств произошла целая серия «Робингудовых бунтов», участники которых громили судебные помещения и освобождали своих арестованных товарищей. Роджер Маршалл из Стаффордшира был отдан под суд Звездной палаты за то, что возглавил один из таких бунтов, назвав себя Робин Гудом. Но к тому времени все понимали, что это просто прозвище — «настоящий» Робин остался где-то там, в далеком прошлом.

Итак, деятельность всех исторических прототипов Робин Гуда укладывается в два века — XIII и XIV. При этом по-прежнему находятся желающие отправить знаменитого разбойника в XII век — то ли из пиетета перед Вальтером Скоттом, то ли из нежелания разрывать полюбившийся читателям и зрителям союз Робина с Ричардом Львиное Сердце. Жива и теория об аристократическом происхождении разбойника, родившаяся в XVI веке благодаря Ричарду Графону и Энтони Мандею. Если первый из них так и не открыл, к какому знатному роду принадлежал Робин, то второй, как мы помним, во всеуслышание объявил его графом Хантингдонским. Откуда же взялась эта экстравагантная версия?

Хантингдон или Хантингтон — старинный город в центре Англии, входящий ныне в графство Кембриджшир и знаменитый тем, что там родился Оливер Кромвель. В XI веке он был центром обширного графства, отданного англосаксонскому магнату Вальтеофу. Вильгельм Завоеватель сначала признал привилегии Вальтеофа и женил его на своей племяннице, но затем казнил, конфисковав большую часть его владений. На то, что осталось — графства Хантингдон и Нортхемптон — претендовали потомки дочери Вальтеофа Матильды от двух браков с шотландским принцем и нормандским графом Санлисом, что вылилось в конечном итоге в долгую вражду между Англией и Шотландией. В 1152 году графом Хантингдона стал юный внук Матильды Давид Шотландский, у которого в 1191 году родился второй сын Роберт. Именно его некоторые историки сочли прототипом Робин Гуда, хотя, по хронике Джона Фордуна, Роберт умер младенцем и был похоронен в аббатстве Линдорис, основанном его отцом. У сторонников его тождества с разбойником есть другая версия: в отрочестве его по какой-то причине лишили наследства, и он отправился в изгнание. Куда? Конечно же в Шервуд (или Барнсдейл), где и разбойничал

до самой смерти, случившейся, в полном согласии с надписью на могиле, в 1247 году.

После смерти Давида в 1219 году графство досталось его единственному (если не брать в расчет Роберта) выжившему сыну Джону. Тот, в свою очередь, скончался в 1237 году — по легенде, его отравила собственная жена Хелен Лливелин, внучка короля Иоанна. Детей у них не было, и Хантингдон отошел к короне. Впоследствии графство несколько раз восстанавливалось, но уже не достигало прежнего значения; его последним правящим родом с 1529 года до нынешнего дня является семейство Гастингс. Откуда взялась теория о родстве Робин Гуда с графами Хантингдонскими, понять трудно: кроме имени злосчастливого младенца Роберта на это может намекать только сходство названия графства с главным занятием Робина — охотой (*hunting*). Авторы теории одним махом приписали разбойнику родство с королями англосаксов, нормандцев и шотландцев, но созданный ими знатный гомункулус оказался нежизнеспособным. В живом, полнокровном Робине баллад нет ни сословной спеси, ни рыцарской гордыни, ни знания языков и тонкостей этикета — всего, что приписывали ему Мандей и его единомышленники.

Смирившись с безвременной смертью юного Роберта, сторонники графского происхождения Робин Гуда нашли нового претендента — некоего Роберта Фиц-Уза, извлеченного из тьмы веков известным антикваром Уильямом Стакли (1687–1765). Стакли изучал культ друидов, участвовал в первых раскопках Стоунхенджа, но не меньше интересовался генеалогией. В своем труде «*Paleographia Britannica*», изданном в 1746 году, он изложил сенсационные результаты своих изысканий, согласно которым Фиц-Уз, «самозванный граф Хантингдона, в просторечии называемый Робин Гудом», был внуком нормандского рыцаря Ральфа Фиц-Уза (фиц Одо) и Мод де Гонт, находившейся в родстве с Вальтеофом и графами Хантингдона. По утверждению Стакли, Фиц-Уз, родившийся около 1160 года, попал в немилость к принцу Джону и стал разбойником в Шервудском лесу; умер он в 1247 году, как и говорилось в надписи на его могиле, а позже его родовое имя *Ooth* фольклор превратил в *Hood*.

Для любителей родословных изложим выкладки Стакли более подробно: «Ральф Фиц-Уз, нормандец, пришедший в Англию с Вильгельмом Рыжим, женился на Мод или Матильде, дочери Гилберта де Гонта, графа Кайма и Линдсея, и имел от нее двух сыновей: Филипа, впоследствии графа Кайма, и Уильяма. Старший сын, Филип, умер без потомства; Уильям же находился на воспитании у Роберта де Вера, графа Оксфорда, который по приказу короля отдал ему в жены свою племянницу,

младшую из трех дочерей знаменитой леди Роисии де Вер, дочери Обри де Вера, графа Гиня в Нормандии и лорда-камергера Англии при Генрихе I, и Аделизы, дочери Ричарда де Клера, графа Кларенса и Хертфорда. Отпрыском этого брака и был наш герой, Роберт Фиц-Уз, чаще именуемый Робин Гудом»^[66].

Специалисты быстро доказали, что «открытия» Стакли просто-напросто выдуманы: по наитию заполняя генеалогические провалы, он на пустом месте создал весь род Фиц-Узов, сделав их лордами Кайма в Линкольншире. Измышления Стакли уже в его время были отвергнуты серьезными учеными. Однако желание сделать Робин Гуда аристократом вынудило некоторых исследователей принять вымыслы Стакли на веру; в их числе оказался и Джозеф Хантер, который считал, что Роберт Гуд из Уэйкфилда произошел от Ральфа Фиц-Уза. В 1864 году краевед из Уорикшира Джон Планше попытался заменить выдуманного Фиц-Уза реальным рыцарем Робертом фиц Одо, который в конце XII века владел манором Локсли, но не йоркширским, а уорикширским. Уже в 1987 году эту тему развил Джордж Лис, автор книги «Поиски Робин Гуда»^[67], объявивший Роберта не только родственником известного нормандского барона XII века Уильяма фиц Одо, но и лордом Кайма и прототипом Робин Гуда, что, конечно, не имеет ничего общего с действительностью.

Эстафету Лиса в 1995 году подхватили авторы сенсационных «исторических расследований» Грэм Филипс и Мартин Китмен. Они предположили, что Роберт фиц Одо, чье имя не упоминается в рыцарских списках после 1196 года, был в этом году лишен владений и стал разбойником. Поскольку элемент «фиц» в его имени якобы указывал на незаконнорожденность, он стал называть себя просто Роберт Одо, что со временем превратилось в Робин Гуда. Почему место действия легенды о нем перекочевало с юга Англии на север, «расследователи» не объясняют. Как и то, почему он так стыдился своего незаконного происхождения, которым могла похвастаться половина нормандской знати — сам король Вильгельм до того, как стать Завоевателем, носил прозвище Бастард, а Роберт фиц Одо был внебрачным сыном его брата, епископа Одо из Байё. При этом слово «фиц» (от *fiils* — «сын») было в тот период обычным нормандским патронимом и не имело никакого отношения к незаконнорожденности.

Роберт фиц Одо, как и многие нормандские бароны, действительно имел тягу к разбою — около 1150 года его даже предали анафеме за постоянные нападения на соседей. Еще раньше Роберт водил дружбу с

известным героем средневековых сказаний Ранульфом, графом Честера, чье имя Ленгленд упоминает рядом с именем Робин Гуда. Когда воинственный нормандец исчез из рыцарских списков, он был уже очень стар, поэтому Роберт фиц Одо, который в 1203 году мирно жил в соседнем с Локсли городке Харбери, был, скорее всего, его сыном или даже внуком. Нет никаких доказательств, что хотя бы один из двух Робертов после 1196 года занимался разбоем, однако Филипп и Китмен без тени сомнения утверждают: «Он стал разбойником, грабил людей и сеял страх в окрестных лесах. Он получил обратно свои земли, когда Ричард Львиное Сердце вернулся из крестового похода. Поэтому велика вероятность, что он и есть Робин Гуд современной легенды». Вывод смелый, но совершенно бездоказательный.

Куда вероятнее родство с Робинем персонажей, которых обычно не считают его прототипами. Это смелые борцы с произволом королей и феодалов, применявшие методы партизанской войны и оставшиеся в памяти благодаря дерзости, с которой они бросали вызов многократно превосходящему их числом и силой противнику. Первый из них — англосаксонский вождь Херевард, прозванный Бдительным (*the Wake*), самый упорный противник Вильгельма Завоевателя. О его жизни мы знаем из «Англосаксонской хроники», написанной в XII веке латинской «Книги монастыря Или» (*Liber Eliensis*) и апологетических «Деяний Хереварда» (*Gesta Herwardi*). Родившийся около 1035 года Херевард был сыном то ли мерсийского графа Леофрика и знаменитой леди Годивы, то ли англо-датского вождя Аскетилия. В «Болотном краю» на востоке Англии, где он жил, англосаксы смешались с датскими викингами; народ там был воинственным и независимым. Уже в 18 лет Херевард восстал против англосаксонского короля Эдуарда Исповедника и был лишен владений. Повоевав на континенте в качестве наемника, он вернулся в Англию, чтобы возглавить сопротивление завоевателям-нормандцам.

В 1070 году он основал лагерь на «острове Или» среди болот своей родины. Чтобы добыть деньги на войну, он ограбил ближайшие монастыри Или и Питерборо; есть версия, что он, как и его родственники-скандинавы, был язычником и боролся с христианством, считая, что оно сделало англичан слабыми и невоинственными. Какое-то время Херевард и его люди вели против нормандцев партизанскую войну. «Деяния» повествуют о хитрости англосаксонского вождя, который проникал в лагерь противника, переодеваясь то гончаром, то рыбаком, а чтобы запутать следы, набивал своей лошади подковы задом наперед. Подобно Робину, он метко стрелял из лука и мастерски сражался на мечах. В 1071 году король Вильгельм с

большим войском осадил Или, и подкупленные монахи показали ему тайную тропинку через болота. Потеряв почти всех своих воинов, Херевард бежал. «Деяния» сообщают, что Вильгельм помиловал его за смелость, но отобрал его земли, отданные какому-то нормандскому барону. Нормандцы не простили непокорного вождя — некоторое время спустя они подстерегли его и убили. В народной памяти он надолго стал символом сопротивления феодальному произволу, и, возможно, какие-то его черты — к примеру, неприязнь к епископам и монахам — были перенесены на Робин Гуда.

Еще одним возможным прототипом благородного разбойника стал уже не англосакс, а нормандец — рыцарь Фульк фиц Варин. В отличие от прочих прототипов он действительно жил во времена Ричарда Львиное Сердце и был владельцем замка Виттингтон в Шропшире. Родившийся около 1170 года Фульк воспитывался при королевском дворе, где благодаря своему гордому и независимому нраву поссорился с наследником престола, принцем Джоном. Когда тот в 1199 году стал королем после гибели отца, Фульк был тут же лишен владений, отданных его давнему врагу Морису фиц Роджеру. Когда фиц Варин попытался протестовать, его вместе с его сторонниками объявили вне закона. Им пришлось бежать в леса у валлийской границы, где они в течение трех лет вели жизнь разбойников.

История Фулька дошла до нас в поэме, написанной около 1260 года на англо-нормандском наречии и позже пересказанной в прозе. Многие ее моменты находят параллель в балладах о Робин Гуде. Правой рукой Фулька тоже был йомен большой силы и отваги по имени Джон; он тоже находил убежище в замке бедного рыцаря, которому помог расплатиться с долгами, и убил в поединке своего врага, который явился в лес, чтобы сразиться с ним и получить награду, назначенную властями за его голову. Знаменательно, что Фульк, как и Робин, щедро угощал пойманных на дороге путников, а потом отбирал у них деньги в уплату за «гостеприимство». Женой Фулька была Матильда или Мод Фицуолтер, которую Энтони Мандей на основании неизвестных нам источников объявил женой Робин Гуда. Обе биографии схожи и тем, что Фульк в лесу тоже встретился с королем, который простил его и пригласил к себе на службу. В чем позже и раскаялся: фиц Варин стал одним из заводил баронского мятежа, заставившего Иоанна Безземельного подписать Великую хартию вольностей. Бывший разбойник скончался около 1250 года в своем поместье в Шропшире. Он, в отличие от Робин Гуда, безусловно является реальным историческим лицом, поэтому некоторые историки пытались объявить Робина простой копией его шропширского

предшественника. Но вряд ли это так: йоркширские крестьяне не стали бы воспевать какого-то чужака, тем более нормандца.

В XIX веке Робин Гуду подыскали еще одного прототипа, тоже имевшего французское происхождение. Это Эсташ Монах, родившийся около 1170 года сын феодала из графства Булонь. Согласно его биографии, он обучался в Толедо богословию (а заодно и черной магии), после чего поступил в монастырь в Кале, но сбежал оттуда, чтобы отомстить за убитого отца. Около 1204 года Эсташ, занимавший должность сенешаля графа Булонского Рено де Даммартена, поссорился со своим господином и был объявлен вне закона. Собрав шайку сподвижников, он на нескольких кораблях занялся пиратством, а в годы войны короля Иоанна с Францией предложил свои услуги англичанам. В 1212 году он перешел на сторону французов, а во время восстания баронов против Джона помогал им. Он совершал набеги на побережье Англии до августа 1217 года, когда английский флот окружил и захватил его корабль. Эсташ предложил в качестве выкупа золото, награбленное им и, как водится, зарытое на каком-то пустынном острове. Но англичане так ненавидели его, что отказались от взятки и тут же обезглавили пирата.

Роман об Эсташе в основном посвящен недолгому (около года) периоду, когда этот авантюрист со своими братьями и слугами жил в лесу близ Булони и всячески мстил своему обидчику графу Рено. Его похождения того времени тоже весьма напоминают подвиги Робин Гуда — он, например, враждует с аббатом Жюмьежа, таким же стяжателем, как начальники обители Святой Марии. Но Эсташ, заклятый враг англичан, еще меньше подходит на роль прототипа легенды, чем Фульк фиц Варин. Робин, хотя и был врагом королевских чиновников и служителей церкви, оставался горячим патриотом Англии, что и подтвердил, расправившись с коллегами Эсташа — французскими пиратами.

Рассмотрев биографии как минимум дюжины Робин Гудов и других деятелей, похожих на знаменитого разбойника, можно сделать лишь один вывод — ни один из них не может считаться единоличным прототипом нашего героя. Им мог бы стать Роберт Гуд из Уэйкфилда, но его разбойничьи подвиги — чистое предположение, а многообещающее отождествление с королевским привратником Робинотом, похоже, оказалось ошибкой. Больше шансов имеют йоркширский мятежник Роджер Годберд и Фульк фиц Варин, однако оба они жили до появления длинного лука, который в легендах неразрывно связан с Робин Гудом. То же относится к Роберту Году из Йоркшира, чья возможная разбойничья карьера охватывает 1225–1234 годы. Лорд Роберт Дор, он же Робин Гуд, прощенный королем в

1382 году, — более удачная кандидатура, хотя бы потому, что жил он буквально в двух шагах от города Локсли, с которым Робина настойчиво связывает легенда. Наконец, право на существование, пусть и эфемерное, имеет и версия о тождестве благородного разбойника с графским сыном Робертом Хантингдонским — быть может, она все-таки возникла не на пустом месте.

Пятеро из шести этих деятелей (кроме Фулька) жили в Йоркшире или Ноттингемшире, причем четверо — в периоды, когда этими графствами управлял один шериф. Пятеро из шести были объявлены вне закона (о графе Хантингдонском этого сказать нельзя ввиду полной его гипотетичности), все они, кроме опять-таки Фулька, занимались разбоем в Шервуде или Барнсдейле. Деятельность всех их относится к трем названным ранее периодам политической нестабильности, когда разбойничьи шайки и неотличимые от них отряды мятежников множились по всей стране. Так кто же из шести имеет больше прав на звание «настоящего» Робин Гуда? Ответ прост — все и никто, поскольку это прозвище родилось раньше их: уже в XIII веке оно означало любого разбойника, скрывающегося в лесу. Всякий, кто был не в ладах с королевскими чиновниками и их правосудием, мог оставить настоящее имя на опушке леса и войти под его зеленый шатер Робин Гудом. Об этом хорошо написал в песне для мультфильма «Отважный Робин Гуд» московский сценарист и бард Евгений Агранович:

Ты можешь Гудом стать, сосед,
А может, я им буду —
Вот почему на тыщу лет
Нет смерти Робин Гуду.

Поэтому если даже «исторический» Робин никогда не существовал, в каком-то смысле он прожил не один век — во всех тех, кто носил его имя и старался поступать по его заветам. То есть смело биться с врагами, выручать товарищей, не обижать слабых. А вот завет раздавать беднякам деньги богачей, скорее всего, был придуман много позже, когда Робин Гуды и их дела уже ушли в прошлое. Как уже говорилось, настоящие разбойники в лучшем случае делились добычей с теми, кто им помогал, укрывал от опасности, предупреждал о замыслах шерифа и его слуг. Таких людей было довольно много, особенно в смутные времена, когда в некоторых районах разбойники становились настоящей альтернативной властью.

Итак, растянувшаяся на два столетия биография Робин Гуда могла выглядеть следующим образом. После нормандского завоевания вожаки англосаксонских партизан, скрывавшихся в лесу, начали принимать имя лесного бога-лучника, которого смешанное саксонско-скандинавское население севера Англии называло Годом или Гудом. Влияние французских традиций дало ему новое имя — Роберт или Робин, и на рубеже XII–XIII веков оба имени соединились, породив Робин Гуда. Вскоре это прозвище переняли обычные разбойники, придав ему новый смысл — *rob in hood* («грабитель в капюшоне» или, по другой версии, «в лесу»). Одни из них орудовали в Барнсдейле, другие — в Шервуде; там же укрывались беглые мятежники, в том числе Роджер Годберд, от которого легендарный Робин Гуд, возможно, унаследовал вражду к шерифу Ноттингема. Другие детали его калейдоскопической биографии заимствованы у Фулька фиц Варина (издевательское «гостеприимство»), Хереварда Бдительного (ненависть к церкви) и других, неведомых нам лесных разбойников.

Среди прототипов Робин Гуда были как простые крестьяне, так и представители дворянства, что позже породило легенду о его знатном происхождении. Однако создателям первых баллад о нем и их слушателям Робин представлялся йоменом, символом непокорного и свободолюбивого народного духа. Баллады резко отличались от фольклорных песен и стихов о Робине: если вторые сочинялись по всей Англии и относились к веселому персонажу майских игр, то первые локализовывались на северо-востоке и явно связывались с реальным человеком, хоть и не лишенным черт героя сказок. Реальность Робин Гуда признавали и хронисты Северной Англии и Шотландии, в то время как на юге в нее, похоже, мало кто верил — для Уильяма Ленгленда Робин так же легендарен, как Ранульф Честерский, живший двумя веками ранее. Вначале «исторический» Робин, в отличие от фольклорного, обрел известность только в северных графствах, и то не сразу — с ним соперничали другие разбойники вроде Адама Белла. Лишь к концу XIV века, когда северяне стали частыми гостями в Лондоне, баллады разнеслись по всей стране, а в следующем столетии разбойник с луком окончательно соединился с проказливым лесным духом, хотя в народном сознании два этих образа так окончательно и не слились.

Последний фрагмент пазла под названием «Легенда о Робин Гуде» встал на место уже после восстания Уота Тайлера, которое ознаменовало конец феодальной вольницы и противостоящей ей вольницы разбойничьей. Не за горами была эпоха, когда разделенная на враждующие между собой уделы, сословия и народы Англия обрела единство и одним из героев этой единой нации, как ни странно, стал Робин Гуд — враг закона, нарушитель

спокойствия, заступник бедных в мире всевластия богачей. Но, быть может, в этом нет ничего странного? Как карнавал был необходимым выходом за пределы привычного законопослушного мира, так и «славный парень Робин», веселый кумир майских игр, уводил простых англичан в волшебное лесное царство, где правда одолевает ложь, а храбрость — силу. И никому, кроме ученых чудаков, не было дела до того, в каком веке жил этот самый Робин и с какого из давно забытых исторических деятелей он был списан.

Нет сомнения, что в канву легенды о Робин Гуде вписались не только эпизоды из жизни его реальных прототипов, но и «архетипические» представления о благородном разбойнике, возникшие, как уже говорилось, задолго до эпохи Робина и не умершие до сих пор. О том, как выглядели эти представления, можно судить по тому, какими изображались «братья» Робина в Англии и других странах. Конечно, многие из них были литературными героями, не имевшими реальных прототипов. Первый из известных нам — египетский разбойник Тиамид из романа Гелиодора «Эфиопика» (IV век н. э.). Вот как он говорит о себе товарищам: «Я, это вам известно, по рождению сын мемфисского пророка. Не получив священства после кончины моего отца, так как оно было насильственно захвачено моим младшим братом, я бежал к вам, чтобы за обиду мстить, а себе честь и славу вернуть. Признанный вами достойным правителем, я до сего времени прожил здесь, не присваивая себе ничего сверх того, что получали все... Насилия над женщинами мне были чужды»^[68].

Здесь уже обозначены три главных признака благородного разбойника: 1) он несправедливо обижен властью или родней; 2) он не только физически, но и нравственно превосходит своих врагов; 3) он по — рыцарски относится к женщинам, а также (хотя и не всегда) к старикам и детям. Таковы все знаменитые разбойники мировой литературы: Карл Моор Шиллера, пушкинский Дубровский, капитан Питер Блад у Сабатини и т. д. В начале XIX века процветал целый жанр «разбойничьего романа», тесно связанный с готической прозой, — почти все его многочисленные герои так или иначе соответствовали «благородному» стандарту. В литературе этого периода благородный разбойник, как и благородный дикарь, отражал концепцию «естественного человека», близкого к природе и свободного от лжи и пороков цивилизованного общества. Такие герои, как Корсар и Гяур Байрона или «таинственный Сбогар», были кумирами уездных барышень вроде пушкинской Татьяны, пока их не вытеснили не менее романтические революционеры.

В отличие от литературных сюжетов народные предания о

благородных разбойниках обычно повествовали о реальных исторических персонажах; при этом обычно время их жизни почти совпадало с временем складывания легенды. В самой Англии с Робин Гудом могли сравниться популярностью разве что вожаки крестьянских восстаний — Уот Тайлер и Джек Кэд, — а вот таких знаменитых разбойников, как Дик Терпин (казнен в 1739 году в Йорке) или Джерри Абершоу (повешен в 1795 году в Кенсингтоне), молва благородными не считала, приписывая им лишь отчаянную храбрость и некое грубое великодушие.

В соседней Шотландии разбойники, боровшиеся не только со своими богачами, но и с английскими завоевателями, имели широкую популярность в народе. Героем местных легенд стал сэр Уильям Уоллес, возглавивший антианглийское восстание в 1297 году и казненный в 1305-м. Разбойником он не был, но шотландские авторы упорно сближали его с Робин Гудом, а хронист XV века Уильям Пек даже считал их одним человеком — «шотландец Уильям Уоллес, он же Робин Гуд». «Шотландским Робин Гудом» называли и героя романа Вальтера Скотта Роберта Макгрегора, больше известного под прозвищем Роб Рой — «рыжий Роб». В 1712 году он, мелкий помещик из Стерлинга, вступил в конфликт с могущественным графом Монтрозом, отнявшим его имение за долги. Позже Роб Рой принял участие в восстании якобитов — сторонников свергнутой шотландской династии Стюартов, — угодил под суд, но был помилован и умер в преклонном возрасте в 1734 году. Его современником был другой известный бандит — сын цыганки Джеймс Макферсон, повешенный в 1700 году в Банфе. Он запомнился благодаря будто бы написанной им перед казнью балладе, обработанной Р. Бернсом и переведенной на русский язык С. Маршаком:

В полях войны среди мечей
Встречал я смерть не раз,
Но не дрожал я перед ней —
Не дрогну и сейчас!

<...>

И перед смертью об одном
Душа моя грустит,
Что за меня в краю родном
Никто не отомстит.

Разбойник-поэт — не такое уж странное сочетание. В России ряд народных песен тоже приписывался знаменитым бандитам, прежде всего Ваньке Каину (Ивану Осипову), прозванному «русским Робин Гудом» — не за благородство, а за широкую популярность лубочных книжек о его похождениях. В 1741 году Ванька перешел на службу к полиции и помог ей взять под контроль московскую преступность — а попутно так прославился лихоимством и беззаконием, что лишился покровительства власти и в 1755 году был осужден на вечную каторгу. Среди будто бы сочиненных им песен особенно известна «Не шуми, мати зеленая дубровушка»:

Что умел ты воровать, умел ответ держать,
Я за то тебя, детинушка, пожалую
Серели поля хоромами высокими,
Что двумя ли столбами с перекладиной...

«Благородным» в русском смысле, то есть справедливым и щедрым, фольклор считал не мерзавца Каина, а куда более значительную личность — Стеньку Разина. Известно немало сочиненных пусть не им, но о нем песен, а легендам о зарытых им кладах и вовсе нет числа (странно, что Робин Гуд в этом плане никак не отметился). Восприятие Стеньки и других героев народных песен — Кондрата Булавина и Емельяна Пугачева — в России двойственно: если народная молва считала их разбойниками, то советская историография превратила в идейных революционеров. Та же метаморфоза произошла с другими народными бунтарями, действовавшими на просторах бывшего СССР. Это и Устим Кармелюк, предводитель восстания «опришков» в Правобережной Украине, застреленный из засады в 1835 году. И якут Василий Манчары (Федоров), отбиривший добро у богачей и раздававший бедным; он умер в 1870 году после многих лет тюрьмы и, что характерно, тоже сочинял песни. И Тадас Блинда, «литовский Робин Гуд», убитый в пьяной драке в 1877 году. И крестьянин Арсен Одзела — швили из Марабды, возглавивший отряд «пиралов» (разбойников), — его убили в 1840 году, и уже через несколько лет вся Грузия распевала баллады о нем.

Предания о благородных разбойниках известны и в Западной Европе. В Германии их героем был Михаэль Кольхаас (Кольхаузе), ставший в 1810 году героем драмы Генриха фон Клейста. Этот саксонский торговец лошадьми в 1532 году ушел в разбойники, чтобы отомстить своему

обидчику — местному феодалу. В итоге суд с чисто немецким педантизмом приговорил Кольхааса к смерти за разбой, но заставил феодала выплатить компенсацию его родным. Швейцарца Вильгельма Телля с Робинем сближает слава меткого стрелка; по легенде, Телль возглавлял восстание швейцарских горцев против Габсбургов в конце XIII века, но реальное существование его не доказано. Во Франции среди прочих был знаменит разбойник Картуш (Луи Бургиньон), прозванный «ночным королем Парижа», — его подвергли колесованию в 1721 году. В богатой разбойниками Италии местным «Робин Гудом» был Фра Дьяволо (Микаэле Пецца), повешенный в Неаполе французами в 1806 году. Об этом отчаянно смелом бандите повествуют множество народных баллад, роман Александра Дюма и опера Даниэля Обера. Героями легенд в Италии становились многие бандиты, заканчивая знаменитым Сальваторе Джулиано, который боролся за независимость Сицилии и сам себя называл «сицилийским Робин Гудом». Популярность Джулиано сошла на нет в 1947 году, когда его боевики по заказу фабриканта расстреляли рабочую демонстрацию. Три года спустя 27-летний мафиозо, ставший позже героем романа Марио Пьюзо «Сицилиец», был застрелен карабинерами из засады.

На востоке Европы легенд о благородных разбойниках тоже немало. В Словакии и Польше знаменит Юрай Яношик, повешенный военным судом в 1713 году; в песнях говорилось, что он «у богатых брал, бедным отдавал». В Венгрии бетяр (разбойник) Шандор Рожа в 1848 году со всем своим отрядом вступил в повстанческую армию, воевавшую с оккупантами-австрийцами, и после подавления восстания вернулся к своему ремеслу; он умер в одиночной камере крепости Терезиенштадт в 1878 году. «Румынский Робин Гуд» Пинтя Храбрый, лишенный наследства сын помещика, возглавил армию крестьян, захватившую в 1703 году ряд городов Трансильвании, но в решающем сражении с врагами его сразила пуля. На Балканах в годы турецкого владычества народ сочинял песни про разбойников-гайдуков, а в Греции — про клефтов; те и другие не только грабили богачей (как турок, так и своих соотечественников), но и помогали беднякам — в первую очередь, конечно, своим многочисленным родственникам.

Знаменитые разбойники были и на Востоке; в Иране еще в раннем Средневековье славился разбойник (айяр) Самак, подобно Робин Гуду, прощенный шахом и поступивший к нему на службу. Еще популярнее был герой тюркских народов Кёроглы (Короглу, Гуругли и т. д., что означает «сын слепого»). Его отца без всякой вины ослепил местный феодал, и Кёроглы, собрав отряд удальцов, начал мстить обидчику, пережив

множество приключений; он был не только смелым воином, но и непревзойденным певцом-ашугом. Реальное существование его сомнительно, как и «корейского Робин Гуда» Хон Гиль Дона, героя популярного романа, написанного на рубеже XVI–XVII веков. Хон Гиль Дон, незаконный сын аристократа, обиженный тираном-отцом, поклялся мстить всем богатым и раздавать их добро бедным. Помилованный императором, он был назначен ни много ни мало военным министром, но понял, что не может облегчить жизнь бедняков, и удалился на покой. «Японским Робин Гудом» называли непобедимого ниндзя Исикава Гоэмона, который тоже раздавал награбленное добро простолюдинам. Около 1592 года он попытался убить самого правителя страны Хидэёси Тоётоми, но был схвачен и казнен — заживо сварен в кипятке.

Конечно, без своего Робин Гуда не могла обойтись и переполненная бандитами Америка. На эту романтическую должность претендовали многие, в том числе Билли Кид (Уильям Маккарти) — кровавый преступник, за 22 года жизни убивший 22 человека и застреленный в 1881 году шерифом Гарретом. Другой претендент — Джесси Джеймс, почти 20 лет грабивший банки на американском Юге. Он был убит в 1882 году членом своей же шайки, польстившимся на обещанную властями награду. Обоих сравнивали с шервудским разбойником: Билли грабил белых и раздавал деньги мексиканцам, а Джесси подарил бедной вдове 800 долларов, чтобы она уплатила долг банкиру. Последним, кого называли «американским Робин Гудом», был «враг общества номер один» Джон Диллинджер, который терроризировал Средний Запад в годы Великой депрессии. В июле 1934 года его изрешетили пулями агенты ФБР. Как и другие претенденты, Диллинджер прославился прежде всего благодаря своей дерзости и хладнокровной жестокости; награбленные деньги он раздавал разве что торговцам спиртным и проституткам.

То же можно сказать про многочисленных бандитов, воспетых в фольклоре Мексики и других латиноамериканских стран. Исключение составляют Эмилиано Сапата и Панчо Вилья, в годы Мексиканской революции выросшие в настоящих народных вождях; первый был предательски убит в 1919 году, второй — в 1923-м. Еще один «Робин Гуд», на сей раз чилийский, — Хоакин Мурьета, воспетый в кантате Пабло Неруды и рок-опере Алексея Рыбникова. Не преуспев в добыче золота в Калифорнии, этот предприимчивый иммигрант возглавил шайку, нападавшую на белых поселенцев, — по легенде, те изнасиловали и убили его жену Тересу. В конце концов Мурьета (это прозвище означает «печальный») был застрелен отрядом самообороны, а его голову в банке со

спиртом еще долго показывали зевакам за деньги.

Бразилец Лампиан (что значит «керосиновая лампа», его настоящее имя — Виргулино Феррейра) 20 лет терроризировал со своей шайкой северо-восток страны, отбирая добро у местных богачей, которые убили его отца, и раздавая бедным. В 1938 году предатель выдал его полиции; в неравном бою погибли сам разбойник, его верная подруга Мария Бонита и большинство бандитов. В Бразилии Лампиан до сих пор популярен не меньше, чем Робин Гуд в Англии — ему посвящены песни, фильмы, комиксы и даже глиняные куклы-свистульки, до чего англичане конечно же не додумались.

В XX веке славу Робин Гуда разделили такие идейные революционеры, как Нестор Махно и Эрнесто Че Гевара. В результате и самого Робина стали считать приверженцем революционных, чуть ли не коммунистических взглядов, убежденным врагом короля и феодалов. Однако народные предания не дают для этого никакого основания — в них разбойник искренне предан монархии и никак не пытается изменить существующий строй. Его протест направлен против отдельных представителей знати и церкви, прежде всего тех, кто обидел его самого или его друзей. Похоже, такими же были и его исторические прототипы, что нетрудно понять — все они были плотью от плоти средневекового общества и никак не могли выйти за пределы свойственных ему мнений и норм.

Выдающийся британский историк Эрик Хобсбаум в своей книге «Бандиты» (1970) назвал Робин Гуда образцом «социального бандита» — так он назвал тех преступников, кто не просто зарился на чужое добро, но выражал стихийный протест бедняков против социальной несправедливости. Хобсбаум писал: «Социальные бандиты — это крестьяне, которых помещики и государство считают преступниками, но которые по-прежнему пребывают внутри крестьянского общества, где их рассматривают как героев, мстителей, борцов за справедливость, даже вожаков — то есть как тех, кем восхищаются, кому помогают, кого поддерживают. Отношения между обычными крестьянами и повстанцами, изгоями, разбойниками — самое интересное в феномене социального бандитизма»^[69].

В длинном списке своих героев Хобсбаум выделяет Робина как представителя категории «благородных разбойников» (две другие категории — «мстители» и «бунтари»). Для этой группы социальных бандитов характерно все то, чем знаменит Робин Гуд: раздача бедным имущества богачей, нежелание убивать иначе как для самозащиты,

знакомство с королем, который прощает его и берет на службу. У всего этого имеется общая причина: благородный разбойник не отвергает власть богатых и их законы — напротив, он требует соблюдения этих законов как «данных от Бога» и поэтому «представляет чрезвычайно примитивную форму социального протеста». Настолько примитивную, что Робин, по мнению историка, является не реальным лицом, а мифом, образцом для подражания. В народном восприятии он живет всегда, не рождаясь и, значит, не умирая. Другая его важная черта — неотъемлемая, несмотря на все легенды о знатном происхождении, принадлежность к крестьянству. Миф о Робин Гуде мог родиться только в крестьянской среде с ее жаждой справедливости, суеверностью и наивным монархизмом.

Построения Хобсбаума сразу же подверглись критике. Указывалось, что образ действий Робина не так уж примитивен — он характерен именно для периода разложения феодализма. Легенды о благородном разбойнике в Англии, как и в других странах, могли сочинять и слушать не только крестьяне, но и представители других социальных групп. К тому же Робин — не крепостной крестьянин, а йомен, а для этого сословия характерны свои, не вполне крестьянские идеи и представления. Но главное автор «Бандитов» угадал верно: шервудский атаман не стремится к революции, а всего лишь защищает закон от его преступного служителя — шерифа Ноттингемского. Разобравшись в его намерениях, король прощает Робина и делает его своим доверенным слугой — с точки зрения йоменов, итог вполне закономерный. К этому же стремились участники восстаний Уота Тайлера и Джека Кэда, выдвигавшие лозунг «законного мятежа» (*legitimate rebellion*).

Власть думала иначе — для нее любой мятеж был незаконным, и головы его участников в конце концов оказывались выставлены на Лондонском мосту. Баллады о Робин Гуде так и остались народной мечтой, добавившей к идиллии лесного братства социальную фантазию о союзе короля с его народом против общих врагов — жадных чиновников и неправедных судей.

Глава пятая

ЛЕГЕНДА ПРОДОЛЖАЕТ ЖИТЬ

Последние баллады о Робин Гуде были сложены в XVII веке, незадолго до буржуазной революции, которая бесповоротно изменила облик Англии. К тому времени благородный разбойник прочно обосновался не только в народной, но и в официальной культуре. Если в средние века он представлял только простой народ, противостоящий знати и церковной верхушке, то теперь сделался выразителем чувств и идеалов всех англичан. Неслучайно в период острой идейно-религиозной борьбы, закончившейся революцией, ораторы и публицисты враждующих партий пытались зачислить Робина в ряды своих сторонников. Одним из проявлений этого была «Подлинная история» Мартина Паркера, где, как уже говорилось, разбойник пылал такой ненавистью к католической церкви, что лично кастрировал блудливых монахов. При этом Робина часто считали выразителем вольного «народного духа», противостоящего как католическому гнету, так и пуританской нетерпимости. Таким его вывел в своей пасторали «Печальный пастух» (1641), знаменитый поэт и драматург Бен Джонсон.

Пуритане и правда выступали против всего, что связывалось с именем Робина — майских игр, веселья, винопития и танцев. В то же время и они были не прочь воспользоваться популярностью разбойника в своих целях. Перед выборами в парламент в 1640 году они даже создали «Робинову партию», выдвинув кандидатом от нее «пуританского джентльмена Александра Попхэма, достойного, по мнению многих, зваться Робин Гудом, поскольку он был объявлен вне закона за долги». Попхэм выборы проиграл, но его однопартийцы (один из них имел прозвище Маленький Джон) попали в парламент и присоединились к противникам короля. В результате уже через полгода Карл I Стюарт бежал из взбаламученного Лондона на север. Его временной резиденцией, что интересно, стал Ноттингемский замок; тем самым король невольно отождествил себя с ненавистным шерифом легенды — и как знать, не предопределило ли это его поражение?

В январе 1649 года Карл I был обезглавлен, и в Англии воцарилась пуританская диктатура Кромвеля. Вместе с Пасхой и Рождеством новая власть запретила как «богомерзкое язычество» майские игры со всеми их

атрибутами, включая Робин Гуда. Однако баллады о разбойнике продолжали печататься и даже умножили свою популярность — как враг феодалов и церковников Робин весьма импонировал сторонникам революции. В разных местах вопреки запрету в мае чествовали Робина и девицу Мэриан, причем в праздниках принимали участие и офицеры республиканской армии; такой праздник состоялся, например, в 1652 году в деревне Энстон в Оксфордшире. Робин не утратил популярности и после реставрации Стюартов в 1660 году. Теперь его считали символом «старой веселой Англии», вновь расцветшей после пуританских строгостей. Именно тогда в Ноттингеме, жители которого втайне оставались роялистами, была написана пьеса «Робин Гуд и его отряд солдат». Там к Робину, командиру батальона кромвелевской армии, являлся посол от шерифа Ноттингема с известием о возвращении короля. После недолгих колебаний бывший разбойник подчинился законному монарху и обещал отныне жить честным трудом.

Рубеж XVII–XVIII столетий стал временем наибольшего распространения баллад о Робин Гуде. Чаще всего их выпускали в виде «листочков» (*broadside*); когда на ярмарке или уличном перекрестке вокруг уличного певца собиралась толпа, его подручные-мальчишки бойко торговали текстами песен. Часто баллады сокращались, чтобы их можно было уместить на листе бумаги, куда иногда помещали и рисунки, как на русских лубках. Листки выпускались в огромных количествах — в 1660-е годы ежегодно продавалось до шестисот тысяч штук — и так же быстро выходили из оборота. Они дошли до нас благодаря тому, что их коллекционировали образованные люди, вроде графа Оксфорда и известного мемуариста Сэмюэла Пипса, оставившие свои собрания потомкам. Тексты публично исполняемых баллад требовалось утверждать в Регистре зрелищ, основанном в 1557 году; уже через год там появилась «баллета о Грине из Уэйкфилда» — очевидно, версия баллады о Робине и веселом гуртовщике.

Начиная с середины XVII столетия новые баллады о Робин Гуде регистрировались каждые два-три года, да и вообще число листочков постоянно множилось благодаря растущей грамотности населения. Появилась новая форма — *garland*, что буквально означает «гирлянда», небольшая книжечка-песенник с текстами нескольких баллад на одну или разные темы. Главной робингудовской «гирляндой» стала поэма Мартина Паркера, доступно пересказавшая всё, что было к тому времени известно о благородном разбойнике. Простой, но не вульгарный язык поэмы говорит, что ее читателями были не завсегдатаи питейных заведений, а более-менее

образованные люди — студенты, клерки, торговцы. Вся эта публика никогда не была в северных лесах и считала их жителей неотесанными деревенскими увальнями. Сочинителям баллад приходилось приспособливаться к вкусам клиентуры, делая Робина все менее суровым и все более забавным. В «гирляндах» не было, к примеру, кровавого «Робин Гуда и Гая Гисборна», зато присутствовал весь комплект потешных поединков атамана с гончарами, кожевниками и торговцами, которые, без сомнения, охотно слушали и покупали такие произведения.

Именно тогда окончательно оформились тексты большинства известных ныне баллад и сложился робингудовский «корпус», вошедший позднее в собрание Чайлда. Его основу составила впервые изданная в 1663 году «Гирлянда о Робин Гуде» (*Robin Hoods Garland*), в которую вошли 17 баллад. Она переиздавалась с разными дополнениями вплоть до конца XVIII века, когда ее заменило похожее издание под названием «Английский стрелок» (*The English Archer*). Однако новые фольклорные произведения появлялись все реже, а те, что появлялись, были напрочь лишены художественных достоинств. Последней стала баллада «Робин Гуд и герцог Ланкастер», сочиненная в 1727 году неизвестным журналистом исключительно для высмеивания непопулярного премьер-министра Роберта Уолпола.

Вместе с британскими колонистами баллады о Робин Гуде пересекли океан, очутившись в Америке и Австралии, где фольклористы записывали их уже в XX веке — обычно в сильно измененном виде, мало напоминающем оригинал. Например, злобный принц Арагона в американском варианте стал «принцем Орегона» — согласно балладе, так звали вождя индейцев, с которым враждовал Робин Гуд, очень похожий здесь на куперовского Кожаного Чулка. Записанная в канадской провинции Новая Шотландия версия баллады «Путь Робин Гуда в Ноттингем» с особой кровожадностью изображала избиение героем лесников:

Но храбрый Робин пустил стрелу
И голову его рассек пополам,
Но Робин пустил другую стрелу
И ногу ему отстрелил, трам-пам-пам...

В колониях балладная традиция оставалась грубой, неуклюжей, но живой, в то время как в Англии она бесповоротно умирала. Устарели не только язык баллад, но и связанные с ними реалии — рыцарские замки,

отряды лучников, йомены и монахи. Промышленный переворот извел вековые дубы Шервуда и Барнсдейла на топливо для фабрик, проложил дороги сквозь лесную глушь, превратил вольных охотников в рабочих, за гроши гнувших спину на хозяина. В XVIII веке легенды о Робин Гуде (как и о короле Артуре) подверглись почти полному забвению — простой народ помнил их только в виде сюжета майских игр, а новой Англии клерков и дельцов до них и вовсе не было дела. Правда, в 1757 году в Лондоне возникло «общество Робин Гуда», где сходились для дискуссий представители разных религий и политических партий, а позже именем разбойника была названа одна из масонских лож. В обоих случаях Робин Гуд был просто символом свободомыслия; в лондонском обществе о нем напоминали лишь зеленый плащ председателя и лук, висящий на стене комнаты, где проходили встречи.

Память о благородном разбойнике хранили только две категории населения. «Артисты», то есть поэты и художники, искали в его приключениях источник вдохновения, а ученые — историческую истину. Один из последних, епископ Дромора в Ирландии Томас Перси (1729–1811), случайно спас из горящего дома в шропширской деревне рукописный сборник XVII века, известный как «фолиант Перси». На его основе была создана книга «Памятники древней английской поэзии» (*Reliques of Ancient English Poetry*), вышедшая в свет в 1765 году. В числе прочих сочинений, написанных с IX по XVII век, в нее вошли семь баллад о Робин Гуде. Сохраненный Перси манускрипт до сих пор остается одним из главных — наряду с «манускриптом Лесников» — сборником ранних баллад о Робин Гуде, однако научные заслуги епископа потомки оценили невысоко. Особенно раздражало историков его стремление «улучшить» текст, убирая из него устаревшие или слишком грубые выражения. Кроме того, епископ Перси по своему разумению изменил названия некоторых баллад; например, балладу «Робин Гуд и отчаянный монах» он назвал «Робин Гуд и брат Тук», видимо, зная, что в майских играх два этих персонажа участвовали вместе.

Одним из первых критиков работы Перси стал известный историк Джозеф Ритсон (1753–1803). В 1795 году он выпустил собственное издание баллад под длинным, в духе времени, названием «Робин Гуд. Коллекция всех дошедших до нас старинных поэм, песен и баллад, повествующих о прославленном английском разбойнике». В отличие от Перси Ритсон собрал и опубликовал не старинные баллады вообще, а только те из них, что имели отношение к Робин Гуду, и к тому же попытался дать их научное обоснование. В 12-страничной предисловии к книге под названием «Жизнь

Робин Гуда», а также в подробных примечаниях, занимавших 117 страниц, ученый методично и добросовестно изложил все, что было известно к тому времени о Робин Гуде и его эпохе. Интересно, что позже он выпустил аналогичное исследование о короле Артуре — два любимых народных героя по-прежнему соседствовали в сознании англичан.

Труд Ритсона на протяжении многих лет был последним словом науки в отношении прославленного разбойника; им, в частности, руководствовался Вальтер Скотт, когда писал «Айвенго». Его влияние отразилось и на отношении общества к Робин Гуду. Ученый был радикалом и сторонником Французской революции, поэтому его Робин из обычного разбойника превратился в убежденного революционера, «человека, который в варварский век гнетущей тирании имел гордый дух свободы и независимости, побудивший его посвятить себя народу и сделавший его имя бессмертным»^[70]. Однако Скотт и другие авторы, писавшие о Робине в XIX веке, напротив, придерживались консервативных убеждений, поэтому их герой главным образом боролся не с феодальным гнетом, а с чужеземными захватчиками — нормандскими баронами. Это заставило писателей, поверив Джону Мейджору, отодвинуть время жизни Робина от XIII века, о котором говорил Ритсон, к XII, когда нормандское завоевание еще было незажившей раной.

В «Айвенго» Робин Гуд играет вспомогательную, но важную роль, помогая героям взять штурмом замок барона-разбойника Реджинальда Фрон де Бефа. Есть там и описанный в балладах эпизод победы Робина на состязании стрелков в Ноттингеме, только у Скотта судьей этого состязания выступает не шериф, а сам принц Джон. Большую часть романа разбойник проходит под прозвищем Робина Локсли и только потом обретает свое настоящее имя. В примечаниях (опущенных в русском переводе) автор комментирует это так: «Из баллад о Робин Гуде мы знаем, что этот знаменитый разбойник, не желая быть узанным, назывался иногда именем Локсли от селения, в котором был рожден». Надо сказать, что под этим именем Робин выступает только в поздней балладе «Робин Гуд и королева Кэтрин», а уроженцем Локсли его впервые назвал около 1600 года «манускрипт Слоуна».

Робин Гуд Скотта — патриот и монархист, покорно преклоняющий колени перед Ричардом Львиное Сердце. Но он же — революционер, всегда готовый мстить феодалам и восклицающий после взятия нормандского замка: «Радуйтесь, йомены: гнездо тиранов разрушено!» Читатели расстаются с ним у знаменитого старого дуба в Шервуде, где разбойники праздновали победу вместе с королем Англии. На радостях тот простил им

все прегрешения и даже будто бы обещал отменить жестокий «лесной закон» — на самом деле, как признает Скотт, этот закон был смягчен как раз в правление Иоанна Безземельного, нарисованного в романе сплошь черной краской. Автор сообщает и о дальнейшей судьбе своего героя, хотя читателям она наверняка была известна: «Что до Робин Гуда, его дальнейшей судьбы и смерти от руки предателя, — рассказ обо всем этом можно найти в старинных песенках, отпечатанных готическими буквами, которые когда-то продавались по полупенни за штуку. Теперь они дороже золота».

Небывалый успех «Айвенго» — всего за полгода после своего выхода в 1819 году роман был трижды переиздан и шесть раз поставлен на сцене — открыл новую эпоху популярности Робин Гуда, теперь уже не только британской, но и европейской: ведь произведения Скотта переводились во многих странах, включая Россию. В 1826 году в Петербурге вышел перевод «Айвенго» под названием «Ивангое, или Возвращение из крестовых походов». Три года спустя эта книга попала в библиотеку Пушкина, который оставил на ее страницах автограф и рисунок с изображением пяти казненных декабристов. Но пушкинисты считают, что поэт прочел «Айвенго» еще раньше, в 1820 году, когда появился французский перевод романа. Под его влиянием известный историк Огюстен Тьерри в своей книге «История завоевания Англии нормандцами» (1825) объявил Робин Гуда англосаксонским патриотом, боровшимся против захватчиков, перенеся при этом его деятельность из XII века во времена Вильгельма Завоевателя, — эта версия, несмотря на ее полную неисторичность, до сих пор имеет сторонников.

Вскоре после выхода «Айвенго», в 1822 году, известный писатель Томас Лав Пикок издал роман «Дева Мэриан», где, следуя версии Мандея, изобразил Робина и его возлюбленную борцами против тирании принца Джона. В романе Роберт Фиц-Уз, наследник графства Хантингдон, вступает за юную Матильду Фицуолтер, любви которой домогается распутный принц. Когда армия Джона берет штурмом замок Арлингфорд, где укрывались влюбленные, они скрываются в лесу, где Роберт становится Робин Гудом, Матильда — Мэриан, а ее исповедник Майкл — братом Туком. Назвавшись разбойниками, они, однако, никого не грабят, а борются за справедливость — спасают от смерти несправедливо осужденного Уилла Скарлета, отдают Алан-э-Дейлу отнятую у него невесту и т. д. В отличие от мрачного Мандея Пикок не убивает своих героев, а оставляет их жить в лесной идиллии Шервуда; ведь его роман — не историческая драма, а бурлескная сатира, где рыцари, монахи и вольные стрелки наперебой

сыплют грубоватыми шутками, а главный отрицательный герой, принц Джон, весьма напоминает нелюбимого либералами герцога Веллингтона.

В те же годы шервудский атаман стал героем написанной в подражание балладам поэмы Ли Ханта «Как Робин и его разбойники жили в лесу» и стихотворения Джона Китса «Робин Гуд». Великий поэт-романтик сделал Робина символом милой ему патриархальной Англии, быстро исчезающей под натиском прогресса. Посетив в 1818 году Ноттингем, Китс увидел лишь жалкие остатки знаменитого леса, сведенного на топливо и корабельную древесину:

Если б добрый Робин Гуд
Появился снова тут
Вместе с девой Марианной,
Из могилы встав нежданно,
Он сломал бы в гневе лук.
Пни да пни торчат вокруг,
А стволы дубов зеленых —
Щепки в пасти волн соленых^[71].

Викторианская эпоха, тщательно изгонявшая из литературы и самой жизни все грубое и неприличное, препарировала и баллады о Робин Гуде, превратив их в невинные детские сказки. Первый сборник таких сказок вышел отдельным изданием в 1840 году: это была книга Пирса Игена «Робин Гуд и Маленький Джон, или Удальцы из Шервудского леса», ставшая настоящим бестселлером. Правда, детям ее решились дать не сразу, поскольку творение Игена в полной мере отразило влияние готической прозы. Критик Кевин Карпентер описал его так: «Ужасные битвы, страшные увечья, насильственные смерти, внебрачные связи, ночные похищения, мрачные темницы и завывающие готические духи».

Успех Игена породил многочисленные подражания, среди которых были газетные романы с продолжением «Дева Мэриан, лесная королева» Дж. Стокелера и «Маленький Джон и Уилл Скарлет» У. Смита. Эти бесконечные повествования, известные под названием «ужастики за пенни» (*penny dreadfuls*), предназначались для не слишком разборчивых читателей из городских низов; должно быть, их охотно читали герои Диккенса. Образцом подобной «литературы» был и кровавейший сериал Т. Преста и Дж. Раймера «Варни-вампиры», породивший позже «Дракулу» Брэма Стокера и опосредованно — всю современную «вампириану».

Бульварные произведения о Робин Гуде не имели столь славного продолжения и заслуженно канули в Лету, хотя многие их детали перекочевали в позднейшие романы и особенно фильмы. Самые распространенные — красотки в охотничьих бриджах в обтяжку, древние лесные духи и псевдосредневековые диалоги: «О, будь ты проклят, холоп чернейшей масти!»^[72]

Во второй половине XIX века слава Робин Гуда пересекла Ла-Манш — прославленный Александр Дюма-отец сочинил два романа о разбойнике, изданные посмертно в 1872–1873 годах. Первый из них назывался «Робин Гуд, принц воров» (*Robin Hood, prince des voleurs*), второй — «Робин Гуд вне закона» (*Robin Hood le proscrit*). Фактически эти книги были переводом романа Игена, по которому Дюма просто прошелся рукой мастера и, как обычно, поставил на обложке свое имя. Творческий вклад автора «Трех мушкетеров» свелся к тому, что матерью героя он сделал француженку, а одному из персонажей (увы, злодею) дал имя Ритсон в честь историка, труд которого прочел для ознакомления с темой. Вдобавок он усилил в романах лирическую тему, сделав главной темой разрушающую все препятствия любовь Робина к Марианне, а ее брата Аллана — к благородной леди Кристабель Фиц-Олвин. Дюма вслед за Игеном объявил своего героя наследником графства Хантингдон по имени Роберт Фиц-Уз, соединив тем самым версии Мандея и Стакли, к удовольствию викторианской публики, обожавшей истории о молодых аристократах, лишенных наследства и обретающих его вновь после множества приключений.

Истории о Робин Гуде окончательно адаптировал для детского чтения американец Говард Пайл, выпустивший в 1883 году книгу «Веселые приключения прославленного Робин Гуда в Ноттингемшире». Пайл был превосходным иллюстратором, и англо-американский мир до сих пор видит персонажей баллад его глазами. Литературные достоинства книги слабее художественных: там многовато фей, цветов и сентиментальных сцен в викторианском вкусе. Однако в свое время сочинение Пайла имело шумный успех и вызвало множество подражаний. Его ученики Н. С. Уайет и Луис Рейд создали свои иллюстрированные версии приключений Робин Гуда, также ставшие классическими. С годами в разных странах, прежде всего в Англии и США, появлялись все новые переложения легенд о Робине для детей. Чтобы хоть как-то разнообразить их содержание, авторы соединяли сюжеты баллад с пьесами Мандея, романом Скотта и даже с драмами Шекспира, который тоже, как мы знаем, был не чужд робингудовской теме.

Почти одновременно с книгой Пайла, в 1882 году, другой американец

по имени Фрэнсис Джеймс Чайлд впервые осуществил почти полное издание старинных английских баллад в десяти томах, которые потом объединились в пять. В пятом (позже третьем) томе коллекции были опубликованы баллады о Робин Гуде, включая несколько примыкающих к ним. Обычно считается, что Чайлд опубликовал 38 фольклорных произведений о Робин Гуде, но к ним можно добавить баллады «Вилли и дочь графа Ричарда» и «Алая Роза и Белая Лилия», в других вариантах связанные со знаменитым разбойником. За пределами собрания остались только поздние и явно вторичные баллады, наподобие «Робин Гуда и его отряда солдат».

В те же годы Робин неожиданно сделался звездой нового жанра — мюзикла. Еще в XVIII веке в Англии ставились комические пьесы о разбойнике с музыкой и танцами, выросшие из майских игр, но они были крайне незамысловатыми, рассчитанными на примитивные вкусы. В викторианскую эпоху появилась новая разновидность пьес, рассчитанная скорее на детей, — там Робин и его друзья переживали всевозможные приключения в волшебном лесу. Словно для большего сходства с «Алисой в стране чудес» главного героя часто играла девушка. С диалогами авторы обычно испытывали затруднения, поэтому нередко пьесы обходились вообще без речей. Место слов занимала музыка, особенно на американской сцене, где и возник мюзикл как особый жанр. Уже в 1890 году на Бродвее состоялась премьера комической оперы Реджинальда де Ковена на музыку Гарри Смита «Робин Гуд», имевшей большой успех и исполнявшейся вплоть до 1944 года. Стержнем сюжета де Ковен сделал соперничество Робин Гуда и Гая Гисборна — этот последний, изображенный, как обычно, злодеем, пытался отобрать у Робина не только поместья графа Хантингдона, но и прекрасную Мэриан.

Эту коллизию американский автор заимствовал у самого автора «Королевских идиллий» Альфреда Теннисона, который за несколько месяцев до смерти, в 1892 году, закончил пьесу «Лесные жители» о Робин Гуде. Пьеса была поставлена и тепло принята в США, а вот в Англии особого успеха не имела, как и мюзикл де Ковена, получивший на британской сцене название «Дева Мэриан». К тому времени в Лондоне уже был поставлен свой «Робин Гуд» — оперетта мастера музыкальной комедии Артура Салливана.

С годами Робин Гуд набирал популярность, уверенно превращаясь из британской «звезды» в мировую. Почему так случилось? Как уже говорилось, он воплощал мечты среднего обывателя, скованного условностями и житейскими проблемами, о свободе, романтике и

приключениях. То же делали и другие разбойники, популярные в массовой культуре, но Робин выгодно отличался от них. Во-первых, усилиями викторианских авторов он избавился от всех отрицательных качеств и стал идеалом, образцом для подражания. Во-вторых, был униженным аристократом, жертвой несправедливости и борцом с ней. В-третьих, обладал неотразимым обаянием, сочетая в себе красоту, силу, благородство и чувство юмора. В-четвертых, умел дружить и никогда не бросал в беде не только своих стрелков, но и всех, кто когда-то помог ему. К этому можно добавить обаяние места действия баллад — девственного леса, на который горожане нового времени смотрели уже не со страхом, а с умилением и ностальгией. Столь же обаятельной была родина Робина, «старая веселая Англия», страна Шекспира и Диккенса, через призму творчества которых читатели других стран воспринимали робингудовскую легенду.

В бурном XX столетии история Шервудского разбойника не утратила популярности, но в ней заметно сместились акценты — на первое место вышли не «веселые приключения» в викторианском духе, а борьба за свободу и права угнетенных. Пионером здесь, что естественно, выступила советская Россия, где до революции упоминания о Робин Гуде исчерпывались пересказами английских детских книжек. После революции «Баллады о Робин Гуде» первым делом были включены в план созданной М. Горьким в Петрограде серии «Всемирная литература», призванной «познакомить трудящихся с величайшими памятниками литературы прошлого». К переводу баллад были привлечены такие первоклассные поэты, как Николай Гумилев (он стал и редактором сборника), Георгий Иванов, Георгий Адамович, Всеволод Рождественский, а также литературовед Адриан Пиотровский.

Книга вышла осенью 1919 года; ее предваряло предисловие самого Горького, который сообщал читателям, что «Робин Гуд жил в конце XII века, предположительно в 1180–1200 гг., в Англии, в огромном лесу Тир-Вуд, графства Норк»^[73]. За этими невесть откуда взявшимися сведениями следовало вполне резонное замечание: «Для нас не важно — кем рожден Робин Гуд и каков он был в действительности, важно — чем наделила его от щедрот своей души народная масса, и по сей день воплощающая свое лучшее не в жизнь, а куда-то вне ее». Далее говорится о майских играх, в которых «вместе с саксами участвовали и потомки победителей-норманнов, не зная уже о том, как страшен был Робин Гуд для их предков». Пересказав историю о кончине Робина, Горький добавляет: «После его смерти шайка, душою и главою которой он был, рассеялась. Маленький Джон... побуждаемый желанием продолжать борьбу против норманн, переехал в

Ирландию, чтобы принять там участие в восстаниях ирландцев». Предисловие завершалось довольно неожиданным финалом: «Русский народ, двести пятьдесят лет изнывавший под игмом татар, не создал или не сохранил в памяти своего сердца героя, подобного веселому Робин Гуду».

В сборник «Всемирной литературы» включены переводы семи песней «Малой жести» и еще пяти баллад. Все они выполнены качественно и близко к оригиналу, хотя не исключено, что переводчиков больше занимали не красоты стиля, а паек, выделенный благодаря хлопотам Горького голодающим авторам «Всемирной литературы». Больше половины (семь из двенадцати) текстов, вошедших в книгу, перевел 24-летний Всеволод Рождественский, ученик Гумилева, две баллады — сам Гумилев, остальные участники проекта ограничились одной балладой каждый. Сборник так и не смог познакомить широкие массы советских читателей с приключениями «веселого Робин Гуда». Из-за нехватки бумаги он был издан небольшим тиражом, а через два года его и вовсе изъяли из продажи после расстрела Николая Гумилева. Вскоре два переводчика — Г. Иванов и Г. Адамович — эмигрировали за границу, а еще один, А. Пиотровский, стал жертвой репрессий, после чего о сборнике окончательно забыли. Только в 1988 году часть баллад из него была опубликована в сборнике «Английская и шотландская народная баллада».

Тем не менее «социальный заказ» на истории о Робин Гуде, воспевающие борьбу народа против феодалов, сохранялся. В 1940 году за перевод баллад взялась вернувшаяся в Советский Союз после долгих лет на чужбине Марина Цветаева. Печатать собственные стихи ей не разрешали, но она заключила с издательством «Интернациональная литература» договор на переводы поэзии с разных языков. В их числе была и книга о Робин Гуде, куда предполагалось включить около десятка баллад. К началу войны Цветаева успела перевести только две из них — «Робин Гуд и Маленький Джон» и «Робин Гуд спасает трех стрелков». После ее отъезда в эвакуацию и трагической гибели эти стихотворения сохранились в архиве поэтессы и были опубликованы только в 1964 году.

После окончания войны за перевод легенд о Робин Гуде взялся еще один замечательный переводчик — Самуил Маршак. Его переводы баллад «Рождение Робин Гуда», «Робин Гуд и мясники» и «Робин Гуд и шериф» (та же история о спасении стрелков) впервые появились на страницах детского журнала «Пионер» в 1946 году. В 1950-е годы ведущим переводчиком баллад стал Игнатий Ивановский, выпустивший в издательстве «Детская литература» пять книг, в которых содержались переводы двенадцати баллад и двух песней «Малой жести». Будучи учеником Маршака, Ивановский

блестяще передавал ритм и стилистику баллад, в то же время смягчая их грубоватую лексику и корректируя чересчур жестокие для детского чтения эпизоды. Например, из баллады «Робин Гуд и коварный монах» исчезло убийство Мачем юного слуги монаха.

К настоящему времени на русский язык переведено всего 18 баллад о Робин Гуде из сорока, включенных в собрание Чайлда. Однако новые переводы много лет не появлялись — мало кто решался конкурировать с именитыми предшественниками. Две баллады («Робин Гуд и Маленький Джон» и «Робин Гуд освобождает Вилла Статли») заново перевела Вера Потапова, но эти работы, несмотря на талант и опыт переводчицы, трудно назвать удачными. Сравнительно недавно книгу своих переводов английского фольклора, куда вошли и восемь баллад о Робин Гуде, издал переводчик из Тольятти Генрих Блонский. Эти переводы, разрекламированные автором как «самые точные из существующих», можно рассматривать только в качестве курьеза — в них не соблюдаются ни размер подлинника, ни «родные» имена и названия, ни даже правила русского языка. Вот как звучит у Блонского начало баллады «Рождение Робин Гуда»:

Наш Вилли, красавец и крепок в кости,
Довольно высокого рода,
У Ричарда-графа он службу нести
Нанялся с добычи похода.

Для сравнения приведем начало той же баллады в переводе Самуила Маршака:

Он был пригожим молодцом,
Когда служить пошел
Пажом усердным в графский дом
За деньги и за стол.

В чем-то новый перевод и впрямь точнее — у Маршака нет ни имен графа и его слуги, ни упоминания о «высоком роде» (*high degree*) последнего. Но это тот буквализм подстрочника, который при всей мнимой точности делает восприятие стихов почти невозможным. Кроме того, переводчику зачем-то понадобилось переименовать Барнсдейл в Банздель,

Херфорд — в Херифед и т. д. Если учесть, что все баллады, включенные в его книгу, уже были переведены другими авторами, то усилия Г. Блонского оказались потрачены впустую. Адекватный перевод всего корпуса баллад о Робин Гуде на русский язык остается делом будущего.

В нашей стране Робин Гуд стал популярным героем прежде всего благодаря прозаическим пересказам баллад. Самый популярный из них принадлежит перу детского писателя Михаила Гершензона — его повесть «Робин Гуд» вышла в 1936 году в Детгизе. Автор вслед за другими отнес деятельность своего героя к временам короля Ричарда, но конечно же сделал Робина не аристократом, а крепостным, восставшим против угнетения: «И для каждого пахаря, для виллана и для раба имя Робин Гуда, как тетива боевого лука, звенит надеждой на лучшие дни, звенит призывом к бою». То озорная, то печальная повесть Гершензона с талантливо переданным средневековым колоритом подружила с Робинем не одно поколение советских детей. В книгу вошли и стихотворные отрывки, включая весьма качественный перевод баллады «Смерть Робин Гуда».

Михаил Абрамович Гершензон сочинил также повесть о французском композиторе Госсеке, перевел «Сказки дядюшки Римуса» Джоэла Харриса и рассказы Вашингтона Ирвинга, писал популярные книги о математике... В годы войны этот многогранный автор ушел на фронт, где служил военным переводчиком. В августе 1942 года он был смертельно ранен в бою у деревни Петушки, поднимая батальон в атаку после гибели командира. Известный историк Наталья Басовская сказала о нем: «Он погиб как герой, успев написать своей жене слова о том, что он счастлив, что принял достойную смерть. Совершенно робингудовская романтическая ситуация!»

В послевоенные годы к книге Гершензона добавились пересказы преданий о Робин Гуде, выполненные Верой Марковой (в сборнике «В стране легенд»), Ириной Токмаковой и уже в недавние годы — Еленой Чудиновой. Из оригинальных произведений можно назвать только изданный посмертно (в 1995 году) роман «Тысячелетняя ночь» известной детской писательницы Софьи Радзиевской. В этом незаурядном произведении ярко выписаны герои — сам Робин, его соратники-крестьяне Гиг и Улл, его невеста Мериам, злой и уродливый дядя Робина Эгберт, отнявший у него наследственные владения. Следуя версии П. Игена и А. Дюма, автор дает Робину имя «Роберт Фицус, граф Гентингдонский», завершая роман его гибелью от руки тетки Беатрисы, не простившей племяннику дружбы с чернью.

Фигуру благородного разбойника не могли обойти вниманием и

авторы популярного сейчас жанра фэнтези. В 1993 году изданием романа о Робин Гуде «Меч и радуга» под псевдонимом «Мэделайн Симмонс» начала свою литературную карьеру известная представительница этого жанра Елена Хаецкая. В романе Анны Овчинниковой «Друг и лейтенант Робин Гуда» история Робина совмещена с модной темой путешествия из нашего времени в прошлое. Его герой, студент Иван Меньшов, попадает в Шервудский лес и становится помощником Робин Гуда по имени (естественно) Маленький Джон. Фантаст Юрий Никитин взглянул на сюжет легенды с другой стороны. В его романе «О доблестном рыцаре Гае Гисборне» настоящий герой — сэр Гай, отважно борющийся с организованной преступностью в лице Робина и его шайки. Что касается поэзии, то робингудовские мотивы часто встречаются в песнях групп и отдельных исполнителей, работающих в жанре фольклорного арт-рока — «Мельница», «Тол Мириам», «Шервуд». В альбом последней группы «Лукавая Джоанна» (2010) включена песня «Робин Гуд и скорняк» — вольный перевод баллады «Робин Гуд и кожевник», сделанный вокалистом Юрием Ивановым.

Конечно же в Англии и США художественных (и антихудожественных) произведений на робиновскую тему гораздо больше. В 1930-годы всплеск левых, антифашистских настроений породил романы, в которых Робин Гуд выступал в роли революционера, а его враги были воплощением реакции и мракобесия. Классический пример — роман для детей «Луки против баронов», написанный Джеффри Тризом (известным у нас по историческому роману «Фиалковый венец»). Автор, член компартии Великобритании, рассказал историю крестьянского мальчика Дикона, который бежал в лес от угнетателя-барона и вступил в отряд Робин Гуда. В финале Робин умирает, а его друзья клянутся продолжить борьбу и сделать англичан свободными. Правда, большинство произведений о разбойнике привычно избегали идейности, ограничиваясь пересказом традиционных легенд. Таковы вышедшие в 1956 году «Приключения Робин Гуда» Роджера Ланселина Грина — писателя, который позже пересказал для детей также предания о короле Артуре.

Начиная с 1980-х годов история Робин Гуда была всецело отдана на откуп авторам фэнтези. Гэри Блэквуд в романе «Лев и единорог» описал дружбу Робина с юным певцом Аланом-э-Дейлом, разрушенную соперничеством из-за любви. Саймон Грин создал новеллизацию фильма «Робин Гуд, принц воров», ставшую международным бестселлером. Известный романист Парк Годвин, посвятивший ряд книг королю Артуру, в дилогии «Шервуд» перенес Робина в правление короля Вильгельма Рыжего

и сделал его (что совсем не оригинально) борцом с нормандским игом. Артур снова идет рядом с Робинот: автор популярной «артуровской» трилогии Стивен Лохед выпустил недавно еще одну трилогию, о Робине — «Король-ворон» (2006–2009). В романах Лохеда действие перенесено в Уэльс, а сам герой становится потомком древних кельтов, сражающимся против завоевателей с помощью сверхъестественных существ. Те же существа активно вмешиваются в действие в романе Клейтона Эмери «Сказки о Робин Гуде» (1988). В романах Теренса Уайта «Меч в камне» и Питера Бигла «Последний единорог» Робин — эпизодический, но яркий персонаж, что-то вроде лесного духа, помогающего героям.

Неразрывная связь Робин Гуда с лесом, и конкретнее, с лесом английским, мешает авторам отправить его на другие планеты или перенести в современность, как не раз уже делали с тем же Артуром и его другом Мерлином. Новшества в основном сводятся к изменению взгляда на Шервудского атамана. Майкл Кэднам в романе «В темном лесу» (1999) излагает события с точки зрения шерифа Ноттингемского, а Тереза Томлинсон в трилогии «Лесная жена» — с позиции леди Мэриан, которая в духе феминизма вертит, как хочет, самим Робинот и всей его шайкой, а заодно учит, лечит и воспитывает их. Сегодня едва ли не большинство книг о Робин Гуде рассчитаны не на детей, а на женщин — от банальных «розовых» романов до весьма качественной дилогии Дженнифер Робертсон о любви сэра Роберта Локсли и леди Марианны — «Лесная леди» (1992) и «Госпожа Шервуда» (1999). Конечно, дети тоже не забыты: практически каждый год они получают новые книги о Робине, от вполне традиционных до совсем непривычных, наподобие «Робин Гуда против бессмертных» (2011), где атаман сражается с армией зомби.

Несмотря на обилие книг о Робин Гуде, можно сказать, что этому герою не повезло — о нем не написано столь ярких и самобытных произведений, как романы Теренса Уайта, Бернарда Корнуэлла, Мэри Стюарт о короле Артуре. Может быть, поэтому большинство наших современников узнают о приключениях знаменитого разбойника не из книг, а из фильмов. Их количество тоже весьма велико — Робин Гуду посвящено уже более ста кинокартин, больше, чем любому другому реальному или вымышленному историческому деятелю. Еще на заре кинематографа, в 1908 году, в Англии режиссером Перси Стоу был снят десятиминутный фильм «Приключения Робин Гуда». Вскоре появились еще четыре короткометражки, однако в полную силу Робин развернулся на экране только в 1922 году, когда знаменитый американский актер Дуглас Фэрбенкс сыграл его в картине канадского режиссера Аллана Дуэйна. Фильм «Робин

Гуд» стал одним из самых дорогих в истории немого кино — инвесторы затратили на него полтора миллиона долларов. Съёмки велись не только в лесу; близ Нью-Йорка выстроили целый замок, где герой Фэрбенкса бегал по лестницам и дрался на шпагах с людьми шерифа. Главной линией фильма была любовная — Робин спасал из ноттингемской темницы прекрасную Мэриан, руки которой тщетно добивался коварный шериф. Картина заложила традицию «американского Робин Гуда», сильно напоминавшего ковбоя-одиночку вестернов. Этот герой был более суровым и одновременно более сентиментальным, чем его английский вариант.

Следующий из знаменитых фильмов о Робине появился в 1938 году — это были цветные «Приключения Робин Гуда» голливудского режиссера Майкла Кертиса, будущего создателя «Касабланки». В духе времени герой, которого играл Эрролл Флинн, был неукротимым борцом против тирании, которую воплощали шериф и сэр Гай Гисборн (его играл Бэзил Рэтбун, прославившийся позже ролью Шерлока Холмса). Робин был изображен аристократом, который возвращается из крестового похода и теряет свои владения из-за конфликта с принцем Джоном. Возглавив отряд разбойников, он постепенно обретает популярность благодаря отчаянной храбрости и меткости в стрельбе и в итоге помогает освобожденному из плена королю Ричарду вернуть трон. Этот сюжет, соединивший версии Вальтера Скотта и Энтони Мандея, в кино стал господствующим — в немалой степени из-за громадной популярности фильма Кертиса. В кризисные 1930-е годы он заработал в прокате четыре миллиона долларов (вдвое больше, чем было на него потрачено) и до сих пор входит во всевозможные перечни «ста лучших фильмов». Главной причиной этого было обаяние Флинна, который, помимо неотразимого *sex appeal*, обладал отменным чувством юмора. Благодаря ему неотъемлемыми приметам благородного разбойника для зрителей стали широкая улыбка, щегольская борода и охотничья шапочка — «робингудка», заменившая прежний капюшон.

Образ Робин Гуда настолько соединился с Флинном, что продюсеры долгое время боялись доверять эту роль другому актеру. Часто героем делали сына Робина — так было в американских фильмах 1946 года «Бандит из Шервуда» и 1950 года «Смельчаки Шервудского леса». В 1958 году вышел фильм «Сын Робин Гуда», где героиней стала переодетая юношей дочь героя — Диринг. Традиция оказалась живучей — в 2001 году в фильме «Принцесса воров» другую дочь Робина по имени Гвин сыграла нынешняя звезда Голливуда Кира Найтли.

Фильмы, героем которых все же становился сам Робин, долгое время

проваливались в прокате. Среди них были «Принц воров» 1948 года, где главную роль сыграл Джон Холл, «Сказки о Робин Гуде» 1951 года (Роберт Кларк) и «История Робин Гуда и его удальцов» 1952 года (Ричард Тодд). Последний фильм, снятый самим Уолтом Диснеем, был довольно удачным — к примеру, Джоан Райс, сыгравшую леди Мэриан, многие считали лучшей исполнительницей этой роли. Но зрители не оценили и эту картину, так что в следующий раз, в 1973 году, студия «Дисней» сняла о Робине оригинальный мультфильм, где героев играли животные. Главный герой предстал в облике хитрого лиса Ренара, Мэриан, соответственно, изображала сексапильная лисичка, в роли шерифа выступал волк, Маленького Джона — медведь, брата Тука — барсук. Это было не первое обращение мультипликации к робингудовской теме — в 1964 году был снят канадский мультфильм «Робин Гуд на ракете», где Робин и его «веселые астронавты» жили на Шервудском астероиде и боролись против космического шерифа. В 1992 году тоже в Канаде вышел мультсериал «Юный Робин Гуд».

С появлением телевидения Робин Гуд стал одним из первых героев «костюмных» телесериалов. Уже в 1953 году на Би-би-си был снят быстро забытый сериал «Робин Гуд», где главную роль сыграл Патрик Троутон. Гораздо популярнее оказался сериал «Приключения Робин Гуда» с Ричардом Грином в роли Робина. Эксперт по «робинговской» фильмографии Майкл Итон отмечал, что Грин не так харизматичен, как Фэрбенкс или Флинн, зато он, в отличие от них, — не одинокий герой, а лидер, за которым охотно идут люди. Он также более серьезен и немногословен, в чем ему охотно подражали последующие исполнители роли. В их трактовке Робин превратился в молчаливую, статичную «ось» действия, вокруг которой вращаются более живые и разговорчивые герои — Маленький Джон, Алан-э-Дейл, брат Тук, наконец, девица Мэриан, без которой вопреки ее скромной роли в фольклоре не обходилась ни одна картина.

После 1954 года несколько фильмов про Робин Гуда сняла британская киностудия «Хаммер». В них героя встраивали в реальность средневековой Англии и делали участником политических интриг — в фильме «Меч Шервудского леса» он, к примеру, участвовал в заговоре против кентерберийского архиепископа Хьюберта Уолтера. В 1969 году «Хаммер» снял неоконченный телесериал «Молодой Робин Гуд», авторы которого пытались воссоздать исторический фон легенды. Робин (Дэвид Уорбек) здесь живет не в Шервуде, а в Барнсдейле и враждует не с шерифом Ноттингемским, а со своими противниками из ранних баллад — аббатом монастыря Святой Марии и сэром Роджером Донкастерским. Сериал почти

не имел успеха (из-за чего и остался неоконченным), однако стал образцом для новых фильмов о Робин Гуде, претендующих на историческую достоверность и одновременно внедряющих в реалистический балладный мир всевозможную мистику.

На стыке старой и новой традиций был снят превосходный английский фильм «Робин и Мэриан» (1976), в советском прокате названный «Возвращение Робин Гуда». В нем Шон Коннери и Одри Хепбёрн играли постаревших влюбленных, разлученных судьбой. Робин-Шон, вернувшись в Англию из многолетних странствий, узнает, что его возлюбленная ушла в монастырь, а давний враг, шериф Ноттингема (Роберт Шоу), по-прежнему вершит правосудие. Робин вызывает шерифа на поединок, и старые противники, уже не испытывая друг к другу никакой вражды, вступают в бой, чтобы не портить легенду. Раненому в поединке Робину его возлюбленная Мэриан дает яд, чтобы избавить от мучений, а после пьет из того же кубка сама — так в фильме преломилась версия о гибели героя от руки монахини. «Робин и Мэриан», где ностальгическая грусть соседствует с мягким, истинно английским юмором, остается одним из лучших фильмов на робиновскую тему, хотя массового зрителя он не привлек из-за отсутствия привычного хеппи-энда.

Ему, массовому зрителю, куда больше понравился снятый в 1982–1986 годах на Би-би-си мистический телесериал «Робин из Шервуда». В нем главный герой (бледный и загадочный Майкл Прейд — сегодня он играл бы вампира) покидает родную деревню Локсли и уходит в лес, где его берет под опеку древний рогатый бог Херн Охотник. В сериале Робин из Локсли противостоит не столько людям шерифа, сколько враждебным божествам и их служителям, особенно злему колдуну барону де Бэлему. Чернокожий слуга последнего, бывший ассасин Насир (актер Марк Райен), перешедший позже на сторону Робин Гуда, основал политкорректную традицию присутствия в шайке Робина хотя бы одного африканца. Неожиданно для создателей сериал стал так популярен, что его не прервали даже после ухода Прейда — его заменил сын Шона Коннери Джейсон, а зрителям было объявлено, что Робин из Локсли погиб, и Херн избрал себе нового «сына», графского наследника Роберта Хантингдона, который к тому же оказывается сводным братом сэра Гая Гисборна. Балансируя между мистическим триллером и «мыльной оперой», сериал все же оказался ближе к первому, чему способствовала замечательная музыка ирландской фолк-группы «Кланнад».

Популярность Робин Гуда в англо-американском мире росла. Его именем называли спортивные общества и сорта сыра, ради него толпы

туристов устремились в Ноттингем, а всякий уважающий себя преступник, раздав бедствующим землякам кое-что из награбленного, объявлял себя «вторым Робинотом». В этих условиях впервые со времен Дж. Ритсона началось интенсивное научное исследование робингудовской легенды. Новаторской здесь стала работа Джеймса Кларка Холта «Робин Гуд» (1982), автор которой, проанализировав все известные источники, собрал данные об исторических прототипах разбойника, после чего пришел к далеко не новому выводу — Робин Гуд никогда не существовал, это собирательный образ. Ту же линию продолжил Стивен Найт в своем труде «Робин Гуд: Полное исследование об английском разбойнике» (1994). В 1998 году Найт опубликовал найденный им манускрипт Форрестера, а годом позже совместно с американским ученым Томасом Олгреном издал в США антологию источников и научных работ о Робин Гуде. Стивен Найт, несмотря на свою скандальную версию о гомосексуализме Робина, до сих пор остается ведущим исследователем по данной теме. Он окончательно сформулировал господствующую на сегодняшний день версию, согласно которой Робин Гуд — не историческая фигура, а «конгломерат местных мифов»^[74].

Тем временем владельцы киностудий, обращая мало внимания на изыскания историков, обрушивали на зрителей все новые версии приключений благородного разбойника. В 1991 году вышли на экран сразу два фильма, из которых громкую известность получил только один — «Робин Гуд, принц воров» режиссера Кевина Рейнольдса с Кевином Костнером в главной роли. Сюжет его вполне банален — вернувшись из крестового похода, герой-аристократ обнаруживает, что его земли захвачены шерифом, который установил в отдельно взятом графстве настоящую диктатуру при помощи своего кузена Гая Гисборна и злой ведьмы Мортианны. Среди прочих злодейств шериф убил отца Робина и домогается любви его невесты Мэриан (Мэри Мастрантонио). С помощью друзей — Маленького Джона, Уилла Скарлета и преданного мавра Азима — Робин врывается в Ноттингемский замок, убивает шерифа (Алана Рикмена) и увозит Мэриан в лес. В конце его прощает на пару минут появившийся на экране Ричард Львиное Сердце в исполнении все того же Шона Коннери. Фильм много ругали за вторичность, картонность действующих лиц и даже за то, что Робин-Костнер в нем говорит с американским акцентом. Однако публика приняла его на ура — при бюджете 38 миллионов долларов он заработал почти 400 миллионов.

Второй фильм 1991 года о Робин Гуде прошел почти незамеченным, хотя получился, по общему мнению, куда лучше. Хотя бы потому, что его

сняли английские кинематографисты, постаравшиеся при помощи историка Джеймса Холта скрупулезно воссоздать историческую реальность XII века — сюжет легенды был привычно отнесен к этому времени. В этом фильме герой, которого сыграл Патрик Бергин, выглядит куда менее безобидным, чем во всех прочих, — он хоть и благороден, но в гневе может быть страшным, почти безумным. Рядом с ним — верные «удальцы» и леди Мэриан, которую сыграла будущая звезда Ума Турман, тогда совсем юная. Коллизия фильма, довольно мрачного по колориту, заключена в противостоянии англосаксов, которых представляет Робин, и завоевателей-нормандцев.

Оба фильма и вся робингудовская традиция были безжалостно осмеяны в снятом в 1993 году фильме-пародии американца Мэла Брукса «Робин Гуд: мужчины в трико». Традиционный сюжет в нем сохранен, но все герои травестированы: брат Тук превратился в раввина Тукмана, чернокожий друг Робина — в рэпера по имени Апчхи, Гай Гисборн — в киллера мафии дона Джованни. Сам Робин, поминутно принимающий героические позы и стреляющий из «лукомета» сразу десятком стрел, весь фильм не может найти ключ от пояса верности, надетого на девицу Мэриан злым шерифом Ротгингема, то есть «Гнильгорода». Фильм Брукса возмутил романтиков, но внес свой вклад в традицию, породив новую волну пародий, быстро скатившихся на уровень дешевых скетчей с шутками «ниже пояса».

Усвоив нехитрую формулу «Робин Гуд = успех», продюсеры продолжали штамповать фильмы и сериалы с «мужчинами в трико». «Новые приключения Робин Гуда», снятые в 1994–1996 годах, не вызвали особой любви зрителей, несмотря на дорогостоящие декорации и участие не переменного африканца — мастера боевых искусств Кемала. Мавр появился и в сериале «Робин Гуд», снятом для Би-би-си в 2006 году — оригинальности ради авторы превратили его в переодетую мужчиной девушку по имени Джак (эту роль исполнила звезда Болливуда Анджали Джай).

В 2010 году за экранизацию приключений Робин Гуда взялся такой известный режиссер, как Ридли Скотт. Как обычно, в главной роли он задействовал своего любимца — австралийца Рассела Кроу. Его герой, простой лучник короля Ричарда Робин Лонгстрайд, по возвращении из крестового похода волей случая выдает себя за убитого в чужих краях сэра Роберта Локсли и влюбляется в его вдову, прекрасную Мэриан (Кейт Бланшетт). Когда друг короля Иоанна Годфри сперва огнем и мечом проходит по северу Англии, выбивая налоги, а потом организует вторжение

в страну французов, Робин выступает против него во главе баронской армии и побеждает. Король, в час опасности поклявшийся баронам подписать Великую хартию вольностей (ее по сценарию сочинил отец Робина, каменщик-революционер), после победы отказался от обещания и объявил Лонгстрайда-Локсли вне закона. Фильм кончается идиллической жизнью Робина с Мэриан и кучей детишек в Шервудском лесу, но ясно, что в итоге герой и его друзья все-таки заставят вероломного Иоанна подписать хартию — «краеугольный камень храма свободы».

Фильм Скотта поставлен с размахом, исторический фон в принципе соблюден — разве что длинный лук опять появляется на целый век раньше, но куда же Робину без него? Однако сюжет ничем не напоминает робингудовские легенды, да и герой Кроу, побитый жизнью небритый вояка, мало напоминает привычного красавца и весельчака. Амплуа злодеев тоже поменялись — шериф едва заметен, сэр Гай вообще отсутствует, но их с успехом заменяют демонический Годфри и коварный король Иоанн. Несхожестью с привычными шаблонами картина напоминает вышедшего несколькими годами ранее «Короля Артура» Антуана Фукуа — может быть, поэтому оба фильма оказались менее популярными, чем ожидали их создатели. Тем не менее после выхода фильма Скотта голливудские боссы еще активнее взялись за освоенную тему: на 2012 год намечен выпуск очередного «Робин Гуда», на сей раз изготовленного знаменитыми братьями Вачовски.

Итак, в англо-американской массовой культуре Робин Гуд пережил не менее пяти «реинкарнаций». Первая — плут и хитрец народных преданий, ведущий свою родословную от веселого бога-трикстера «майских игр». Вторая — несправедливо обиженный аристократ тюдоровской драмы, который мстит тиранам, лишившим его законных прав. Третья — викторианский лесной житель, похожий на проказливого, но безобидного эльфа, друг зверей, любитель песен и плясок. Четвертая, принадлежащая уже XX веку, — революционер, сделавший делом всей жизни борьбу с угнетателями народа. Наконец, пятая, новейшая, — хитрый политик, из своего леса вершащий судьбы Англии и ее короны. В разные периоды на передний план выдвигается то одна, то другая из этих ипостасей. В последние десятилетия бал правят аристократ и политик, но бурные события современности, связанные с глобальным кризисом капитализма, наверняка вернут к жизни и Робина-революционера. Бунтари 2011 года, захватывающие Уолл-стрит и лондонский Сити, уже выдвинули идею «налога Робин Гуда», которым следует облагать спекулятивные банковские операции. Прогнозируемо скорое появление фильма, где Робин в борьбе за

справедливость сменит лук и стрелы на компьютер — не его ли снимают сейчас создатели «Матрицы»?

За пределами Англии и США образ Робин Гуда воплощался на экране не слишком часто. Еще в 1924 году в Японии появился немой фильм «Любовь Робин Гуда», где от привычного сюжета остались только имена героев. В 1970 году в Италии был снят достаточно традиционный фильм «Лучник из Шервуда», где Робина сыграл красавец Джулиано Джемма. Позже собственные фильмы о шервудском разбойнике были созданы в Испании, Германии, Мексике, Бразилии. В той же Японии в 1990 году начал сниматься для телевидения многосерийный (52 эпизода) мультфильм-аниме «Похождения Робин Гуда». Сюжет его тоже традиционен: злой барон Элвайн, заменяющий здесь шерифа, лишает юного Робина его владений, но тот после многих приключений побеждает врагов, обретая заодно любовь прелестной Мэриан. Любопытно, что здесь монах Тук, живущий в лесу, воспитывает Робина, как Мерлин — Артура.

В целом зрители других стран предпочитают Робин Гуду собственных «благородных разбойников», известных, как уже говорилось, почти каждой национальной культуре. Из них популярностью с Робинем может сравниться разве что загадочный Зорро, которого часто считают порождением латиноамериканского фольклора или даже историческим персонажем. На самом деле Зорро был создан в 1919 году нью-йоркским бульварным писателем Джонстоном Маккали и стал знаменит благодаря тому же Дугласу Фэрбенксу, сыгравшему его роль в немом фильме «Маска Зорро» (1920). Зорро с Робинем роднит еще многое — благородное происхождение, рыцарское отношение к дамам, невеста-помощница и, наконец, маска, представляющая собой тот же капюшон (*hood*). У прототипов Зорро, которых выявлено не менее семи, все эти свойства отсутствовали, поэтому латинского разбойника можно с полным правом считать всего лишь «клоном» Робин Гуда.

В российском кино Робин появлялся всего дважды, оба раза в исполнении мужественно-обаятельного Бориса Хмельницкого. Первый раз это случилось в фильме Литовской киностудии «Стрелы Робин Гуда», снятом в 1975 году. Картину с невнятным сюжетом и вялой актерской игрой могли бы украсить (но не украсили) песни, написанные Владимиром Высоцким по заказу режиссера Сергея Тарасова. Семь замечательных песен-баллад, знакомых всем поклонникам певца, были в конце концов выкинуты из фильма по настоянию руководства Гостелерадио. В 1983 году, уже после смерти Высоцкого, часть из них нашла свое место в снятой тем же С. Тарасовым экранизации романа Вальтера Скотта под названием

«Баллада о доблестном рыцаре Айвенго». Благодаря заимствованию из «Стрел Робин Гуда» самых удачных сюжетных ходов песни превосходно вписались в фильм и сразу полюбили зрители. Да и как им было не полюбиться?

Бедняки и бедолаги,
Презирая жизнь слуги,
И бездомные бродяги,
У кого одни долги, —
Все, кто загнан, неприкаян,
В этот вольный лес бегут,
Потому что здесь хозяин —
Славный парень Робин Гуд!

В глухие застойные годы эти песни несли с собой предчувствие перемен, убежденность в том, что свобода и честь выше, достойнее денег и власти. Так же они воспринимаются и сегодня, хотя страна кардинально изменилась, и ее героями, новыми Робин Гудами, сделались «благородные» бандиты и неотличимые от них стражи закона. Впрочем, это неплохая параллель к западным фильмам о Робине, где слуга закона, шериф Ноттингемский, борется с разбойниками еще более жестокими и противозаконными методами, чем те, что применяют они.

В этом можно увидеть знамение времени: сегодня легенда о Робин Гуде лишается той этической доминанты, которую она обрела в XVI веке. В более ранних балладах разбойник воспевался не за свое благородство, а за храбрость, удачливость, верность дружбе. С этими качествами он так и остался бы локальным героем, если бы не тюдоровская модернизация, расколовшая английское общество и сделавшая Робина выразителем «альтернативной морали». В глазах анонимных авторов баллад он более справедлив, чем блюстители законности, более благочестив, чем епископы и монахи, более великодушен, чем сам король. Его «лесной закон» лучше всех официальных кодексов, поскольку судит не по букве, а по правде.

Сейчас, в эпоху атомизации общества, когда у каждого своя правда, прежние основания для прославления Робин Гуда сошли на нет. Да, он помогал бедным — но они ничем не лучше богатых. Он защищал вдов и сирот — но за это они должны были служить ему, подвергаясь немалой опасности. Он горой стоял за своих стрелков — но это всего лишь круговая порука, обычная для всех бандитов. Массу претензий к Робину могут

предъявить и защитники окружающей среды (браконьерски истреблял дичь), и люди верующие (издевался над церковниками и церковными обрядами), и, конечно, поборники закона, который он постоянно и злобно нарушал.

Почему же легенда о благородном разбойнике до сих пор продолжает жить, а его образ по-прежнему сохраняет притягательность? Думается, тому есть две причины. Первая из них — благородство, которого в нынешнем мире все меньше и в котором этот мир нуждается все острее. Вторая — разбойничество, суть которого большинству людей видится не в насильственном присвоении чужого добра, а в свободе, одинаково недоступной и притягательной для богатых и бедных, королей и слуг. Для всех, кроме Робин Гуда и его удальцов, так навсегда и оставшихся в лесном приволье Шервуда.

ПРИЛОЖЕНИЕ

- Баллады о Робин Гуде (по изданию Ф. Чайлда)^[75]
102. Вилли и дочь графа Ричарда (*Willie and Earl Richard's Daughter*).
 103. Алая Роза и Белая Лилия (*Rose the Red and White Lily*).
 114. Джонни Кок (*Johnie Cock*).
 115. Робин и Ганделин (*Robyn and Gandeleyн*).
 116. Адам Белл, Клим из Клу и Уильям из Клоуд — сли (*Adam Bell, Clim of the Clough and William of Cloudesley*).
 117. Малая жеста о Робин Гуде (*A Lyttel Geste of Robin Hode*).
 118. Робин Гуд и Гай Гисборн (*Robin Hood and Guy of Gisborne*).
 119. Робин Гуд и монах (*Robin Hood and the Monk*).
 120. Смерть Робин Гуда (*Robin Hood's Death*).
 121. Робин Гуд и гончар (*Robin Hood and the Potter*).
 122. Робин Гуд и мясники (*Robin Hood and the Butcher*).
 123. Робин Гуд и отчаянный монах (*Robin Hood and the Curtal Friar*).
 124. Веселый гуртовщик из Уэйкфилда (*The Jolly Pinder of Wakefield*).
 125. Робин Гуд и Маленький Джон (*Robin Hood and Little John*).
 126. Робин Гуд и кожевник (*Robin Hood and the Tanner*).
 127. Робин Гуд и лудильщик (*Robin Hood and the Tinker*).
 128. Робин Гуд и заново родившийся (*Robin Hood newly Revived*, другое название — *Robin Hood and the Stranger*).
 129. Робин Гуд и принц Арагона (*Robin Hood and the Prince of Aragon*).
 130. Робин Гуд и шотландец (*Robin Hood and the Scotchman*).
 131. Робин Гуд и егерь (*Robin Hood and the Ranger*).
 132. Храбрый торговец и Робин Гуд (*The Bold Pedlar and Robin Hood*).
 - 133-134. Робин Гуд и нищий (*Robin Hood and the Beggar* — две части).
 135. Робин Гуд и пастух (*Robin Hood and the Shepherd*).
 136. Веселье Робин Гуда (*Robin Hood's Delight*).
 137. Робин Гуд и торговцы (*Robin Hood and the Pedlars*).
 138. Робин Гуд и Аллан-э-Дейл (*Robin Hood and Allen a Dale*).
 139. Путь Робин Гуда в Ноттингем (*Robin Hood's Progress to Nottingham*).
 140. Робин Гуд спасает трех стрелков (*Robin Hood rescuing three Squires*, другое название — *Robin Hood rescues Three Young Men*).
 141. Робин Гуд спасает Уилла Статли (*Robin Hood rescuing Will Stutly*).
 142. Маленький Джон просит милостыню (*Little John a Begging*).

143. Робин Гуд и епископ (*Robin Hood and the Bishop*).
144. Робин Гуд и епископ Херефорда (*Robin Hood and the Bishop of Hereford*).
145. Робин Гуд и королева Кэтрин (*Robin Hood and Queen Katherine*).
146. Погоня Робин Гуда (*Robin Hood's Chase*).
147. Робин Гуд делит золото (*Robin Hood's Golden Prize*).
148. Благородный рыбак, или Выгодная служба Робин Гуда (*The Noble Fisherman, or Robin Hood's Preferment*, другое название — *Robin Hood's Fishing*).
149. О рождении, воспитании, доблести и женитьбе Робин Гуда (*Robin Hood's Birth, Breeding, Valor and Marriage*).
150. Робин Гуд и дева Мэриан (*Robin Hood and Maid Marian*).
151. Хитрость короля и его дружба с Робин Гудом (*The King's Disguise and Friendship with Robin Hood*).
152. Робин Гуд и золотая стрела (*Robin Hood and the Golden Arrow*).
153. Робин Гуд и доблестный рыцарь (*Robin Hood and the Valiant Knight*).
154. Подлинная история Робин Гуда (*A True Tale of Robin Hood*).

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ, СВЯЗАННЫЕ С ИМЕНЕМ РОБИН ГУДА

1191 — у Давида Шотландского, графа Хантингдона, родился первенец Роберт.

1194 — король Ричард Львиное Сердце возвращается в Англию после крестового похода и плена.

1196 — Роберт фиц Одо, рыцарь из Локсли в Уорикшире, лишен имени как преступник.

1199 — после гибели Ричарда королем Англии становится его брат Иоанн Безземельный.

1213 — объявлен вне закона за убийство слуга аббата Сай — ренчестера Роберт Гуд.

1215 — подписание Великой хартии вольностей.

1225 — в документах английского казначейства упоминается Роберт Год (Хоббеход), объявленный вне закона в Йоркшире.

1237 — смерть Джона, графа Хантингдона, и упразднение его титула.

1247, 8 ноября — упомянутая в надгробной надписи дата смерти Робин Гуда.

1261 — в Беркшире объявлен вне закона разбойник Роберт Смит по прозвищу Робгод.

1265 — мятеж графа Симона де Монфора против короля, в котором, по свидетельству ряда источников, участвовал Робин Гуд.

1272 — в Шервудском лесу арестован мятежник Роджер Год — берд, один из возможных прототипов Робин Гуда.

Около 1280 — французская пастораль «Игра о Робине и Марион».

1316 — в судебных отчетах города Уэйкфилд в Йоркшире упоминаются Роберт Год и его жена Матильда.

1318 — в Уэйкфилде объявлен вне закона разбойник Маленький Джон.

1322 — королевские войска подавили мятеж графа Ланкастера. Его сторонники, среди которых мог быть и Роберт Год, скрываются в лесах.

1323 — Робин Гуд служит привратником при дворе короля Эдуарда II.

1347 — еще одна возможная дата смерти Робин Гуда.

1377 — упоминание о Робин Гуде в «Видении о Петре Пахаре» Уильяма Ленгленда.

1380 — Робин Гуд упоминается в поэме Чосера «Троил и Хри —

сеида».

1381 — восстание Уота Тайлера.

1382 — король помиловал мятежника Роберта Дора из Йоркшира, прозванного Робин Гудом.

1417 — в королевских грамотах упоминается Роберт Стаффорд, бывший священник из Сассекса, ставший разбойником по кличке «брат Тук».

1420 — упоминание о Робин Гуде в хронике Андру из Уинтона при описании событий 1283 года.

1426 — «Робингудовы игры» в Эксетере.

1429 — первая известная запись баллады о Робин Гуде.

1440 — шотландский хронист Уолтер Боуэр упоминает Робин Гуда как участника мятежа Симона де Монфора.

1510 — напечатан сборник «Малая жеста о Робин Гуде».

1521 — Джон Мейджор в «Истории Великой Британии» впервые пишет о знатном происхождении Робин Гуда.

1527 — «История Шотландии» Гектора Бойса сообщает о почитании могилы Маленького Джона в Йоркшире.

1542 — Джон Лиланд описывает могилу Робин Гуда в Кир — клисе.

1560 — напечатана первая известная пьеса о Робин Гуде.

1569 — Ричард Графтон в «Большой хронике» впервые приписал Робин Гуду знатное происхождение.

1592 — упоминание о Робин Гуде и его соратниках в «Анналах» Джона Стоу.

1598 — Энтони Мандей пишет пьесы «Падение Роберта, графа Хантингдонского» и «Смерть Роберта, графа Хантингдонского», посвященные Робин Гуду.

1600 — «манускрипт Слоуна» впервые называет Локсли местом рождения Робин Гуда.

1632 — «Подлинная история Робин Гуда» Мартина Паркера.

1665 — первое изображение могилы Робин Гуда в Кирклисе.

1697 — в сочинении антиквара Томаса Гейла приводится надпись на могиле Робин Гуда в Кирклисе.

1743 — Уильям Стакли в книге «Paleographia Britannica» приводит сведения о наследнике графства Хантингдон Роберте Фиц-Узе — возможном прототипе Робин Гуда.

1784 — вскрытие могилы Маленького Джона в Хэзерсейдже.

1795 — научный труд антиквара Джозефа Ритсона «Робин Гуд».

1819 — роман Вальтера Скотта «Айвенго».

- 1822 — роман Томаса Лава Пикока «Дева Мэриан».
- 1840 — книга Пирса Игена «Робин Гуд и Маленький Джон».
- 1860 — опера Джорджа Макфаррена «Робин Гуд».
- 1872 — роман Александра Дюма «Робин Гуд, принц воров».
- 1882 — издание баллад о Робин Гуде в составе пятитомника Фрэнсиса Чайлда «Английские и шотландские баллады».
- 1883 — книга Говарда Пайла «Веселые приключения Робин Гуда».
- 1890 — поставлен мюзикл Реджинальда де Ковена «Робин Гуд».
- 1908 — снят первый фильм о Робин Гуде — «Робин Гуд и его удалыцы» режиссера Перси Стоу.
- 1919 — в Петрограде вышел сборник «Баллады о Робин Гуде» в переводах Н. Гумилева, Г. Иванова, Вс. Рождественского и других, с предисловием М. Горького.
- 1922 — фильм «Робин Гуд» (в главной роли Дуглас Фэрбенкс).
- 1938 — фильм Майкла Кертиса «Приключения Робин Гуда» (в главной роли Эрролл Флинн).
- 1956 — книга Роджера Грина «Приключения Робин Гуда».
- 1970 — итальянский фильм «Лучник из Шервуда» (в главной роли Джулиано Джемма).
- 1973 — студия Уолта Диснея выпускает мультфильм «Робин Гуд», где в роли героев выступают животные.
- 1975 — советский фильм «Стрелы Робин Гуда» (режиссер С. Тарасов, в главной роли Б. Хмельницкий).
- 1976 — фильм «Робин и Мэриан» (режиссер Ричард Лестер, в главных ролях Шон Коннери и Одри Хепбёрн).
- 1983 — советский фильм «Баллада о доблестном рыцаре Айвенго» (режиссер С. Тарасов, в роли Робин Гуда Б. Хмельницкий).
- 1984–1986 — английский телесериал «Робин из Шервуда» (в главной роли Майкл Прейд, потом Джейсон Коннери).
- 1991 — исторический боевик «Робин Гуд, принц воров» (режиссер Кевин Рейнольдс, в главной роли Кевин Костнер). Фильм «Робин Гуд» (режиссер Джон Ирвин, в главной роли Патрик Бергин).
- 1993 — фильм-пародия Мэла Брукса «Робин Гуд: мужчины в трико» (в главной роли Кэри Элвес).
- 2006 — телесериал «Робин Гуд» (в главной роли Джонас Армстронг).
- 2010 — фильм Ридли Скотта «Робин Гуд» (в главной роли Рассел Кроу).

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Английская и шотландская народная баллада: Сборник /Сост. Л. М. Аринштейн. М., 1988.

Баллады о Робин Гуде / Под ред. Н. Гумилева. Пг., 1919.

Баллады о Робин Гуде / Пер. Игн. Ивановского. Л., 1980.

Брайант А. Эпоха рыцарства в истории Англии / Пер. с англ. СПб., 2001.

Морозов М. М. Баллады о Робин Гуде. — В кн.: Морозов М. М. Избранные статьи и переводы. М., 1954.

Baldwin D. Robin Hood: The English Outlaw Unmasked. N.Y., 2010.

Bellamy J. Robin Hood: an historical enquiry. London, 1985.

Coghlan R. The Robin Hood Companion. London, 2003.

Dixon-Kennedy M. The Robin Hood Handbook. London, 2006.

Dobson R. B., Taylor J. Rymes of Robyn Hode. London, 1976.

Harris P. V. The truth about Robin Hood. London, 1956.

Hobsbawm E. Bandits. London, 1985.

Holt J. C. Robin Hood. London, 1982.

Hunter J. The Ballad Hero: Robin Hood // Critical & Historical Tracts. 1852. № IV. P. 28–38.

Hunter J. Hallamshire. London, 1819.

Hutton R. The Rise and Fall of Merry England: The Ritual Year 1400–1700. Oxford, 1996.

Keen M. The Outlaws of Medieval Legend. London, 2000.

Knight S. T. Robin Hood: A Complete Study of the English Outlaw. Oxford, 1994.

Knight S. T. Robin Hood: A Mythic Biography. Ithaca (NY), 2003.

Lees J. The Quest for Robin Hood. Nottingham, 1987.

Maddicott J. R. The Birth and Setting of the Ballads of Robin Hood // English Historical Review, 1978. P. 276–299.

Munday A. The Death of Robert, Earl of Huntingdon. Oxford, 1967.

Munday A. The Downfall of Robert Earl of Huntingdon. Oxford, 1965.

Ohlgren T. Robin Hood: The Early Poems, 1465–1560: Texts, Contexts, and Ideology. Newark (DE), 2007.

Phillips G., Keatman M. Robin Hood: The Man Behind the Myth. London, 1995.

Playing Robin Hood: The Legend as Performance in Five Centuries. Ed. L.

Potter. Newark (DE), 1998.

Pollard A. J. Imagining Robin Hood: The Late-Medieval Stories in Historical Context. London, 2004.

Pringle P. Stand and Deliver: Highway Men from Robin Hood to Dick Turpin. Dorset, 1991.

Pyle H. The Merry Adventures of Robin Hood of Great Renown in Nottinghamshire. N.Y., 1883.

Ritson J. Robin Hood: A Collection of All the Ancient Poems, Songs, and Ballads. London, 1832.

Robin Hood: An Anthology of Scholarship and Criticism. Cambridge (MA), 1999.

Robin Hood: The Forrester Manuscript. Ed. S. Knight. London, 1998.

Robin Hood: Medieval and Post-medieval. Ed. H. Phillips. London, 2005.

Robin Hood and Other Outlaw Tales. Ed. S. Knight, T. Ohlgren. Kalamazoo (MI), 1997.

Robin Hood in Popular Culture: Violence, Transgression and Justice. Ed. T. Hahn. Cambridge (MA), 2000.

Rutherford-Moore R. The Legend of Robin Hood. 1999.

Rutherford-Moore R. Robin Hood: On the Outlaw Trail. 2002.

Singman J. Robin Hood: The Shaping of the Legend. London, 1998.

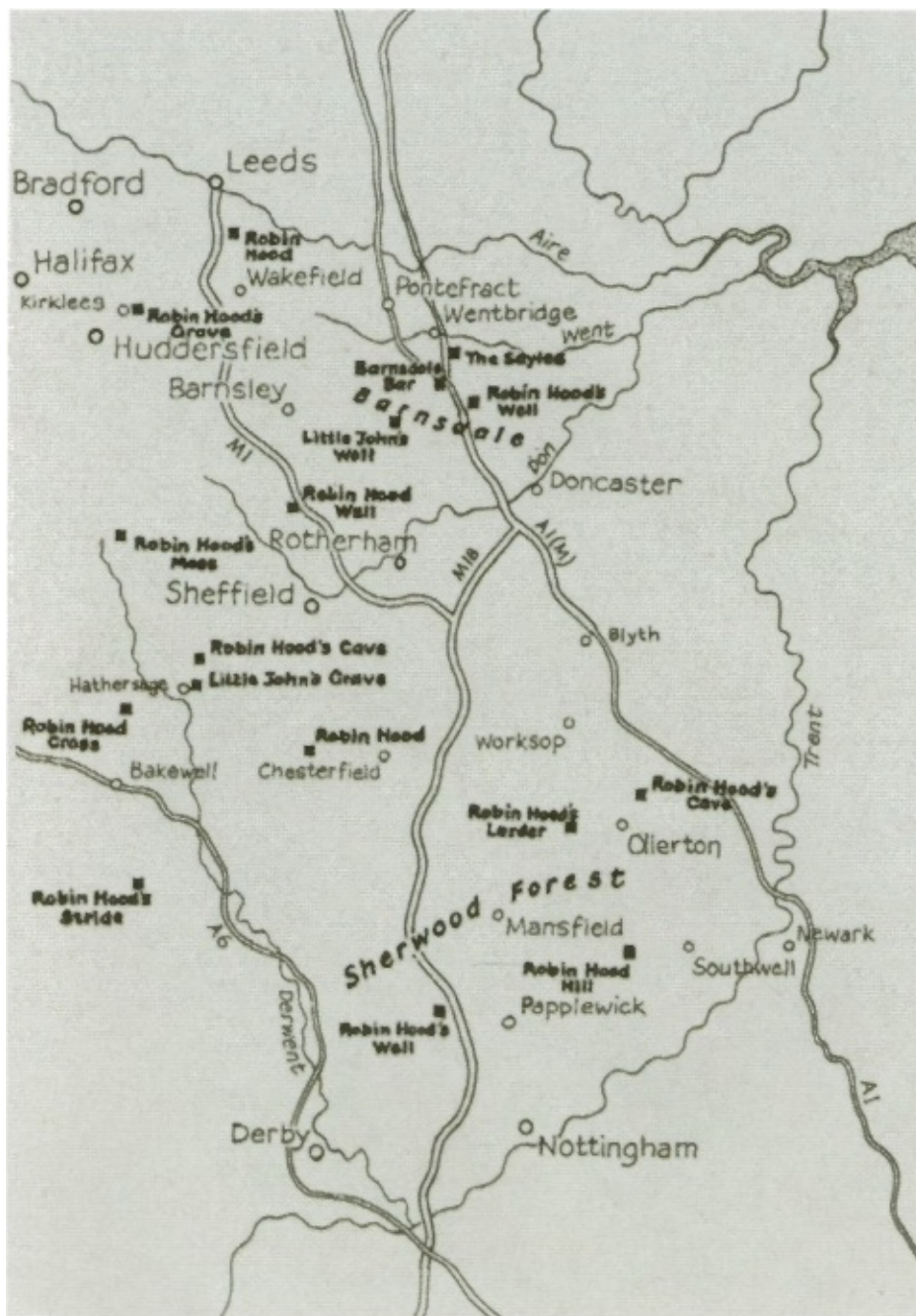
The Rymes of Robin Hood: An Introduction to the English Outlaw. Ed. R. B. Dobson, J. Taylor. London, 1977.

The English and Scottish Popular Ballads. Ed. F. J. Child. V. 1–5. Boston, 1882–1898.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Памятник у стен Ноттингемского замка
изображает Робин Гуда на заре разбойничьей карьеры

Карта «робингудовской» Англии — графства Ноттингемшир, Сауз-Йоркшир и Дербишир

Замок шерифа Ноттингемского

«Дуб Робин Гуда» в Шервудском лесу

Иллюстрации
американского
художника
Луиса Рейда:

1. Робин Гуд
2. Дева Мэриан
3. Маленький
Джон
4. Брат Тук
5. Уилл Скарлет
6. Алан-э-Дейл
7. Шериф
Ноттингема
8. Гай Гисборн

Гравюра
из первого
издания
«Малой жести
о Робин Гуде»

Встреча
Робин Гуда
с королем.
Гравюра
Л. Рейда

На месте этого дома в Локсли будто бы родился Робин Гуд
Городок Локсли в середине XX века

Разбойники пируют с королем Ричардом Львиное Сердце.
Картина Д. Маклиса. 1839 г.

Так выглядело приорство Кирклис
незадолго до своего закрытия

Надвратный дом приорства, где, по легенде,
скончался Робин Гуд

Надгробный камень
Робина в XVIII веке

Могила Робин Гуда.
Современный вид

Такие разные
Робин Гуды:

1. Дуглас
Фэрбенкс (1922)
2. Эррол Флинн
(1938)
3. Шон Коннери
(1976)
4. Кэри Элвес
(1993)

Робин Гуд из голливудского фильма 1991 года.
Кевин Костнер — с мавром Азимом (актер Морган Фримен)

Робин-2010 — Рассел Кроу

Наш российский Робин Гуд — Борис Хмельницкий

В диснеевском мультфильме
Робин удачно перевоплотился в хитрого лиса

Смерть Робин Гуда.
Рисунок Н. С. Уайета

notes

ПРИМЕЧАНИЯ

1

Баллады о Робин Гуде. Пг., 1919. С. 7–8.

Конечно, правила грамматики требуют склонять обе части имени героя — Робину Гуду, Робинот Гудом и т. д. Но в русском языке эти части давно слились в устойчивый фразеологический оборот, который склоняется по своим правилам, так же как, например, Конан Дойл.

В оригинале *rod* — старинная мера длины, равная примерно пяти метрам, в отличие от русской сажени, которая равнялась 2,13 метра.

Перевод Н. Гумилева.

Перевод С. Маршака.

Морозов М. М. Избранные статьи и переводы. М., 1954. С. 415.

Цит. по: Джеймс П., Торп Н. Тайны древних цивилизаций. М., 2007. С. 314. Перевод К. Савельева.

Robin Hood and Other Outlaw Tales. Kalamazoo (MI), 1997. P. 26.

Robin Hood and Other Outlaw Tales. P. 32.

Гершензон М. Робин Гуд. М., 1972. С. 26.

Перевод Вс. Рождественского.

Bellamy J. Robin Hood: an historical enquiry. London, 1985.

Баллады о Робин Гуде. Пг., 1919. С. 15.

Баллады о Робин Гуде. Пг., 1919. С. 56–57.

Баллады о Робин Гуде. Пг., 1919. С. 65.

Перевод М. Цветаевой.

Dobson R. B., Taylor J. Rymes of Robyn Hode. London, 1976. P. 84–86.

Перевод Г. Адамовича.

В оригинале *pindar* — искаженное *pinner*, владелец загона для скота.

Перевод Игн. Ивановского.

Grafton R. Chronicle. London, 1809. V. 1. P. 221.

Ibid. P. 222.

Цит. по: *Морозов М. М. Указ. соч. С. 412.*

Knight S. Robin Hood: A Complete Study of the English Outlaw. Oxford, 1994. P. 24.

The English and Scottish Popular Ballads. Ed. F. J. Child. Boston, 1887. V. 3. P. 117.

Цит. по: *Ritson J.* Robin Hood. London, 1832. P. XCVI.

Перевод Вс. Рождественского.

Горький М. Собрание сочинений. В 30 т. Т. 24. М., 1949. С.216.

Цит. по: *Singman J.* Robin Hood: The shaping of the legend. London, 1998. P. 159.

Цит. по: Джеймс П., Торп Н. Тайны древних цивилизаций. С. 326.

Пьеса переведена на русский язык Бенедиктом (Н. Н. Вентцелем). См.: Хрестоматия по истории западноевропейского театра. М., 1953. Т. 1. С. 84–95.

Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

Stubbes P. Anatomy of Abuses in England. London, 1882. P. 126.

Цит. по: *Ritson J.* Op. cit. P. LXXIII.

Цит. по: *Ritson J.* Op. cit. P. CXVIII.

Цит. по: *Hunter J. The Ballad Hero: Robin Hood // Critical & Historical Tracts. 1852. № IV. P. 69.*

Knight S. Robin Hood: A Complete Study of the English Outlaw. Oxford, 1994. P. 19.

Здесь и далее цитируется перевод Елизаветы Бекетовой, бабушки Александра Блока, впервые изданный еще в 1882 году и регулярно переиздающийся до сих пор.

Перевод В. Левика.

Stow J. Annals of England. London, 1603. P. 254.

Перевод М. Цветаевой.

Цит. по: *Keen M. The outlaws of medieval legend. P. 172.*

Перевод Н. Гумилева.

Пер. Игн. Ивановского.

Цит. по: *Ritson J.* Robin Hood. London, 1832. P. XXXII–XXXIII.

Чосер Дж. Кентерберийские рассказы. М., 1985. С. 32. Перевод И. Кашкина.

Robin Hood: An Anthology of Scholarship and Criticism. Cambridge (MA), 1999. P. 228.

Ibid. P. 237.

Брайант Л. Эпоха рыцарства в истории Англии. СПб., 2001. С. 445.

Перевод Вс. Рождественского.

Радзиевская С. Б. Тысячелетняя ночь. Уфа, 1995. С. 14.

Перевод Вс. Рождественского.

Цит. по: *Брайант А.* Указ. соч. С. 408–409.

Перевод М. Гершензона.

Leland J. Collectanea. V. 1. London, 1774. P. 54.

Grafton R. Chronicle. London, 1809. V. 1. P. 222.

Здесь покоится Роберт Гуд, второй сын графа Хантингдонского (*лат.*).

Цит. по: *Ritson J.* Op. cit. P. XLVIII.

Ritson J. Op. cit. P. XLIV.

См.: Robin Hood's Ballads. London, 1876. P. 351–352.

Цит. по: Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. М., 1961. С. 57.

Последним по времени стал историк-любитель Брайен Бенисон, издавший книгу «Реальная история Робин Гуда»: *Benison B. Robin Hood: The Real Story*. Nottingham, 2008.

Hunter J. The Ballad Hero: Robin Hood // Critical & Historical Tracts.
1852. № IV. P. 46.

Дж. Уокер изложил результаты своих исследований в статье «Robin Hood Identified» в «Йоркширском археологическом журнале» (*Yorkshire Archaeological Journal*) за 1944 год, а позже в книге «Подлинная история Робин Гуда» (*The True History of Robin Hood*. Wakefield, 1952).

Цит. по: *Брайант А.* Указ. соч. С. 428.

Stukeley W. Paleographia Britannica. Stamford, 1746. P. 114.

Lees J. The Quest of Robin Hood. Nottingham, 1987.

Гелиодор. Эфиопика. М., 1965. С. 224.

Hobsbawm E. Bandits. London, 1970. P. 25.

Ritson J. Op. cit.V. l.P. IX.

Перевод В. Микушевича.

Цитата из романа П. Игена. В оригинале вместо «холопа» стоит *valet*, старинное французское название слуги, что создает остроумный, по мнению автора, каламбур.

Баллады о Робин Гуде. С. 10.

Knight S. Robin Hood: A Complete Study of the English Outlaw. Oxford, 1994. P. 15.

Составитель расположил баллады по предполагаемому времени их создания. В список баллад включены также те, что, по мнению Чайлда, не входят в робингудовский цикл, но примыкают к нему. Баллады пронумерованы по изданию: *The English and Scottish Popular Ballads*. Ed. F. J. Child. V. 3. Boston, 1888.